

г о л о с а и с т о р и и

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА.

ВЕРХОВНЫЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ

Ю. Н. ДАНИЛОВ

Великий князь
Николай Николаевич

П. К. КОНДЗЕРОВСКИЙ

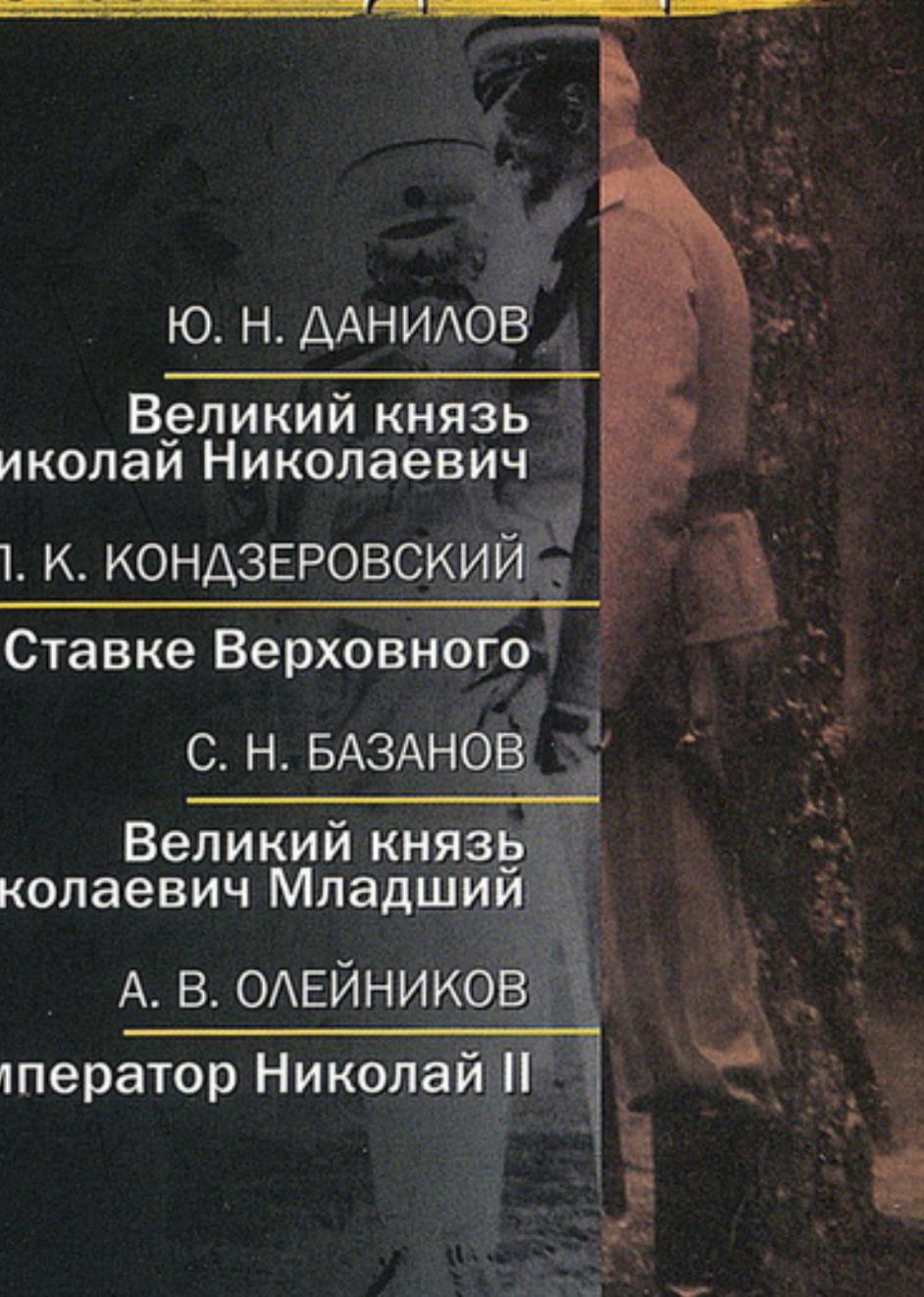
В Ставке Верховного

С. Н. БАЗАНОВ

Великий князь
Николай Николаевич Младший

А. В. ОЛЕЙНИКОВ

Государь Император Николай II

Голоса истории

Юрий Данилов

**Великая война. Верховные
главнокомандующие (сборник)**

«ПОСЕВ»

2014

Данилов Ю. Н.

Великая война. Верховные главнокомандующие (сборник) /
Ю. Н. Данилов — «ПОСЕВ», 2014 — (Голоса истории)

ISBN 978-5-906569-06-6

Книга посвящена двум Верховным главнокомандующим Русской Императорской армией в годы Первой мировой (Великой) войны – Великому князю Николаю Николаевичу Младшему и Государю Императору Николаю II. В сборник вошли воспоминания их современников – Ю. Н. Данилова (генерал-квартирмейстер Штаба Верховного главнокомандующего), П. К. Кондзеровского (дежурный генерал при Верховном главнокомандующем) и других, очерки историков С. Н. Базанова и А. В. Олейникова, а также документы. Какова роль каждого из главнокомандующих в исходе Великой войны для России? Какими качествами они обладали? Какими видели их современники? Как оценивают их поступки историки? Подобранный составителем материал позволит каждому ответить на эти вопросы, вполне возможно, даже пересмотреть свою точку зрения. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-906569-06-6

© Данилов Ю. Н., 2014
© ПОСЕВ, 2014

Содержание

Предисловие	6
Ю. Н. Данилов	8
Назначение Великого князя на пост русского Верховного главнокомандующего	9
1. Два кандидата	9
2. Мои довоенные отношения к Великому князю	18
3. Ставка и ее жизнь	20
4. Трудные условия работы русской стратегии	24
Первые месяцы войны[33]	30
1. Наступление в Восточную Пруссию. Влияние этого наступления на положение на Западном фронте	30
2. Неожиданный подарок союзникам наших моряков	37
3. Вторжение русских армий в Галичину	38
4. Русская армия на Висле в октябре 1914 г	41
5. Ипр и Лодзь	48
1915-й год на фронте	53
1. Положение русских армий на Западном фронте и выработка нового плана их действий	53
2. Миражи генерала Людендорфа	57
3. Посещение Государем Императором Николаем II Галичины	61
4. Германский контрманевр	67
Некоторые характерные черты и события из жизни фронта и тыла	79
1. Отношения между правительством и Ставкой	79
2. Шпиономания и тыловые беспорядки	81
3. 14 (27) июня 1915 г. В Ставке	84
Отношения Великого князя Николая Николаевича, как Верховного Главнокомандующего, к различным вопросам военно-дипломатического характера	91
1. Польский вопрос и взгляд Великого князя Николая Николаевича на управление завоеванной Галичиной	91
2. Турция и вопрос о проливах	98
3. Взаимоотношения Сербии и Болгарии. Черногория	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Великая война. Верховные главнокомандующие (сборник)

© Содружество «Посев», 2014

Предисловие

Очередная книга серии «Голоса истории», представляемая читателям в год столетия со дня начала Первой мировой (Великой) войны (1914–1918), посвящена двум главнокомандующим Русской Императорской армией – Великому князю Николаю Николаевичу Младшему и Государю Императору Николаю II. Несмотря на огромный массив литературы, выпущенной в свет в юбилейный год, фигуры двух главкомов, стоявших во главе русских войск с начала войны в июле 1914 г. по март 1917 г., по-прежнему остаются несколько в стороне от внимания историков и публицистов.

Первая мировая война, получившая от современников название Вторая Отечественная, или Великая война, многие десятилетия несправедливо оценивалась в отечественной историографии исключительно как война «империалистическая». За годы Великой войны вплоть до Октябрьского переворота Русскую армию возглавляло семь главнокомандующих или исполняющих их обязанности. Однако только двух из них – Николая Николаевича и Николая II – в полной мере можно назвать главкомами как находившихся на этих постах наиболее продолжительное время и имевших возможность последовательно проводить свою политику в стратегическом планировании и оперативном руководстве войсками и в сфере военного строительства и обеспечении войск всем необходимым. Сменившие их в 1917 г. генералы М. В. Алексеев, А. А. Брусилов, Л. Г. Корнилов и Н. Н. Духонин, несмотря на всю свою политическую значимость и военный опыт, не имели ни соответствующих возможностей, ни времени, для полноценного руководства стремительно разлагавшимися в условиях революционного времени войсками. Чистка, проводимая Временным правительством в высшем военном командовании после февраля 1917 г., чехарда в новых назначениях на высокие посты, «демократизация» военной жизни – все это ставило действующую армию в крайне тяжелые условия. Одним из символов происходящих в Русской армии и обществе событий стало формальное принятие на себя верховного командования министром-председателем Временного правительства А. Ф. Керенским, в критический момент и вовсе оставившего свой пост.

Но боевая история Русской армии в Великую войну, несмотря на трагические события 1917 г., не сводится лишь к поражениям и неудачам. Пример тому – военные кампании 1914–1916 гг. В них были и крупные успехи, – такие как Галицийская битва в августе – сентябре 1914 г., взятие Перемышля в марте 1915 г., Луцкий (Брусиловский) прорыв в июне – августе 1916 г. и т. д., и большие неудачи – Восточно-Прусская операция августа – сентября 1914 г., Великое отступление лета – осени 1915 г. и др. Главное, все же, заключается в том, что, несмотря на стратегические просчеты командования, трудности в обеспечении и снабжении войск вооружением и боеприпасами, Русская армия не только выстояла в сложное время, но и сыграла значительную роль в одержании победы стран Антанты над Четвертым союзом.

Весомый вклад в победы и успехи как русских войск, так и войск стран «сердечного согласия», безусловно, принадлежит двум верховным главнокомандующим Русской Императорской армией в июле 1914 – начале 1917 г. Оценка деятельности Великого князя Николая Николаевича и Императора Николая II во главе русских Вооруженных сил как военных главкомов продолжает оставаться крайне политизированной. Как правило, их руководство войсками противопоставляется друг другу и оценивается как очевидцами событий, так и историками абсолютно по-разному.

Однако, если отойти от политической составляющей происходивших в годы войны событий и попробовать посмотреть исключительно на военный аспект, в деятельности главкомов можно увидеть немало общего, характеризующего позицию России в мировую войну в целом. Во-первых, это, конечно же, верность союзническим обязательствам и помощь

странам Антанты. Как Николай Николаевич, так и Николай II вели, прежде всего, коалиционную войну, стремясь к блоковой победе в ней и понимая ее недостижимость лишь своими силами. Действия русских главковерхов во многом исходили из того положения, в котором в 1914–1916 гг. находились на Западном фронте войска союзников. В то же время, и Николай Николаевич, и Николай II никогда не забывали о национальных русских интересах, а также интересах славянства, держа в уме послевоенное устройство Европы после ожидаемой победы над странами Четверного блока. Во-вторых, это преемственность в кадровой политике. Несмотря на ряд перемен, произведенных Николаем II после принятия на себя Верховного главнокомандования, радикальной смены высшего армейского командования, сравнимого с проведенной весной 1917 г. Временным правительством чисткой в армии, произведено не было. Остался в армии и сам Николай Николаевич, возглавивший Кавказский фронт и продолживший вместе с генералом Н. Н. Юденичем успешные действия против турок. Не случайно, отрекаясь от Престола, Государь назначил новым главнокомандующим именно Великого князя Николая Николаевича. В-третьих, немало общего можно найти в военно-идеологической деятельности двух главковерхов. Их приказы по армии и флоту неизменно были направлены на подъем патриотизма в войсках, на поддержание стойкости, говорили о важности изгнания австро-германцев за пределы России и доведения войны до победного конца. В-четвертых, оба главковерха немало сделали для улучшения снабжения армии, ее технического перевооружения и обеспечения боеприпасами. Необходимость чрезвычайных мер в этом направлении наглядно показал трагический отход Русской армии вглубь страны в 1915 г.

Представленные в сборнике воспоминания непосредственных участников и очевидцев событий, а также очерки современных историков не избегают полярных оценок деятельности верховных главкомов Великой войны. Их публикация под одной обложкой (наряду с подборками приказов Николая Николаевича и Николая II) не случайна. Мы не только не навязываем читателю какую-то одну из точек зрения, а предлагаем возможность самостоятельно разобраться в трагических событиях Второй Отечественной войны 1914–1918 гг. и составить о ней свое мнение. И материалы этого сборника могут стать первым шагом в этом направлении.

При подготовке книги к печати использованы документы и материалы из государственных архивов и частных коллекций. Приводимые в сборнике краткие биографические справки, как правило, освещают деятельность упоминаемых в книге персоналий в годы Первой мировой войны и не претендуют на полноту. Редакция серии выражает признательность за помощь в подготовке книги Н. А. Кузнецову, А. В. Репникову и В. Ж. Цветкову, предоставившим для публикации ряд материалов.

Р. Г. Гагкуев,
научный редактор серии «Голоса истории»,
составитель сборника

Ю. Н. Данилов Великий князь Николай Николаевич

Текст печатается по изданию: *Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич.* – Париж: Imprimerie de Navarre, 1930. – 376 с.

В настоящем издании публикуются главы 6–12 (С. 100–329), рассказывающие о пребывании Великого князя Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего и его участии в событиях Первой мировой войны и революции 1917 г.

Император Николай II принимает рапорт военного генерал-губернатора Галиции графа Г. А. Бобринского у автомобиля по приезде во Львов. В автомобиле: Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич (справа), начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич, крайний слева – дворцовый комендант В. Н. Воейков. 9 апреля 1915 г.

Назначение Великого князя на пост русского Верховного главнокомандующего

1. Два кандидата

Император Николай II был, несомненно, человеком с неустойчивой волей. Упорство в нем причудливо сочеталось с полным безволием. Вместе с тем он не выносил над собою чужого влияния, всегда его чувствовал и склонен был часто без оснований поступать наперекор советам лиц, которым он почему-либо не доверял.

Отсюда – его поспешное стремление поскорее удалить от себя всех министров своего отца, пользовавшихся известным авторитетом, и окружить себя в большинстве случаев людьми угодливыми, податливыми, которые не утомляли бы его своими твердыми и определенными докладами.

Присущее упорство, опиравшееся, быть может, на мистическое чувство «непогрешимости Божьего Помазанника», каковым себя полагал Император Николай, приводило этого глубоко несчастного и лично симпатичного человека, под незаметным воздействием чужой непреклонной воли, к поступкам, иногда совершенно необъяснимым. Лучшим примером тому может служить результат известного свидания русского Императора с германским императором Вильгельмом II¹ в Бьерке 11 июля 1905 г.,² во время которого Император Николай, будучи в союзе с Францией, подписал от лица России оборонительный договор с Германией, доставившей впоследствии много хлопот русскому Министерству иностранных дел.

В сущности, столь же нелогичным актом, с точки зрения «самодержавного» принципа, которым до последних дней своего царствования руководился Император Николай, было также подписание им акта 17 октября 1905 г., устанавливавшего начало перехода России к конституционному строю. Император Николай сам признавался, что этот акт был им дан в припадке «лихорадки», охватившей двор, под влиянием революционных событий в России 1905 г. Только искреннее убеждение графа [С. Ю.] Витте,³ поддержанное Великим князем Николаем Николаевичем, и твердое слово Д. [Ф.] Трепова,⁴ которому Царь безгранично верил, решили дело.

¹ **Вильгельм II Гогенцоллерн** (1859–1941). Германский император и король Пруссии в 1888–1918 гг.; сын императора Фридриха III и английской принцессы Виктории. В 1869 г. получил чин лейтенанта 1-го гвардейского пехотного полка. В 1877–1879 гг. изучал право в Берлинском университете, затем проходил стажировку в разных гвардейских частях и министерствах. В июле 1888 г. после смерти Фридриха III вступил на престол; марте 1890 г. отстранил от поста рейхсканцлера князя О. фон Бисмарка, сосредоточив тем самым в своих руках всю полноту власти. Сторонник военной политики, во многом благодаря позиции которого началась Первая мировая война; большую часть войны провел в ставке германских войск в Плесе; постепенно утратил влияние на действия войск, оставив право принятия решения по всем наиболее важным операциям за генералами Э. Людендорфом и П. фон Гинденбург. Свергнут с престола в ходе Ноябрьской революции 1918 г.; бежал в Голландию, 28 ноября 1918 г. отрекся от престола.

² Даты в воспоминаниях Ю. Н. Данилова до начала Первой мировой войны (лето 1914 г.) приведены по старому стилю (Юлианскому календарю); даты событий лета 1914 – начала 1917 г. – по новому стилю (Григорианскому календарю).

³ **Витте Сергей Юльевич** (1849–1915). Граф (1905), государственный деятель, почетный член Петербургской Академии наук (1893). В конце XIX – начале XX вв. последовательно занимал ряд ключевых должностей в государственном управлении; министр путей сообщений в 1892 г.; министр финансов с 1892 г., председатель Кабинета министров с 1903 г., член Государственного совета (с 1903), председатель Совета министров в 1905–1906 гг. По его инициативе введена винная монополия (1894), проведена денежная реформа (1897), строилась Сибирская железная дорога. После неудачной Русско-японской войны подписал Портсмутский мирный договор (1905). Автор Манифеста 17 октября 1905 г. В период возглавления Витте правительства были разработаны основные положения Столыпинской аграрной реформы. Автор «Воспоминаний» (Т. 1–3, 1960).

⁴ **Трепов Дмитрий Федорович** (1855–1906). Государственный деятель, генерал-майор (1906). Сын Петербургского гадоначальника генерала от кавалерии Ф. Ф. Трепова (1812–1889). Окончил Пажеский корпус, служил в Лейб-гвардии

Но этих насилий над собою Император Николай никогда не прощал. Всю свою остальную жизнь он таил недоброжелательное и недоверчивое чувство к своему «либеральному» дяде. Лишился вскоре влияния и граф Витте, не миновать бы немилости, вероятно, также и Д. Трепову, если бы последний весьма скоро, после своего поступка, не скончался от сердечного припадка.

Чувство недоверия и некоторой зависти к растущей популярности Великого князя Николая Николаевича особенно укрепилось под влиянием Императрицы Александры Федоровны⁵ и дворцовых настроений, ее окружавших.

В сущности, известно только одно лицо, сумевшее вполне овладеть личностью последнего русского Монарха. Это была его жена Императрица Александра Федоровна, «Аликс», как звал ее Император Николай и неофициально вся Царская семья. Эта полубольная женщина постепенно завладела умом, сердцем, всеми поступками и мыслями своего мужа, который перед ее волей стушеввался окончательно. Впитав в себя преклонение перед самодержавием и веру в какую-то неземную связь русского Царя с его народом, она приблизила к своей Царственной семье [Г. Е.] Распутина,⁶ простого сибирского мужика, который вследствие своего крайнего невежества и аморальности явился проводником к царскому престолу, самых темных влияний, сгубивших в конце концов Россию. Внимая его советам, Императрица направила все свои силы и болезненно-твердую волю на поддержание в ее муже решимости бороться до конца против тех политических уступок, который властно подсказывались жизнью и возросшим сознанием русского народа.

Император Николай II, кроме отмеченных выше черт, отличался еще необыкновенно тонко развитым чувством самолюбия и ревности в отношении к собственному престижу.

– Как будто в России политику делает министр иностранных дел, – сказал он однажды, с некоторым раздражением и мелкою обидою в голосе, по поводу одного из шагов, приписанных в Ставке [министру иностранных дел С. Д.] Сазонову!⁷

Конном полку. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878); находился в отряде генерала И. В. Гурко. С 1896 г. – московский обер-полицеймейстер; один из наиболее авторитетных и активных борцов с революционным движением. С января 1905 г. – Петербургский генерал-губернатор. С апреля 1905 г. – товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий Отдельным корпусом жандармов. С октября 1905 г. – Дворцовый комендант Петергофа и руководитель охраны Императора Николая II. Скоропостижно скончался в сентябре 1906 г.

⁵ **Александра Федоровна** (1872–1918). Российская императрица, жена Государя Николая II (с ноября 1894); урожденная принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская; дочь Великого герцога Людовика IV, внучка английской королевы Виктории. Была шефом нескольких полков Русской армии: Лейб-гвардии Уланского Имени Ее Величества, 5-го гусарского Александрийского, 21-го Восточно-Сибирского стрелкового и Крымского конного. После февраля 1917 г. была арестована вместе со всей Царской семьей, выслана в Тобольск, затем – в Екатеринбург; расстреляна вместе со всей семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

⁶ **Распутин Григорий Ефимович** (1869–1916). Крестьянин села Покровское Тобольской губернии; широко известен как друг семьи последнего российского Императора Николая II и его жены Александры Федоровны. Убит в ночь на 17 декабря 1916 г. во дворце Юсуповых на Мойке Ф. Ф. Юсуповым, В. М. Пуришкевичем и великим князем Дмитрием Павловичем.

⁷ **Сазонов Сергей Дмитриевич** (1860–1927). Государственный деятель, дипломат. На дипломатической службе с 1883 г.; с 1890 г. второй секретарь посольства в Великобритании; с 1894 г. – секретарь русской миссии при Ватикане; с 1904 г. – советник посольства в Лондоне; с 1906 г. – министр-резидент при Папе Римском; с 1907 г. – посол в США. В сентябре 1910 – июле 1916 г. – министр иностранных дел Российской империи. Член Государственного совета (с 1913). Проводил курс на сближение с Великобританией и Францией, предпринимал попытки сплочения балканских государств под эгидой России против Австро-Венгрии. Во время Первой мировой войны помимо решения внешнеполитических задач во многом способствовал координации действий союзников против стран Четверного союза. В январе 1917 г. назначен послом в Великобританию; не успел выехать в Лондон в связи с Февральской революцией. После Октябрьского переворота принимал активное участие в Белом движении; в 1918 г. входил в состав Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А. И. Деникине; в 1919 г. – министр иностранных дел Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака, член Русского политического совещания, которое было призвано представлять интересы России на Парижской мирной конференции. По окончании Гражданской войны в эмиграции. Умер в Ницце (Франция). Автор «Воспоминаний» (1927), в которых описал свою деятельность на посту товарища министра и министра иностранных дел Российской империи.

Титульный лист книги Ю. Н. Данилова «Великий князь Николай Николаевич» (1930 г.)

Данилов Юрий (Георгий) Никифорович (1866–1937). Военный деятель, генерал от инфантерии (1914). Окончил Владимирский Киевский

кадетский корпус (1883), Михайловское артиллерийское училище (1886), Николаевскую академию Генерального штаба (1892). По окончании академии состоял при Киевском военном округе, капитан (1894). С 1898 г. – помощник делопроизводителя канцелярии комитета по мобилизации войск, подполковник (1899), полковник (1903); состоял в числе штаб-офицеров Генштаба при Главном штабе (1903–1904); начальник отделения Главного штаба (с января 1904); начальник отделения Главного управления Генерального штаба (с июня 1905); помощник 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (с июня 1906), затем обер-квартирмейстер управления (1908–1909); генерал-майор (1909). С июля 1907 г. – генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба; одновременно (с 1908) – постоянный член Главного крепостного комитета, затем (с 1910) – председатель Крепостной комиссии при управлении; генерал-лейтенант (1913).

С началом Первой мировой войны – генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего; генерал от инфантерии (1914). С августа 1915 г., после ухода Великого князя Николая Николаевича с поста Главнокомандующего, командовал 25-м армейским корпусом; с августа 1916 г. – исполняющий должность начальника штаба армий Северного фронта; с апреля 1917 г. – командующий 5-й армией; в сентябре 1917 г. снят с должности, переведен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. За годы войны награжден орденами Святого Владимира 2-й степени (1915) и Святого Георгия 4-й степени (1914).

В 1918 г. вступил в РККА; в марте 1918 г. возглавил группу военных экспертов при советской делегации на переговорах с Центральными державами в Брест-Литовске, выступал против заключения мира. После возвращения в Петроград включен в состав Комиссии военных специалистов по выработке плана преобразования военного центра для реорганизации армии; в конце марта 1918 г. вышел в отставку, уехал в Украину. Участник Белого движения на Юге России. В 1919 г. занимал пост помощника начальника Военного управления Вооруженных сил Юга России.

С 1920 г. в эмиграции (сначала в Константинополе, затем в Париже). В 1922–1930 гг. постоянно выступал с лекциями о Первой мировой войне в Русском академическом союзе, Русском народном университете, Франко-русском институте, на собраниях русских офицерских организаций в Париже и др. Регулярно печатался в «Архиве русской революции», журналах «Голос минувшего», «Современные записки», «Часовой». Сотрудник газеты «Возрождение». Автор ряда военно-исторических сочинений, среди которых: «Россия в мировой войне 1914–1915 гг.» (1924), «Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче» (1928), «Великий князь Николай Николаевич» (1930), «Русские войска на французском и македонском фронтах, 1916–1918 гг.» (1933), «На пути к крушению» (1992) и др.

Умер в Булонь-сюр-Сен, под Парижем, похоронен на местном кладбище.

Это повышенное самолюбие заставляло министров быть особо осторожными в своих докладах по вопросам, которые могли бы затронуть личность Императора. Так, по крайней мере, могу я себе объяснить причину, по которой до самой войны 1914 г. оставался

невыясненным в окончательной форме вопрос о Верховном главнокомандовании русскими действующими армиями, на случай вооруженного столкновения с западными державами. В списке лиц, назначаемых при мобилизации на высшие ответственные должности, в графе против должности Верховного главнокомандующего, оставалось белое место.

В начале 1911 г. [...] в Главном управлении Генерального штаба возникло предположение об организации в Петербурге военной игры, с приглашением на нее, в качестве участников, всех высших чинов армии, которым во время войны предстояло занять наиболее ответственные посты в армии. Имелось в виду, в течение игры ознакомить этих лиц с наиболее вероятной обстановкой, в ее целом, совместно обсудить решения, которые могли бы быть в этой обстановке приняты, и получить материал для суждения о подготовке приглашенных к участию в военной игре лиц к их предназначениям на случай войны. Попутно предполагалось также, что Государь, наконец, выскажется о том, примет ли он сам на себя предводительствование войсками в случае войны, или доверит обязанность Главнокомандующего кому-либо из высших чинов армии.

По должности Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа, Великий князь Николай Николаевич должен был при мобилизации занять должность Главнокомандующего армией, остававшейся, по плану стратегического развертывания в начале войны, в районе Петербурга и Финляндии. Так как военная игра намечалась в районе Привислинского края, то, в сущности, Великий князь первое время должен был остаться простым зрителем этой игры. Поэтому он свободно мог рассчитывать получить приглашение Государя взять на себя обязанность старшего посредника, что и могло служить хотя бы и косвенным намеком на вероятность назначения его, в случае войны, на должность Верховного.

Но этого не случилось. Царь оставил за собой роль высшего посредника, от его имени должны были исходить и директивы командующим армиям русской стороны. Вместе с тем, он пригласил себе в помощь военного министра генерал-адъютанта [В. А.] Сухомлинова.⁸ Хотя военная игра на этот раз не состоялась, тем не менее, описанное обстоятельство указывало как бы на то, что Верховное командование армиями Государь оставляет за собою и что он склонен видеть своим заместителем не Великого князя, а генерала Сухомлинова.

Читатель уже знает, что по поводу отмены военной игры, выяснившейся лишь за час до ее начала, ходило много сплетен и слухов. Игра была назначена в Зимнем Дворце, где для нее был отведен ряд зал, в них расставлены были столы и развешаны на стенах карты. Все имело торжественный и крайне внушительный вид, отвечавший серьезности предстоявших занятий. В отведенное помещение уже прибыли начальник Генерального штаба генерал [Е. А.] Гернгросс,⁹ я, по должности генерал-квартирмейстера, и чины моего управления, разработывавшие вместе со мною задания и план игры. И вдруг – отмена!..

⁸ **Сухомлинов Владимир Александрович** (1848–1926). Военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1912), генерал от кавалерии (1906). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Начальник штаба Киевского военного округа (с 1899); помощник командующего Киевского военного округа (с 1902); командующий войсками Киевского военного округа (с октября 1904); Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (с октября 1905). Начальник Генерального штаба (1908–1909); военный министр (с 1909), член Государственного совета (1911); член Совета государственной обороны (1908–1909). После поражений Русской армии во время Первой мировой войны в июне 1915 г. снят с должности; в марте 1916 г. арестован по обвинению в злоупотреблениях и измене. Освобожден, но вновь арестован после февраля 1917 г.; в сентябре приговорен судом к бессрочной каторге за неподготовленность армии к войне (замененной заключением). В мае 1918 г. освобожден по возрасту, эмигрировал сначала в Финляндию, затем в Германию.

⁹ **Гернгросс Евгений Александрович** (1855–1912). Военный деятель, генерал-лейтенант (1909). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1881). С 1893 г. – состоял при военном министре для поручений по кавалерийской части; в 1901 г. – генерал для поручений при генерал-инспекторе кавалерии Великом князе Николае Николаевиче; с 1904 г. – начальник штаба Отдельного Гвардейского корпуса; с сентября 1909 г. – начальник Генерального штаба Российской империи (1909–1911).

О причинах таковой можно только догадываться. Похоже на то, что, пользуясь недружелюбными отношениями, существовавшими между Великим князем и военным министром, прибывшие с разных концов России военные начальники, в числе которых находились лица, чувствовавшие непрочность своего служебного положения и потому желавшие избежать предстоявшего их испытания в присутствии Государя, выставили намеченную игру, как подрывающую их авторитет на местах. Ходатаем за них явился Великий князь, которому и удалось настоять на отмене.

Таким образом, и эта игра также не выяснила вопроса о том, кому будет вверена ответственность Верховного главнокомандующего в случае войны на западе. Император Николай II вел себя так, как будто предводительствование войсками он сохранял за собой.

В согласии с этим предположением был составлен и самый проект Положения о полевом управлении войск, хотя и разработанный заблаговременно, но утвержденный лишь в период уже начавшихся дипломатических осложнений. В нем у Государя, по званию Верховного главнокомандующего, предусматривались два помощника: один – по оперативной части – начальник штаба и другой – по административно-хозяйственной деятельности – военный министр, являвшийся вместе с тем членом Совета министров. Этой схемой наиболее тесно и просто достигалось объединение власти на фронте и в тылу.

С объявлением Германией России войны настал, наконец, момент решить вопрос окончательно. По всем признакам Государь был склонен оставить обязанности Верховного главнокомандующего за собой, и в этом намерении его поддерживала Императрица Александра Федоровна, опасавшаяся ущерба личному престижу ее супруга. Внутренне сознавая, однако, свою неподготовленность к этим обязанностям, Император Николай II решил искать поддержки в своем намерении у Совета министров, собранном им в Петергофе в один из первых же дней возникшей войны. На этом совете только один военный министр генерал-адъютант Сухомлинов, умевший читать тайные желания «своего Государя», как называл он Императора Николая II, высказал, что армия будет счастлива видеть во главе своего верховного вождя. Все остальные министры, во главе с И. Л. Горемыкиным,¹⁰ открыто высказали свои сомнения в возможности оставления Государем страны и столицы в столь трудные для жизни России времена.

Государю пришлось уступить, и Русская армия с нетерпением ожидала услышать имя того, кому будет вверено защитить честь и достоинство ее Родины.

Читатель уже знает, что таких кандидатов явилось два: Великий князь Николай Николаевич, занимавший в мирное время должность Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа, и военный министр генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов. Первого немым молчанием выдвигала армия, второго – круг лиц, враждебно настроенных к Великому князю.

Выбор Царя, в конечном счете, остановился на первом лице. Высочайшим указом 2 августа 1914 г. было объявлено о назначении на пост Верховного главнокомандующего Русскими армиями Великого князя Николая Николаевича.

¹⁰ **Горемыкин Иван Логгинович** (1839–1917). Государственный деятель. Окончил Императорское училище правоведения (1860). С 1873 г. служил в МВД; в 1873–1882 гг. – член Комиссии по крестьянским делам губерний Царства Польского при МВД. С 1882 г. – товарищ обер-прокурора 1-го департамента сената; с 1884 г. – обер-прокурор 2-го департамента Сената. С 1891 г. – товарищ министра юстиции; с 1894 г. – сенатор и управляющий межевой частью. С апреля 1895 г. назначен товарищем министра, а с октября 1895 г. – министром внутренних дел. Член Государственного совета (с 1899). В 1905 г. – председатель Особого совещания о мерах по укреплению крестьянского землевладения. С апреля 1906 г. – председатель Совета министров; противостоял до роспуска I Государственной думе, выступал против законопроекта об ответственности министров перед Думой и радикальной аграрной реформы; в июле 1906 г. сменил на посту председателя Совета министров П. А. Столыпина. С 30 января 1914 по 20 января 1916 г. – вновь председатель Совета министров. В годы Первой мировой войны противостоял Государственной думе и сформировавшемуся в ней Прогрессивному блоку. После февраля 1917 г. был арестован, допрашивался Чрезвычайной комиссией Временного правительства; в мае 1917 г. был выпущен на свободу. Убит вместе с семьей в декабре 1917 г. на своей даче в Сочи во время разбойного нападения.

Вполне очевидно, что такое запоздалое выяснение вопроса о лице, назначенном руководить боевыми операциями всех русских армий, являлось в деле ведения войны фактором малоблагоприятным. Необходимо заметить, что план войны, а следовательно, и план первоначального стратегического развертывания вооруженных сил на угрожаемых границах государства, является в некотором смысле замыслом субъективным, во многом зависящим от личных качеств и взглядов составителя. Весьма выгодно поэтому иметь исполнителем плана его составителя. Не следует, впрочем, преувеличивать значение этой субъективности, иначе пришлось бы признать недопустимой, или, во всяком случае, весьма болезненной всякую смену главнокомандования во время войны. Необходимо помнить, что влияние всякого составителя плана, в особенности в наше время, когда большая часть войн будет иметь коалиционный характер, значительно ограничивается политическими договорами, начертанием сети железных дорог, численностью и мобилизационной готовностью, существующей «психикой» в стране и военной доктриной в армии, количеством и характером материального снабжения и еще целым рядом других привходящих обстоятельства. Но неправильно было бы и преуменьшать значение во всех подготовительных к войне работах доминирующей над ними «мысли» автора этих работ. С этой точки зрения всего нормальнее, конечно, такое положение, при котором будущий верховный руководитель операциями (генералиссимус) являлся бы также одновременно и душой всей подготовки государства к войне. В более или менее полной форме эта мысль в минувшую войну была осуществлена во Франции (генерал [Ж.] Жоффр¹¹); в начальный же период войны в Германии (генерал [Х.] фон Мольтке¹²) и отчасти в Австро-Венгрии (генерал Конрад фон Гетцендорф¹³). В этих государствах начальники Генеральных штабов, работая в мирное время непосредственно и много лег подряд над военными планами, в то же время преемственно являлись ответственными исполнителями этих планов и с началом войны.

В России вопрос стоял иначе. Начальники Генерального штаба менялись «как перчатки»¹⁴ и в большинстве случаев избирались из генералов, далеко не всегда считаясь с их действительными способностями и служебную подготовкою.¹⁵ Бывали просто курьезные

¹¹ **Жоффр Жозеф Жак** (1852–1931). Французский военный деятель, маршал Франции (1916), член Французской академии (1918). Участник Франко-прусской войны (1870–1871), а также колониальных войн в Индокитае и Африке. С 1910 г. член Высшего военного совета; с 1911 г. – вице-председатель совета и начальник Генерального штаба. В годы Первой мировой войны в 1914–1916 гг. – главнокомандующий французской армией; в 1914 г. в тяжелых условиях сумел организовать отход французских войск, а затем добиться победы в Марнском сражении (сентябрь 1914); с декабря 1916 г. – военный советник правительства; в 1917–1918 гг. – глава французской военной миссии в США, затем в Японии.

¹² **Мольтке (Младший) Хельмут Иоганн Людвиг фон** (1848–1916). Германский военный деятель, граф, генерал-полковник. Племянник Х. Мольтке (Старшего). С 1903 г. – генерал-квартирмейстер, с 1906 г. – начальник германского Генерального штаба. При подготовке к Первой мировой войне (1914–1918) положил в основу кампании план генерала А. Шлиффена, предусматривавший разгром главными силами французской армии при одновременной обороне в Восточной Пруссии, с последующим ударом по Российской империи. С началом войны – начальник Полевого Генерального штаба; фактически сосредоточил в своих руках управление германскими войсками. В начале войны при развертывании германской армии ослабил правое крыло Западного фронта и увеличил силы на его левом крыле, а также перевел часть сил в Восточную Пруссию, где шло наступление русских армий. После поражения германских войск в Марнском сражении (сентябрь 1914) отстранен от должности.

¹³ **Конрад Хетцендорф Франц фон** (1852–1925). Австро-венгерский генерал-фельдмаршал (1916), граф (1918). Был близок к наследнику престола эрцгерцогу Францу Фердинанду. С ноября 1906 г. – начальник австро-венгерского Генерального штаба; реорганизовал армию, повысил значение артиллерии. Начиная с 1907 г. выступал за превентивную войну с Сербией и захват Сербии, Черногории и Албании. В ноябре 1911 г. из-за конфликта с министром иностранных дел А. Эренталем был вынужден оставить свой пост; с декабря 1912 г. – вновь начальник Генштаба. С началом Первой мировой войны занял должность начальника Полевого Генерального штаба при главнокомандующем австро-венгерской армией эрцгерцоге Фридрихе; фактически руководил всеми действиями армии, в особенности это касалось Восточного (русского) фронта. В феврале 1917 г. из-за разногласий с новым императором Карлом I был перемещен на должность командующего 11 армией Юго-Западного (итальянского) фронта в Тироле. В июле 1918 г. снят с должности, получив почетное назначение в Гвардию.

¹⁴ С 1905 по 1914 г. эту должность последовательно занимало шесть лиц. – *Прим. автора.*

¹⁵ В указанные Ю. Н. Даниловым годы должность начальника русского Генерального штаба занимали генералы Ф. Ф. Палицын (1905–1908), В. А. Сухомлинов (1908–1909), А. З. Мышлаевский (1909), Е. А. Гернгросс (1909–1911), Я. Г.

назначения (например, при генерале Сухомлинове), которые не могли быть иначе объяснены, как личными симпатиями Императора и опасением военного министра держать около себя на видном месте опасных соперников. Действительных работников, при таких условиях, по части организации, мобилизации, стратегии и железнодорожных вопросов приходилось искать в третьих и даже более отдаленных рядах военно-иерархической лестницы.

При таких условиях было бы конечно особенно важно, чтобы лицо, назначаемое со стороны на высокий пост Верховного главнокомандующего во время войны, являлось хотя бы знакомым с вопросами подготовки к войне и с предстоящими войскам первоначальными задачами. Единственным, однако, лицом, через которого проходили к Царю все оперативные доклады и который, по своему положению, мог рассчитывать на получение высокого и ответственного поста Верховного главнокомандующего, являлся, в русских условиях, военный министр генерал Сухомлинов. Не потому ли, между прочим, и выдвигалась его кандидатура на этот пост? Большой, однако, вопрос, выиграла ли бы от этого Россия!

Итак, Великий князь Николай Николаевич был назначен на пост Верховного главнокомандующего не только тогда, когда все подготовительные к войне работы были закончены, но даже тогда, когда они стали приводиться уже в исполнение. Официально он никогда не числился лицом, которому предполагалось вверить во время войны на западе главнокомандование всеми действующими армиями, ибо прерогатива эта сохранялась Императором Николаем II за собою. И хотя Великий князь в мирное время носил титул главнокомандующего столичным военным округом, но власть его, подобно остальным командующим войсками в военных округах, ограничивалась лишь пределами одного этого округа. Звание же «главнокомандующего» Войсками Гвардии и Петербургского военного округа являлось не более как почетным, не предreshавшим того назначения, которое могло быть ему вверено в действительности в военное время.

При всем том было бы несправедливо сказать, что Великий князь был поставлен в такие условия, при которых он был не в состоянии ознакомиться самым подробным образом с планом войны и проектом первоначального стратегического развертывания русских вооруженных сил. [...] Много лет тому назад, будучи генерал-инспектором кавалерии, Великий князь был официально извещен тогдашним военным министром генералом [А. Н.] Куропаткиным¹⁶ о предназначении его, на случай войны на западе, главнокомандующим Северо-Западным фронтом, развертывавшимся против Германии. По его избранию начальником штаба этого фронта был назначен генерал [Ф. Ф.] Палицын,¹⁷ занимавший в течение

Жилинский (1911–1914), Н. Н. Янушкевич (1914). В годы Первой мировой войны начальниками Генштаба были генералы М. А. Беляев (1914–1916), П. И. Аверьянов (1916–1917).

¹⁶ **Куропаткин Алексей Николаевич** (1848–1925). Русский военный и государственный деятель, военный ученый, генерал-адъютант (1902), генерал от инфантерии (1900). В 1866–1871, 1875–1877 и 1879–1883 гг. служил в Туркестане, участвовал в покорении Средней Азии (в том числе в Ахалтекинской экспедиции). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878): обер-офицер для поручений при главкоме действующей армии; начальник штаба 16-й пехотной дивизии. Начальник Закаспийской области (1890–1898). Военный министр (1898–1904); провел ряд преобразований, направленных на повышение боеспособности вооруженных сил. С началом Русско-японской войны (1904–1905) командующий Маньчжурской армией, затем главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (1904–1905). Командовал войсками в сражениях при Ляояне, Шахэ, Сандепу и Мукдене; после поражения при Мукдене был отставлен от должности главнокомандующего, назначен командующим 1-й армией. Член Государственного совета (1906). Во время Первой мировой войны (1914–1918) командовал Гренадерским корпусом (1915), затем 5-й армией и Северным фронтом (1916). Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1916–1917). Автор ряда военно-исторических и военно-географических трудов.

¹⁷ **Палицын Федор Федорович** (1851–1923). Военный деятель, генерал от инфантерии (1907). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878); с июня 1877 г. состоял для поручений при штабе 3-го армейского корпуса; с августа – старший адъютант штаба 1-й гренадерской дивизии; с мая 1878 г. – старший адъютант штаба 22-й пехотной дивизии; с августа – старший адъютант штаба 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. В 1891–1895 гг. – помощник начальника штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа; в апреле – мае 1895 г. – начальник штаба Гвардейского корпуса; в 1895–1905 гг. – начальник штаба генерал-инспектора кавалерии; с 1905–1908 гг. – начальник Генерального штаба; с 1908 г. – член Государственного совета. Во время Первой мировой войны состоял при командующем армиями Юго-Западного фронта; с осени 1915 г. –

трех лет пост начальника русского Генерального штаба. Оба эти лица были спаяны тесными узами общей работы; к заявлениям и требованиям их в военном министерстве внимательно прислушивались, и предположение, что они могли быть незнакомы с общими соображениями на случай войны и лишены возможности влиять на их характер, совершенно невероятно. В делах Главного управления Генерального штаба имелось немало записок Великого князя Николая Николаевича по различным организационным и оперативным вопросам, относящимся к периоду времени с 1892 по 1909 г.

На всем изложенном приходится останавливаться очень подробно потому, что автору этих строк приходилось встречаться с мнениями о том затруднительном положении, в котором оказался Великий князь при своем внезапном назначении на пост Верховного. Лучшим же подтверждением справедливости моих слов о знакомстве Великого князя с существовавшими предположениями служит то обстоятельство, что, будучи назначен на пост главного руководителя боевыми операциями русских войск, Великий князь Николай Николаевич оказался настолько в курсе дела, что, в добавление к тем сведениям, которыми он обладал, ему потребовалось представление лишь нескольких детальных докладов.

Остается утверждение, что в этих планах не могли проявиться в полной мере индивидуальные черты его характера и натуры. Против этого утверждения спорить, конечно, невозможно. Можно только отвести этот аргумент соображением, что такова была органическая неправильность в устройстве русского военного министерства вообще, через которую должно было перейти всякое лицо, назначенное на должность Верховного (за исключением Императора и генерала Сухомлинова). Однако мною было уже отмечено, что в современных условиях и при массовых армиях, значение личности Главнокомандующего в большей мере ограничено. Можно еще отметить, что наступательный план войны, положенный в основу нашего стратегического развертывания, вполне отвечал характеру лица, назначенного Верховным главнокомандующим. Наступление в Восточную Пруссию с силами, которые способны были бы приковать к себе от 5-ти до 6-ти германских корпусов на Восточно-Прусской границе,¹⁸ требовалось нашей конвенцией с Францией, причем тот, кто знал Великого князя, и помыслить бы не мог о возможности изменения им данного Россией слова; наконец, вторжение в пределы Австро-Венгрии диктовалось не только стремлением приобрести себе известную безопасность и свободу действий против Германии, но и задачей поднять против Австрии входивших в состав этой монархии славян. К сожалению, наши силы против Австро-Венгрии не представилось возможным при первоначальном развертывании увеличить количественно, в виду настойчивого, достаточно обоснованного позицией Швеции требования о временном оставлении в районе Петрограда 6-й армии в составе трех корпусов, а также вследствие значительного запаздывания в прибытии на границу войск отдаленных округов (из Сибири, Туркестана и Закавказья).

Будучи одним из самых приближенных сотрудников русского Верховного главнокомандующего в 1914–1915 гг. по стратегическим вопросам, я никогда не слышал от Великого князя несогласия с основами первоначального стратегического развертывания.

В послевоенной литературе приходилось нередко слышать упрек в том, что Россия начала войну «распыленными» силами, причем критики не могут только сойтись в том, против которого из двух противников – Германии или Австро-Венгрии – необходимо было направить удар, ограничившись заслоном к стороне другого. Уже одни споры о направлении удара свидетельствуют о сложности вопроса. Но к объяснениям спорящих я позволю себе

заведовал укреплениями на Кавказском фронте; с сентября 1915 г. – представитель Русской армии в Военном совете союзных армий в Версале; в 1917 г. уволен со службы. В 1918–1920 гг. – председатель Военно-исторического и статистического комитета при Русском политическом совещании в Париже.

¹⁸ Так формулировал свои пожелания начальник французского Генерального штаба генерал [О.] Дюбай в августе 1912 г. – *Прим. автора.*

добавить лишь то соображение, что сосредоточению всех сил против Австро-Венгрии препятствовали наши договорные отношения с Францией о скорейшем наступлении в Восточную Пруссию и опасения за безопасность собственной столицы, в которой находилась почти вся наша военная промышленность. Сосредоточением же всех русских сил против Германии, с выставлением заслона против Австро-Венгрии, мы рисковали получить в спину удар всей австро-венгерской армии, представлявшей в начале войны весьма значительную наступательную силу. К тому же русские наступательные армии, направленные в сторону Германии, были бы нацелены не на войска неприятеля, а в пространство ими не занятое, и потому удар их получился бы впустую. Армии, правильно использованные, не могут иметь предметом своих действий незанятую войсками территорию, как равно они не могут безнаказанно оставлять без внимания неприятеля, висящего у них на фланге или угрожающего их тылу.

2. Мои довоенные отношения к Великому князю

До назначения своего на пост генерал-квартирмейстера Генерального штаба я мало знал Великого князя, имея возможность наблюдать его только издали. Отбывая ценз батальонного командира в Лейб-гвардии Финляндском полку, я представлял ему свой батальон. Смотр прошел благополучно, и я получил благодарность за вид людей, стройность их движений и умело проведенное учение. Помню, еще один или два раза мне приходилось командовать стороною на тактическом учении. В конце – внушительный разбор, короткое «спасибо» солдатам и быстрый отъезд от войск верхом на крупном породистом скакуне. За ним, поспевая лишь вскачь, летела вдогонку небольшая свита. Статная, сравнительно молодая фигура «главнокомандующего», его тонкие породистые черты лица, отчетливая, отчеканивающая каждое слово речь, наконец, общая уверенность в себе, – производила сильное впечатление.

Видел я его и в гневе на одном неудачном кавалерийском маневре, сильно разносившего старого тучного генерала, за его приверженность «к конским телам и тихим аллюрам». «Справедливо, хотя и несколько жестко», – подумал я, проникаясь уважением к его знаниям и разумности его требований.

Самому мне в этот период времени пришлось делать лишь однажды доклад Великому князю. Это было в год, когда Великий князь только что вступил в исправление должности председателя вновь учрежденного Совета государственной обороны, я же был начальником оперативного отделения Генерального штаба. Доклад касался будущих взаимоотношений Главного управления Генерального штаба ко вновь образованному совету, впервые сформированному в России. Доклад прошел гладко и, насколько помню, не вызвал никаких возражений.

Вскоре я уехал в Киев, где вступил в командование полком; оттуда я вернулся в Петербург лишь через два года, будучи вновь приглашен на службу в Главное управление Генерального штаба.

– А мы думали вас вскоре видеть у себя в Петербургском округе в роли командира гвардейского полка, – сказал мне, при первой встрече, начальник штаба округа генерал барон [А. Ф. фон] Бринкен.¹⁹

В это время Великий князь подбирал к себе в округ командирами гвардейских полков кандидатов из армии, и я впервые узнал, что удостоился занесения в соответствующий кандидатский список.

¹⁹ Бринкен Александр Фридрихович фон ден (1859–1917). Барон, генерал от инфантерии (1914). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В Первую мировую войну вступил командиром 22-го армейского корпуса (с 1912). Возглавлял корпус во время боев в Восточной Пруссии, Карпатах, Галиции. Оставался на этом посту до самой смерти; скоропостижно скончался на фронте в марте 1917 г.

Со времени назначения моего генерал-квартирмейстером Генерального штаба (1909) мне приходилось видеть и беседовать с Великим князем чаще и в более интимной обстановке. Несколько раз я был приглашаем к участию в поездках в Кронштадт и на побережье, для осмотра крепости и ближайших морских подступов к столице. Безопасность Петербурга сильно заботила Великого князя, и он очень упорно настаивал на возможно далеком вынесении морских батарей названной крепости вперед и на скорейшем освобождении ядра Кронштадта от ряда опасных складов. Идея была, конечно, вполне правильной, но она требовала огромных денежных средств.

Мое положение было чрезвычайно трудным, так как, с одной стороны, требования начальства Петербургского военного округа были весьма справедливы, а с другой – мне приходилось, в виду ограниченного отпуска, денежных средств, противопоставлять этим нуждам еще более вопиющие нужды западных округов, которые являлись более угрожаемыми со стороны возможных противников. Мне, однако, чрезвычайно приятно констатировать, что в большинстве случаев мои доводы оказывались для Великого князя достаточно убедительными. Лишь однажды, по вопросу о возведении в Финском заливе приморских батарей на искусственно подготовленных основаниях, Великий князь не согласился с приведенными ему мною доводами и, прервав беседу, твердо заявил о своем намерении довести проект округа до сведения председателя Совета министров.

– Не огорчайтесь, – сказал мне его помощник, генерал [М. А.] Газенкампф.²⁰ – Великий князь внутренне оценил ваше прямое и откровенное слово.

Через несколько дней рассмотрение данного проекта состоялось у П. А. Столыпина,²¹ в его кабинете на Фонтанке, причем мне было крайне лестно констатировать, что требования Великого князя, мне лично изложенные, оказались уже значительно более смягченными: на самом же заседании Великий князь лично заявил, что, по соображениям общего порядка и во внимание к нуждам других крепостей, он не настаивает на немедленном осуществлении своего проекта, который может быть подвергнут дальнейшему изучению, в целях возможного сокращения расходов. Впоследствии проект этот был заменен более полно решавшим вопрос устройством морской укрепленной базы в Ревеле (с приморскими батареями на острове Паркалауд) и общим усилением флота Балтийского моря.

Случай этот мне ясно доказал, что будущий Верховный главнокомандующий умел выслушивать и оценивать серьезную обоснованность возражения.

Великий князь стал во главе действующих армии и флота, когда Штаб Верховного был уже сформирован и открыл свою деятельность, начавшуюся с момента объявления войны. В первые дни по своему назначению он проживал в своем имении «Беззаботном», находившемся недалеко от Петергофа, летней резиденции Государя, и никого не принимал. Не желая

²⁰ **Газенкампф Михаил Александрович** (1843–1913). Генерал от инфантерии (1905). Участник подавления Польского восстания (1863–1864) и Русско-турецкой войны (1877–1878). Профессор Николаевской академии Генерального штаба (1889), почетный член Конференции Николаевской академии Генерального штаба (1894). Астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска (с 1895). Член Военного совета (с 1903); с октября 1905 г. – помощник Главнокомандующего войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа; член Совета государственной обороны и Высшей аттестационной комиссии с оставлением членом Военного совета.

²¹ **Столыпин Петр Аркадьевич** (1862–1911). Политический деятель, реформатор. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета со степенью кандидата. В 1884 г. причислен к Министерству внутренних дел; с 1886 г. служил в Департаменте земледелия и сельской промышленности; камер-юнкера двора (1888), камергер двора (1896). С 1889 г. – ковенский уездный предводитель дворянства; с 1899 г. – губернский предводитель дворянства Ковенской губернии. В 1902–1903 гг. губернатор Гродненской, в 1903–1906 гг. – Саратовской губерний. С апреля 1906 г. министр внутренних дел, с июля – председатель Совета министров России (1906–1911). В 1907 г. добился роспуска II Государственной думы; добился утверждения нового избирательного закона, который позволил усилить позиции правых партий в новой думе. Автор аграрной реформы, призванной создать на селе крепкие крестьянские хозяйства, путем раздела общинных земель в сочетании с переселенческой политикой. Разработал также ряд крупных законопроектов, в том числе по реформе местного самоуправления, введению всеобщего начального образования, о веротерпимости и др. Смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым в сентябре 1911 г. в Киеве.

стеснять Верховного главнокомандующего в выборе ближайших сотрудников, в особенности по стратегической части, я тогда же просил начальника штаба доложить Великому князю мою просьбу располагать по своему усмотрению должностью генерал-квартирмейстера при Верховном, на которую я перешел, по заранее утвержденному на случай мобилизации расписанию. Моему примеру последовали и некоторые мои сотрудники. Все мы получили на следующий же день просьбу Великого князя оставаться на своих местах, что и дало нам право в будущем рассчитывать на полное доверие со стороны Верховного главнокомандующего.

В вообще мало объективных «Воспоминаниях» бывшего русского военного министра В. А. Сухомлинова есть упоминание о том, что состав Штаба Верховного главнокомандующего был оставлен, по настоянию Государя, в том виде, в котором он был подготовлен на случай командования действующей армией самим Императором. Не имею данных спорить против этого, но лучшим доказательством того доверия, которое мы заслужили в глазах Великого князя, заключается в том, что первоначальный состав чинов управления генерал-квартирмейстера, а может быть даже и всего штаба, оставался в одном и том же виде до самого ухода Великого князя Николая Николаевича из Ставки в 1915 г., несмотря на весьма легкую возможность внесения в него перемен, вследствие вообще быстрого продвижения личного состава армии в условиях военного времени.

– За всю мою службу, – сказал с большим подъемом и нескрываемым волнением Великий князь чинам своего штаба, при расставании с ними в Могилеве 8 сентября 1915 г., – за мной утвердилось мнение о моей требовательности и строгости. Вы со мной прослужили в очень трудных и сложных условиях целый год и никому из вас не пришлось услышать от меня упрека или замечания. Не лучшее ли это доказательство безукоризненного исполнения вами ваших обязанностей!..

3. Ставка и ее жизнь

Западно-пограничное пространство России, в ее прежних границах, делилось системой реки Припяти и ее притоков на две части: большую – северную и меньшую – южную. Названная речная система представляет в общем болотистую, лесистую и малонаселенную местность, именуемую Полесьем, которая, по существовавшим до войны сведениям, являлась мало доступной для действия крупных сил. Обследование, произведенное перед самой войной офицерами Генерального штаба, до некоторой степени разрушило это представление, но все же за Полесьем сохранилось значение разъединяющего пространства.

Местность к югу от Полесья, или Украина, являлась житницей России, но она граничила с Австро-Венгрией и Румынией и потому являлась, при войне с Союзом Центральных держав, театром военных действий второстепенным. Напротив, к северу от Полесья пролегали пути, которые кратчайшим образом вели к обеим столицам России – Петербургу и Москве, и к наиболее промышленным районам, питавшим войну. Здесь же могли ожидать и первые встречи с германцами. Вследствие того главная масса русских войск естественно должна была базироваться к северу от Полесья, а значит и Главная квартира, или «Ставка Верховного главнокомандующего», должна была бы находиться там же.

Местом расположения ее было избрано местечко Барановичи, где сходились важнейшие железнодорожные линии западно-пограничного пространства: последние соединяли «Ставку» с фронтом, флангами и тылом. На окраине этого местечка были расположены войсковые казармы, в которых в мирное время стояла железнодорожная бригада. Эти-то казармы, которые после мобилизации остались пустыми, и намечено было занять под различные управления Штаба Верховного главнокомандующего.

Казармы были выстроены среди прекрасного соснового леса, что еще более привлекало к ним внимание. Причем от железнодорожной станции к ним была проложена особая железнодорожная ветка. Первоначально предполагалось, что Верховный главнокомандующий займет освободившийся дом командира железнодорожной бригады, расположенный в некотором отдалении от казарм, но в первые же часы по прибытии к месту поезда Главнокомандующего выяснились неудобства такого размещения, при котором управлению генерал-квартирмейстера, ведающему всеми оперативными работами, пришлось бы расположиться в казармах в некотором удалении от Верховного.

Вследствие этого, Великий князь Николай Николаевич, его брат Петр Николаевич,²² находившиеся при нем лица личной свиты, военные представители союзных иностранных держав, начальник штаба, генерал-квартирмейстер и офицеры оперативного делопроизводства остались жить в вагонах того поезда, в котором прибыли из Петербурга в Барановичи; в доме же начальника железнодорожной бригады поместилось управление генерал-квартирмейстера и оперативный телеграф. Остальные части штаба разместились вполне свободно и удобно в близлежащих казармах.

В таком почти виде Ставка прожила свыше года, до конца августа 1915 г., когда, по военным обстоятельствам, ее пришлось отнести назад, в город Могилев. Были допущены в расположении лишь некоторые детальные улучшения. Разведен скромный цветник, устроены деревянные тротуары и навес над подъездом, а близ него, на лето, раскинулся просторный шатер, избавлявший нас от необыкновенной духоты вагона-столовой.

Великий князь Верховный главнокомандующий со своим братом, проживавшие в поезде № 1 (поезд Верховного главнокомандующего) и постоянно довольствовавшиеся в столовой того же поезда, поместились в низком полутемном мало уютном старом салон-вагоне, с которым у Великого князя связывались какие-то воспоминания. Только к зиме, когда стало морозно, его удалось уговорить переменить вагон на более комфортабельный, в котором легче дышалось и было теплее. Начальник штаба имел свой вагон, в котором помещался и я, как генерал-квартирмейстер. Все остальные были размещены по одному или по два в купе. Было тесно для жизни, но удобно для работы, так как все находились вместе.

В установленное время все собирались в вагоне-столовой, для общего завтрака и обеда, который подавали с приходом Великого князя. Будучи очень высокого роста, он, при входе в вагон, всегда рисковал ушибить голову о верхнюю перекладину двери, почему, для напоминания ему о необходимости пригнуться, к дверям, сверху, прикреплена была узором вырезанная бумажная бахрома. Заметная издали, она предупреждала Великого князя о предстоящей опасности.

Обыкновенный вагон-столовая стеклянной перегородкой разделялся на две неравные половины. В меньшем отделении помещалось только четыре столика, по два с каждой стороны, а в заднем отделении было шесть или восемь столиков. У каждого из чинов поезда № 1 было свое постоянное место, кроме того, несколько свободных мест сохранялось для поочередно приглашаемых из состава чинов штаба, не проживавших в этом поезде, или почетных гостей, которые размещались по указаниям генерала [М. Е.] Крупенского,²³ в зависимости от ранга и положения. Рядом с Верховным главнокомандующим место занималось лишь по особому приглашению его самого.

²² **Петр Николаевич Романов** (1864–1931). Великий князь, второй сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук Императора Николая I; генерал-лейтенант (1908), генерал-адъютант (1908). В годы Первой мировой войны занимал должность генерал-инспектора инженерных войск; находился при штабе своего старшего брата Николая Николаевича (младшего), занимавшего сначала должность Верховного главнокомандующего Русской армией (июль 1914 – август 1915 г.), а затем главкома Кавказского фронта (август 1915 – февраль 1917).

²³ **Крупенский Матвей Егорович** (1859 —?). Генерал-лейтенант (1913). На протяжении свыше 13 лет (с 1904) – адъютант Великого князя Николая Николаевича. Уволен от службы за болезнью в марте 1917 г.

Все постоянно довольствовавшиеся в поезде Верховного чины штаба считались гостями Великого князя; в свою очередь, они, отвечая на гостеприимство Николая Николаевича, добровольно вносили особые пожертвования в кассу лазарета, во главе которого в Киеве стояла супруга Верховного Великая княгиня Анастасия Николаевна.²⁴

Постоянные места в переднем отделении вагона-столовой распределялись между следующими лицами:

- 1) Верховный главнокомандующий.
- 3) Начальник штаба генерал [Н. Н.] Янушкевич.²⁵
- 4) Протопресвитер Военного и морского ведомства [о. Георгий Шавельский].²⁶
- 6) Великий князь Петр Николаевич.
- 7) Французский военный представитель генерал маркиз [П.] де Лагиш.²⁷
- 8) Английский военный представитель генерал [Д.] Вильямс.²⁸
- 9) Генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем генерал [Ю. Н.] Данилов.
- 10) Бельгийский военный представитель генерал[-майор] барон [де] Риккель.
- 11) Великий князь Дмитрий Павлович.²⁹

Свободные места.

Блюда с едой подавались чисто и просто одетыми в белые холстяные рубашки-гимнастерки, солдатами, исполнявшими обязанности прислуги офицерского собрания. В первый период войны перед завтраком и обедом все присутствовавшие обносились рюмкой водки, затем, когда ее запасы иссякли, – подавалось только красное и легкое белое вино обыкновенного столового достоинства. Кормили просто, но сытно, без всяких излишеств. За столом не засиживались, хотя после еды курили. Великий князь дымил сначала папиросой, вставляв-

²⁴ **Анастасия Николаевна Романова** (Анастасия (Стана) Петрович-Негош) (1868–1935). Дочь короля Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич; принцесса Черногорская, герцогиня Лейхтенбергская и русская Великая княгиня; супруга герцога Г. М. Лейхтенбергского (1889–1906) и Великого князя Николая Николаевича (с 1906).

²⁵ **Янушкевич Николай Николаевич** (1868–1918). Генерал от инфантерии (1914). В 1911–1913 гг. – помощник начальника канцелярии военного министерства; одновременно – экстраординарный профессор военной администрации в Николаевской военной академии; ординарный профессор академии; в 1913–1914 гг. – начальник Николаевской военной академии; с марта 1914 г. – начальник Генерального штаба. С началом Первой мировой войны – начальник штаба Верховного главнокомандующего; после назначения в августе 1915 г. Великого князя Николая Николаевича наместником на Кавказе назначен его помощником по военным вопросам; с сентября 1916 г. одновременно – главный начальник снабжений Кавказской армии; в марте 1917 г. уволен со службы «за болезнь». В начале 1918 г. арестован в Могилеве и отправлен в Петроград; по пути убит конвоирами.

²⁶ **Шавельский Георгий Иванович** (1871–1951). Священнослужитель Православной Российской Церкви, впоследствии Русской Православной Церкви Заграницей; член российского Святейшего Синода; духовный писатель. С апреля 1911 г. – протопресвитер военного и морского духовенства. Член Святейшего Правительствующего Синода (октябрь 1915 – апрель 1917). В годы Первой мировой войны находился в Ставке Верховного главнокомандующего (в его подчинении находилось около 5000 священников); неоднократно выезжал на фронт, бывал на передовых позициях. В годы Гражданской войны в рядах белых сил на Юге России; в декабре 1918 г. прибыл в Екатеринодар, назначен главкомом генералом А. И. Деникиным на должность протопресвитера военного и морского духовенства Добровольческой армии (позднее – Вооруженных сил Юга России); член созданного в мае 1919 г. Временного высшего церковного управления. В марте 1920 г. сменил генералом П. Н. Врангеля на посту главы военного духовенства Вооруженных сил Юга России епископом Вениамином (Федченков). С апреля 1920 г. в эмиграции. Автор «Воспоминаний последнего протопресвитера Русской армии и флота» (1954).

²⁷ **Лагиш Пьер де**. Маркиз, дивизионный генерал. Во время Первой мировой войны – французский военный атташе в России, состоял при Ставке Верховного главнокомандующего до января 1916 г. (на посту военного атташе сменил генералом Полем По).

²⁸ **Хэнбери-Уильямс Джон** (1859–1946). Английский генерал и дипломат. Во время Первой мировой войны в 1914–1917 гг. – английский представитель при Ставке Верховного главнокомандующего Русской армии. В 1918–1919 гг. возглавлял отдел по делам британских военнопленных. Автор воспоминаний «Николай II как я его знал» (1922).

²⁹ **Дмитрий Павлович Романов** (1891–1942). Великий князь; единственный сын великого князя Павла Александровича от брака с греческой принцессой Великой княгиней Александрой Георгиевной; внук Александра II. Службу начал в Лейб-гвардии Конном Его Величества полку; штабс-ротмистр (на октябрь 1914). Участник убийства Г. Е. Распутина в декабре 1916 г. С 1917 г. – в эмиграции.

шейся в особую пеньковую трубку, которую безопасно можно было ставить на стол (модель его брата Петра Николаевича), потом закурил сигару, второй экземпляр которой пересылал на тарелке мне, зная мое к ним пристрастие. Сигары у него были прекрасные и крайне разнообразных марок. Его забавляло искать соответствия между достоинством предлагаемой мне сигары и положением на фронте. Вследствие этого, мои соседи могли узнавать по марке сигары об общем характере того доклада, который я делал Верховному до завтрака, и который, в виде общей сводки сведений за ночь, выходил только ко времени окончания завтрака. Никаких деловых разговоров за едой не полагалось.

Я настойчиво просил Великого князя не приучать меня к дорогим сигарам, но потом заметил, что мои просьбы его искренно огорчали. Пришлось подчиниться своей судьбе, стоившей мне впоследствии не малых усилий, чтобы расстаться с невольной приобретенной привычкой.

Описанный вагон-столовая накрепко связан у меня в воспоминаниях с чрезвычайно ярким фактом проявления необыкновенного благородства Великого князя, составлявшего основную черту его характера.

Дело было летом 1915 г. Положение на фронте русских армий становилось очень тяжелым. Войска под напором германо-австрийских армий отступали из Галичины и затем русской Польши. Боевое снабжение их было близко к катастрофическому. Некомплект в частях войск ужасающий. Союзники бездействуют. В тылу России интрига против Великого князя и «Ставки» разрастается. Нервы у всех не в равновесии. Ежеминутно ждут все худших и худших сведений...

В такой обстановке молодой адъютант Верховного главнокомандующего поручик N, забыв наказ Великого князя – разбудить его ночью, как только получится ожидавшаяся телеграмма, и утомленный дежурством, неожиданно для себя уснул и подал телеграмму только утром. Никакой беды от этого не случилось, так как дежурный штаб-офицер Генерального штаба моего управления, приняв телеграмму, доложил о ней мне, и все необходимые распоряжения, не требовавшие немедленной санкции Главнокомандующего, были исполнены без промедления. Но Великий князь вспылал и в вагоне-столовой, когда все собрались к завтраку, сделал провинившемуся адъютанту очень резкое, хотя по существу и справедливое, замечание. Адъютант, как в воду опущенный, удалился на свое место в заднем отделении вагона.

За завтраком все притихли. Разговор на всех столиках не клеился. Многие были подавлены гневной вспышкой Верховного, прорвавшейся в присутствии всех. Но молчаливей всех был сам Великий князь. По лицу его было заметно, что ему очень не по себе.

Так прошел завтрак, скомканный, как только можно было. Прислуживавший солдат подал, как всегда, Великому князю обычный ящик с сигарами. Вместо того чтобы взять сигару для себя, Великий князь поднялся во весь свой гигантский рост и, захватив ящик, быстрыми шагами прошел сквозь стеклянную дверь в заднее отделение вагона, где предложить сигару провинившемуся офицеру.

Этот благородный поступок Верховного главнокомандующего всеми русскими армиями внутренне сознавшего свою вспыльчивость и тягостное положение офицера, при нем лично состоявшего, ударил всех по нервам. Провинившийся офицер вскочил, густо покраснел и слезы градом полились из его глаз. Овладев собою, он взял сигару и тут же, если не ошибаюсь, закурил ее...

Все облегченно вздохнули и внутренне прониклись большим уважением к благородству характера Великого князя. Но думаю, что больше всех был доволен сам Верховный своею победою над собою. Впрочем, это был единственный случай проявления его несдержанности за все тринадцатимесячное пребывание Великого князя во главе русских армий.

Факт этот пусть да послужить лучшим доказательством его необычайной чуткости и умения работать над собою...

Жизнь в Ставке отличалась необыкновенной размеренностью и регулярностью. Для моих сотрудников день начинался очень рано. К 9 часам утра все донесения, поступившие за ночь, должны были быть разобраны и нанесены на соответствующие карты. Во время этой работы приходил в свое управление [и] я для ознакомления с теми донесениями, которые, не представляя срочного характера, не были мне доложены ночью дежурным штаб-офицером. Затем к 10 часам утра в мой кабинет – большую комнату, с огромным столом посередине для карт и другим столом для письменных занятий, – приходил Верховный главнокомандующий с начальником штаба. Оперативный доклад продолжался в зависимости от материала час или два. Затем, по уходе Верховного, я диктовал, реже – писал, сам текущие распоряжения, принимал доклады своих сотрудников или шел разговаривать по прямым проводам со штабами фронтов. Занятия эти затягивались часов до 3–4, с перерывом для завтрака. Затем время до 6 оставалось сравнительно свободным!.. Большинство из нас ходили гулять или ездили верхом, пользуясь окружающим Ставку обширным лесом. К 6 часам пополудни снова собирались в управление, в котором, за исключением времени обеда, просиживали за работой весь вечер, а когда необходимо – то и часть ночи.

Великий князь Главнокомандующий весьма редко покидал Ставку. Исключая случаев служебных выездов на совещания, он почти не выходил из своего вагона, редко гулял, еще реже ездил верхом и, сколько помню, только раз выехал из пределов Ставки на охоту к соседнему помещику. Результаты этой охоты были, по-видимому, блестящи, так как на следующий день за завтраком к поезду Великого князя подъехала телега, красиво декорированная лесною зеленью и переполненная всякою застреленною дичью, до диких кабанов включительно. Это было подношение хозяина охоты офицерской столовой Ставки. Но повторяю, – эта охота была единственной за целый год пребывания Великого князя в Ставке.

По воскресным и праздничным дням Великий князь, будучи глубоко верующим человеком, посещал богослужение в нашей штабной церкви, помещавшейся в одном из барачков уже упоминавшихся казарм. Туда и обратно Великий князь ездил в автомобиле. В церкви обычно служил наш протопресвитер о. Георгий Шавельский. Пел небольшой, но хорошо слаженный хор солдат, поступивших в армию из Императорской капеллы. Церковная служба, видимо, производила на Великого князя чрезвычайно благотворное действие. Она отвечала его мистически настроенной душе, и он всегда являлся из церкви ко мне в управление для выслушания утреннего доклада с радостной улыбкой и со смягченным выражением лица.

4. Трудные условия работы русской стратегии

Со времени заключения в 1892 г. военной конвенции с Францией, русская стратегия оказалась не свободной. Россия вступила в военный союз с Францией и таким образом обрекла себя на коалиционную войну. В своих решениях она должна была поэтому руководиться не столько обстановкою у себя на фронте, сколько общею пользою. Можно, при желании, много спорить по вопросу: выгодно ли было России вообще вступать в какой-либо союз, и не лучше ли было ей сохранять «свободные руки». Но раз этот коренной вопрос был решен в смысле союза, то приходилось уже твердо помнить, что всякий союз несет с собою и обязательства. Каждому из бывших на войне хорошо известно, к каким фатальным результатам может привести вообще малонадежный сосед. Россия сознавала трудность положения французов и горела желанием честно исполнить свои обязательства перед ними. Эти чувства заставляли русские войска часто идти на подвиги крайнего самопожертвования

и нести жестокие кровавые потери, которых, быть может, возможно было бы и избежать, но при другом отношении к союзническим обязанностям.

Надо сказать, что такое понимание своего долга перед союзниками не было привилегией отдельных лиц; оно было присуще вообще всей русской дореволюционной армии, и в этом отношении Ставка являлась лишь выразительницей общего настроения русских войск.

К сожалению, та тяжелая и неблагородная роль, которая выпала на долю русской армии, и по сие время мало кому ясна. Причины такого явления легко объяснимы. В период самой войны строгая военная цензура, естественно, пропускала в печать лишь разные отрывочные сведения, пользуясь которыми нельзя было составить себе цельной картины войны. После же войны, вследствие революционной бури, до сих пор бушующей над необъятным пространством России, действия русских войск и усилия русского народа в период войны также не нашли себе достаточно полного отражения, так как русская военно-историческая литература продолжает оставаться крайне бедной и мало выразительной... Что же касается заграничной литературы, то в большинстве уже вышедших сочинений ход военных событий изложен или по отдельным театрам, или эпизодически вне взаимной связи событий между собою и с общою обстановкой, чем, несомненно, извращается общий смысл и ставятся препятствия к правильному пониманию события.

Особенно теряет от этого метода изучения минувшей войны русская стратегия, имевшая в огромном большинстве случаев своей задачей облегчить положение или действие своих союзников на тех театрах, которые в данный период времени считались, по общей обстановке, первенствующими. Только в свете более широкого и связного изучения событий, работа русских войск осмысливается и загорается ярким блеском необыкновенной самоотверженности, ими проявленной, и, может быть, приведшей Россию к преждевременному истощению...

Кроме своей подчиненности и отсутствия известной свободы действий, русская стратегия (как, впрочем, стратегия и остальных держав – участниц войны) страдала еще весьма сильно от отсутствия единого командования. Многоголовое управление составляет, как известно, роковой недостаток всякой коалиционной войны. Но среди Центральных держав этот недостаток все же восполнялся бесспорным главенством Германии. Среди же держав Согласия такого превалирования одного государства над другими, как известно, не было.

Наиболее тесная и регламентированная связь существовала между Россией и Францией, имевшими утвержденную правительствами обеих государств военную конвенцию. Однако этой конвенцией устанавливалась некоторая общность действий лишь для первого периода войны и совершенно обходился вопрос о дальнейшем согласовании военных операций. Хотя основные положения заключенной военной конвенции и подвергались неоднократно совместным обсуждениям начальников генеральных штабов обоих государств, но никогда эти обсуждения не переходили в более широкую область разработки вопроса о едином командовании в смысле, конечно, оперативного управления или хотя бы к рассмотрению способов надежного согласования военных операций в позднейший период войны. Правда, французская и Русская армии осуждены были действовать на театрах значительно удаленных один от другого, но это обстоятельство еще настоятельнее требовало особых забот по согласованию действий армий обоих государств. Между тем, даже вопрос о поддержании связи, довольно часто затрагивавшийся на совещаниях, был удовлетворительно разрешен лишь к началу 15-го года, т. е. во время самой войны, когда открылись действия телеграфного кабеля, проложенные между шотландским и мурманским берегами.

Самостоятельность обоих союзников была такова, что оба Верховные главнокомандующие – генерал Жоффри и Великий князь Николай Николаевич – стеснялись вначале непосредственно обмениваться своими соображениями, и лишь русский министр иностранных дел С. Д. Сазонов настоял на том, чтобы их общение стало более тесным.

«Французский посол, – телеграфировал Сазонов из Петербурга 15 сентября 1914 г., – высказал мне пожелание своего правительства о скорейшем наступлении на Германию. Благоволите передать [Т.] Делькассе,³⁰ что Верховный главнокомандующий с обычной энергией продолжает придерживаться тактики наступления, лучшим доказательством чего служит то, что Германия не перестает увеличивать свои силы, выставленные против России. Но оказывать влияние на решения Великого князя мне представляется неудобным. Мне кажется, что обоим главнокомандующим союзных армий принадлежит одним обмениваться взглядами в целях согласования их действий...»

Этому обмену, впрочем, препятствовал слишком замкнутый характер первого французского генералиссимуса.

Если трудно было обеспечить единство военных действий в начале войны, когда в Европе было только три отдельных фронта: Западный – Англо-французский, Восточный – Русский и Южный – Сербский, то положение осложнилось еще более, когда дополнительно образовались столь же самостоятельные фронты: Дарданелльский, Итальянский, Салоникский. Я уже не говорю о фронтах внеевропейских.

В результате такого положения, державам Согласия на протяжении почти всей войны не удалось ни разу произвести сколько-нибудь одновременный натиск на общего противника. Последний, в лице Германии, пользуясь своим внутренним положением и хорошо развитою сетью железных дорог, успевал не только отражать направленные против него в одиночку наступления, но поочередно наносить и свои собственные очень чувствительные удары. При этом выходило почти всегда так, что когда на одном фронте немцы вели наступательную операцию, другие члены согласия бездействовали, или только подготавливали свой контрудар, который выполнялся уже тогда, когда дело на первоначальном фронте подходило к концу и у немцев являлась возможность начать переброску своих резервов ко вновь угрожаемому для них району.

Конечно, все дурные последствия такого положения были вполне ясны для военных руководителей отдельными союзными армиями. Но не в их власти было изменить создавшуюся обстановку. Насколько было возможно, они стремились входить друг с другом в общение, их штабы обменивались сведениями о противниках и совместно работали в области разведки. От времени до времени посылались отдельные доверенные лица и даже целые миссии для информации и ознакомления с положением дел на фронте. Но все это были меры лишь паллиативного характера.

Наконец, с 1915 г., все с той же целью наилучшего согласования военных действий, начали от времени до времени собираться военные междусоюзные конференции, а к главным квартирам союзных армий постановлено было прикомандировать, сверх военных атташе, более полномочных военных представителей.

Польза от этих конференций была лишь относительной, и мне придется в дальнейшем отметить, как прекрасным словам, сказанным на июльской конференции 16-го года в Шантильи, не суждено было превратиться в реальные дела, которые могли бы, в действительности, облегчить истекавшую, в то время, кровь Русскую армию.

³⁰ **Делькассе Теофиль** (1852–1923). Французский дипломат, государственный деятель. В 1894–1895 гг. – министр колоний; в 1898–1905 гг. – министр иностранных дел Франции; в 1911–1913 гг. – морской министр; в феврале 1913 – марте 1914 г. – посол в Петербурге; в августе 1914 – октябре 1915 г. – министр иностранных дел. По общим вопросам ведения войны вошел в конфликт с другими представителями политического и военного руководства Франции (выступал против посылки войск на Балканы небольшими контингентами, Салоникской экспедиции и др.). После нападков в парламенте и в печати подал в отставку.

Лишь в 1918 г., когда Россия оказалась уже вынужденною выйти из войны, вопрос о едином командовании был окончательно решен державами Согласия, в смысле оперативного подчинения всех вооруженных сил этого согласия руководству маршала [Ф.] Фоша.³¹

Следующим, по важности, фактором, сковывавшим русскую стратегию, было весьма слабое развитие на русском театре военных действий сети железных дорог. Между тем, значение этой сети, в условиях массовой армии, столь велико, что по степени густоты этой сети, собственно говоря, возможно определить вообще сравнительную степень обороноспособности каждого государства.

Россия, по данным 1914 г., имела эксплуатационную сеть общим протяжением до 70 000 верст, без Финляндии и Восточно-Китайской дороги. Несмотря на абсолютную внушительность этой цифры, ее железнодорожная сеть, по сравнению с безграничными пространствами территории, должна была быть признана крайне бедной, так как на 100 квадратных километров в Европейской России приходилось в наиболее густо прорезанных рельсовыми путями местностях от 1 и не свыше 3 километров железных дорог, тогда как на то же количество квадратных километров даже в Австро-Венгрии приходилось 6–7 километров, не говоря уже о Германии, где железнодорожная сеть была развита значительно более. Наряду с этим в России имелись такие «медвежьи углы» из которых, как говорилось в русской поговорке, «хоть три дня скачи, ни до чего не доскачешь»...

При этом надо иметь в виду еще и то обстоятельство, что в России двупутных линий было всего лишь около 20–25 %, между тем, как в других государствах Европы тот же процент колебался от 40 до 57 и даже выше. Наконец, русские железные дороги были вдвое и втрое беднее снабжены подвижным составом по сравнению с государствами Западной Европы.

Но кроме приведенных данных, важно также направление железнодорожных линий. В этом отношении характерной иллюстрацией могут служить данные о том, что в то время как на фронте от устья Немана до Дуная, протяжением в 2600 верст, со стороны России к границам подходили двадцать одна колея, с фронта Германии, Австро-Венгрии и Румынии, к тем же границам, подходило тридцать шесть колея, т. е. более чем в полтора раза.

В качестве рокадных линий, служащих для разного рода перегруппировок вдоль фронта, особенно резка была разница на Привислинском театре военных действий. Наши военные противники имели вдоль своих границ две сквозные двупутные линии, полукольцом охватывавшие русскую Польшу. Восточную же Пруссию связывало с остальной Германией пять железнодорожных переправ через Вислу с десятью на них колеями. Мы же на левом берегу реки Вислы совсем не имели рокадных линий, и только на правом берегу – сильную линию Вильна – Варшава – Люблин – Сарны. Неудивительно, что при таких условиях не только запаздывала мобилизация и сосредоточение русских войск к границам, но встречали большие затруднения и всякого рода стратегические перегруппировки в пределах фронта.

К числу невыгодных данных, тормозивших стратегическую работу Верховного главнокомандования, надо еще отнести факт разделения нашей действующей армии на два слишком самостоятельных фронта: Северо-Западный и Юго-Западный. При этом главнокомандующие фронтами являлись лицами слишком самостоятельными в пределах тех задач, которые

³¹ **Фош Фердинанд** (1851–1929). Французский военный деятель, маршал Франции (1918), британский фельдмаршал (1919), маршал Польши (1923), член Французской академии (1918). Участник Франко-прусской войны (1870–1871). В начале Первой мировой войны во главе 20-го армейского корпуса в августе 1914 г. участвовал в Пограничном сражении и Лотарингской операции. С конца августа 1914 г. командовал армейской группой, состоявшей из нескольких корпусов и дивизий; после ее преобразования в сентябре в 9-ю армию участвовал в Марнской битве. В 1915 г. возглавил группу армий «Север». С мая 1917 г. – начальник французского Генерального штаба. С апреля 1918 г. – верховный главнокомандующий союзными войсками; сыграл важную роль в победе Держав Согласия над Центральными державами. 11 ноября 1918 г. подписал Компьенское перемирие, завершившее Первую мировую войну. Автор трудов по военному искусству и воспоминаний.

им были указываемы. Так как компетенция их распространялась на весьма большие районы и на значительное количество войск, то естественно, что дававшиеся им задания могли быть сформулированы только в слишком широких масштабах, чем и оставлялось излишне большое поле для личной самостоятельности названных генералов. При таких условиях, роль Верховного главнокомандующего, естественно, должна была как бы суживаться, чем значительно затруднялось проявление личного влияния на ход задуманной операции. От этого происходили иногда даже случаи извращения основной идеи выполнявшейся операции. К тому же, к сожалению, главнокомандующие фронтами далеко не всегда отличались инициативой, соответствовавшей их правам, и весьма часто не проявляли склонности оценивать требования Верховного, с общей точки зрения, предпочитая, в особенности при всякого рода перегруппировках, блюсти прежде всего интересы своего собственной фронта.

Положение осложнялось еще тем обстоятельством, что начальник штаба Верховного главнокомандующего не пользовался в оперативном отношении большим авторитетом ни среди подчиненных, ни в армии. Своим исключительным выдвижением сначала на пост начальника Генерального штаба, а затем – с началом войны – начальника штаба Верховного главнокомандующего, он был обязан почти всецело личному расположению к нему военного министра и особенно Государя, причем его неподготовленность к занятию ответственного поста начальника штаба Верховного была всем хорошо известна, не исключая и его самого.

– Вам лучше кого-либо известно, что я себя Мольтке не считал (по-видимому, имелся в виду старый [X.] Мольтке,³² пользовавшийся в России большим уважением): на место не просился и уже пробовал уйти, дабы дать возможность взять более подходящего... – писал в феврале 1915 г. Н. Н. Янушкевич генералу Сухомлинову из Ставки.

Конечно, наличие вместо двух нескольких войсковых групп непосредственно подчиненных Верховному главнокомандующему исправляло бы указанный выше недостаток, ведя к сокращению масштаба задач, которые в этом случае давались бы каждой из групп в отдельности, а значит, и к усилению влияния главного руководителя войной на исполнение каждой операции. Но осуществление этой новой схемы управления встречало практически очень большие затруднения.

Разделение управления войсками при войне на западе на два почти самостоятельных фронта – германский и австро-венгерский – установилось в России с давних пор. Оно было, по-видимому, принято, в интересах освобождения Верховного главнокомандующего от излишних забот и ответственности, в тот период времени, когда Государь Император Николай II твердо выказывал намерение стать во главе действующих войск.

Тому, кто знал ревнивый и подозрительный характер царствовавшего Императора, а также был осведомлен в том недоверии, которое под влиянием Императрицы постепенно складывалось при дворе к приобретаемому все более значительную популярность Великому князю Главнокомандующему, трудно было настаивать на осуществлении мероприятий, которые делали бы фигуру Николая Николаевича еще центральнее, а еще более властной в армии.

Надо было соблюдать крайнюю осторожность, дабы не подать повода к разного рода инсинуациям, и без того усиленно сгушавшимся около Ставки под влиянием зависти и работы темных сил, нашедших себе приют в дворцовых покоях.

³² **Мольтке (Старший) Хельмут Карл Бернхард фон** (1800–1891). Германский военный деятель, граф (1870), германский генерал-фельдмаршал (1871), русский генерал-фельдмаршал (1872), военный теоретик. Окончил Берлинскую военную академию (1826). В 1836–1839 гг. – военный советник в турецкой армии; в дальнейшем – на штабных должностях в прусской армии, в 1858–1888 гг. – начальник прусского (с 1871 – имперского) Генерального штаба. Во время успешных войн Пруссии с Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870–1871) – начальник Полевого штаба (фактически – главнокомандующий) при прусском короле Вильгельме I (с 1871 – германском императоре). В 1867–1891 гг. – член рейхстага от консерваторов. Наряду с О. фон Бисмарком и А. фон Рооном считается одним из основателей Германской империи. Оказал большое влияние на последующие поколения германских военных деятелей.

Таковы были условия обстановки на русском фронте, с которыми приходилось считаться в первый период войны.

Первые месяцы войны³³

1. Наступление в Восточную Пруссию. Влияние этого наступления на положение на Западном фронте

Всякая коалиционная война логически требует подчинения частных интересов каждого отдельного члена союза общим интересам всего союза. Подробным изучением вероятной обстановки, русский и французский генеральные штабы пришли к общему заключению, что, в случае войны с Центральными державами, Германия, по всей вероятности, сосредоточит свои главные силы на ее Западном фронте, для нанесения сокрушительного удара по французским войскам.

Французская армия являлась вооруженною силою, значительно превосходившей наши армии быстротой своей мобилизации и сосредоточения; поэтому она должна была расцениваться немцами в качестве вооруженной силы, наиболее для них опасной в начальный период войны. Угроза французского вторжения в западно-пограничную полосу Германии была для немцев тем более опасной, что названная полоса местности представляла собою район с богато развитой металлургической промышленностью, особенно ценной в условиях современной войны, которая требует обильного и безостановочного снабжения войск материальной частью и боевыми припасами.

С точки зрения Германии, являлось необходимым ценою каких угодно усилий, предупредить возможность вторжения в названный район неприятельских войск и вынести войну за пределы собственного государства, чтобы оградить страну от разорения и обеспечить возможность широкого пользования своей армией предметами отечественного производства.

К тому же нанесение первого, по возможности громового, удара по Франции, должно было затруднить установление ею союзных отношений с Англией, а психологическое значение победы на западе являлось не только ценным в смысле возбуждения энтузиазма в собственных войсках, но и с точки зрения воздействия на психику Италии и Румынии, как известно, уклонявшихся примкнуть к Германии и Австро-Венгрии.

Что касается России, то, в этом случае, Германия могла надеяться на то, что ее войска, медленно собирающиеся к границам, представится возможным задержать от вторжения в пределы Германии и Австро-Венгрии более быстрым наступлением армии последней на фронт Люблин – Холм и выставлением Германией особого заслона в Восточной Пруссии из местных войск и формирований военного времени. Такой план мог представляться генеральным штабам центральных держав тем более целесообразным, что, как это и оказалось впоследствии, противники России имели преувеличенное мнение о медленности русской мобилизации. Установив, таким образом, вероятность направления прямого удара германцев в начале войны на запад, Державы согласия не могли сомневаться в том, что характер его будет всепокрушающий.

Россия знала силу Германии; она изучила принципы ее военной доктрины и не могла сомневаться в крайней опасности для своей союзницы тевтонского нашествия. И морально, и по силе формальных обязательств, принятых на себя, Русская армия должна была придти своей союзнице на помощь, притянув часть германских сил на себя. Иначе... надо было предвидеть на Западе катастрофу!.. Единственное средство для предотвращения таковой заключалось в организации быстрого вторжения, возможно значительными силами, в пре-

³³ При чтении глав этой книги [посвященных мировой войне], достаточно иметь перед глазами обыкновенную географическую карту Европы. – *Прим. Автора.*

дела Восточной Пруссии. Такое вторжение больно ударило по престижу не только немцев, но и их императора, для которых Пруссия не переставала быть родоначальницей германского военного могущества.

Сила и направление для русского наступления? Их указывали, как наиболее желательные, генералы [О.] Дюбай³⁴ и [Ж.] Жоффр, последовательно стоявшие во главе французского Генерального штаба.

– Я буду считать себя вполне удовлетворенным, если наступление русских войск против Германии состоится с такими силами, которые способны были бы приковать к себе от 5-ти до 6-ти корпусов. – Так приблизительно формулировал свои пожелания первый из названных генералов на совещании, происходившем у нас в 1911 г. в Красном Селе.

– Чем глубже произойдет наступление русских войск в пределы Германии, тем решительнее оно отразится на общем положении дел, – говорил генерал Жоффр на союзных совещаниях 1912 и 1913 гг. Высказывалось при этом желание о наступлении из русской Польши на Алленштейн, и еще лучше – по левому берегу Вислы на Берлин. Но последнее в начале войны, по общей обстановке, являлось для России неосуществимым!..

Было бы, конечно, неправильно утверждать, что наступление в Восточную Пруссию не вызывалось собственными интересами России. Стратегические невыгоды границ русской Польши, глубоко вдававшейся между территориями Германии и Австро-Венгрии, при условии медленной готовности русских войск, заставляли желать выпрямления нашего первоначального развертывания войск путем занятия на севере Восточной Пруссии и выхода к Нижней Висле, а на юге – овладения восточной половиной Галичины. Сделать это надо было возможно скорее (по подсчетам русского Генерального штаба – в течение первых полутора месяцев войны), пока главная масса германцев будет отвлечена борьбой на западе, и, вследствие этого, главное командование их лишено будет возможности начать решительную переброску войск с запада на восток. Независимо от того, вторжение русских войск в Восточную Пруссию и Галичину выносило войну из пределов собственной страны, чем достигались также немаловажные результаты.

В соответствии с изложенным, по плану, разработанному русским Генеральным штабом еще в мирное время, две русские армии Северо-Западного фронта, в составе 9-ти армейских корпусов, находившихся под начальством генерала [Я. Г.] Жилинского,³⁵ занимавшего в мирное время пост командующего войсками Варшавского военного округа, должны были вторгнуться в пределы Восточной Пруссии: 1-я армия, генерала [П. К. фон] Ренненкампа³⁶

³⁴ **Дюбай Огюст** (1851–1934). Французский военный деятель, дивизионный генерал (1903). Участник Франко-прусской войны (1870–1871). С началом Первой мировой войны – командир 1-й армии, во главе которой в августе 1914 г. участвовал в Пограничном сражении и Лотарингской операции. С марта 1916 г. – военный губернатор Парижа. После окончания мировой войны командовал войсками в Лотарингии, на Вогезах и в Эльзасе.

³⁵ **Жилинский Яков Григорьевич** (1853–1918). Военный и государственный деятель, генерал от кавалерии (1910). В 1900–1903 гг. – генерал-квартирмейстер Главного штаба; в 1903–1904 гг. – 2-й генерал-квартирмейстер Главного штаба; в 1904–1905 гг. – начальник полевого штаба наместника на Дальнем Востоке Е. И. Алексеева (после отзыва Алексеева – в распоряжении военного министра до января 1906); в 1906–1907 гг. – начальник 14-й кавалерийской дивизии; в 1907–1911 гг. – командир 10-го армейского корпуса; с февраля 1911 по март 1914 г. – начальник Генерального штаба; с марта 1914 г. – командующий войсками Варшавского военного округа и Варшавский генерал-губернатор. С началом Первой мировой войны назначен главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. По итогам боев в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. снят со всех постов, переведен в распоряжение военного министра. В 1915–1916 гг. представлял русское командование в Союзном совете во Франции; осенью 1916 г. отозван в Россию; в сентябре 1917 г. уволен от службы за болезнью. После октября 1917 г. пытался выехать за границу, был арестован и расстрелян большевиками.

³⁶ **Ренненкампа Павел Карлович фон** (1854–1918). Генерал от кавалерии (1910), генерал-адъютант (1912). Участник Китайского похода (1900–1901). Во время Русско-японской войны (1904–1905) командовал Забайкальской казачьей дивизией и отрядом. Во время революции 1905–1907 гг. во главе правительственного отряда ликвидировал беспорядки, возникшие в Восточной Сибири. С 1913 г. – командующий войсками Виленского военного округа. В Первую мировую войну вступил во главе 1-й армии. Участвовал в Восточно-Прусской операции в августе – сентябре 1914 г. (позднее обвинен одним из главных виновников поражения русских армий в этом сражении, однако, его вина не была доказана). В сентябре 1914 г. во главе армии участвовал в Лодзинской операции; после того как германской группе генерала Р. Шеффера удалось

– с востока и 2-я армия генерала [А. В.] Самсонова³⁷ – с юга. Первоначально, при движении вперед их разделяли Мазурские озера, но, обойдя таковые с севера и запада, обе армии должны были войти друг с другом в непосредственную связь. Со стороны Германии, как это выяснилось впоследствии, против них была оставлена 8-я армия генерала [М. фон] Притвица,³⁸ в составе 4-х корпусов и нескольких отдельных дивизий и бригад.

Целью действий русских армий ставилось – нанесение поражения немецким войскам и отнесение их с севера – от Кенигсберга – и с запада от путей к Висле, иначе говоря, окружение с обоих флангов. В дальнейшем имелся в виду выход русских войск к нижней Висле, чем достигалось выгодное оборонительное положение на этом участке Вислы и значительное сокращение стратегического фронта, первоначально тянувшегося по рекам Нареву, Бобру и среднему течению реки Немана.

Таковыми действиями армии Северо-Западного фронта, к известной мере, закреплялось положение на правом фланге русского стратегического фронта, и создавалась возможность для переноса южнее названного участка русских операций на левый берег реки Вислы, о чем усиленно просило французское командование и каковое, в самом деле, являлось угрожаящим в отношении Германии. С целью скорейшего воздействия на германцев названные армии Северо-Западного фронта были составлены из пограничных и ближайших к району действий корпусов. Этим достигалась, правда не без известных усилий, возможность перехода ими в наступление уже в начале третьей недели мобилизации.

С назначением Великого князя Николая Николаевича на пост Верховного главнокомандующего русскими действующими армиями, ему были подробно доложены все изложенные выше соображения, которые и встретили полное его сочувствие. Точное выполнение взятых на себя обязательств и скорейшая помощь нуждающемуся в ней союзнику – были настолько в характере Великого князя, что его согласие с предположениями Главного управления Генерального штаба не могло вызывать ни у кого сомнений. Тем не менее, Франция встретила объявление ей Германией войны с большим волнением и тревогой.

– Я умоляю (*je supplie*)³⁹ Ваше Величество предписать вашим войскам немедленное наступление, – говорил на приеме, имевшем место 5 августа 1914 г., Императору Николаю II тогдашний французский посол [Ж.] М. Палеолог.⁴⁰ Иначе французская армия рискует быть раздавленной.

Еще ярче беседа М. Палеолога с министром иностранных дел, которая происходила 26 августа и описана в его воспоминаниях.

выйти из окружения, по настоянию главнокомандующего армий Северо-Западного фронта генерала Н. В. Рузского, был отстранен от командования; состоял в распоряжении военного министра; с октября 1915 г. в отставке. Отказался служить в Красной армии; погиб в ходе красного террора в апреле 1918 г. в Таганроге.

³⁷ **Самсонов Александр Васильевич** (1859–1914). Генерал от кавалерии (1910). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. В ходе последней командовал Уссурийской конной бригадой (март – сентябрь 1904), Сибирской казачьей дивизией (сентябрь 1904 – сентябрь 1905). Начальник штаба Варшавского военного округа (1906), наказной атаман Войска Донского (1907); Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа (1909). В начале Первой мировой войны командовал 2-й армией Северо-Западного фронта. В ходе Восточно-Прусской операции 1914 г. армия Самсонова потерпела поражение в битве при Танненберге, часть армии попала в окружение. Погиб при попытке выйти из окружения (по наиболее распространенной версии – застрелился).

³⁸ **Притвиц Максимилиан фон** (1848–1917). Германский генерал-полковник (1913). С началом Первой мировой войны назначен командующим 8-й германской армией. После поражения у Гумбиннена – Гольдапа от 1-й русской армии П. К. Ренненкампа предложил германскому верховному командованию отвести войска за Вислу и оставить Восточную Пруссию; в августе 1914 г. отстранен от командования, заменен генералом П. Гинденбургом; уволен в отставку.

³⁹ Прошу (фр.).

⁴⁰ **Палеолог Жорж Морис** (1859–1944). Французский политик, дипломат. С января 1914 по июль 1917 г. – посол Франции в России; способствовал вовлечению Российской империи в Первую мировую войну. В мае 1917 г. возвратился во Францию, продолжил работу в центральном аппарате МИДа. В 1917–1918 гг. отстаивал необходимость французской военной интервенции в Россию. В 1920–1921 гг. – генеральный секретарь МИДа. С 1921 г. в отставке.

– Ни Государь, ни Великий князь не забывают все, чем мы обязаны Франции, – сказал ему С. Д. Сазонов. – Вы можете быть убеждены, что мы сделаем все, чтобы помочь французской армии. Но, с точки зрения исполнения, затруднения очень велики. Генерал Жилинский, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, опасается за успех наступления русских армий в Восточную Пруссию, так как его войска еще очень разбросаны и обеспечение их продовольствием встречает большие затруднения. Генерал Янушкевич, начальник Генерального штаба, разделяет мнение генерала Жилинского и также сомневается в возможности наступления. Но генерал-квартирмейстер Ставки генерал Данилов с горячей убедительностью доказывает, что мы не в праве обрекать нашего союзника на гибель и что, не взирая на неизбежный риск предстоящей операции, мы все же обязаны незамедлительно перейти в наступление. Его мнение разделяется Великим князем, и я не удивлюсь, если данная операция уже началась.

И действительно, уже в первой своей директиве, отданной еще 10 августа, Верховный главнокомандующий русской действующей армией Великий князь Николай Николаевич, подтверждая первоначальные задачи, поставленные армиям Северо-Западного фронта, высказывал мнение, что, в виду острого положения на французском фронте, наступление армий Северо-Западного фронта могло бы начаться уже с 14-го дня мобилизации. Так как, однако, ведение данной наступательной операции относилось к обязанностям главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, то окончательное определение времени и порядка выполнения изложенных в директиве предубаждений, оставлялось за генералом Жилинским. Принимая во внимание, что районы развертывания корпусов названных двух армий Северо-Западного фронта находились в некотором удалении от границы, генерал Жилинский предписал корпусам 1-й армии выступить с таким расчетом времени, чтобы одновременно перейти границу 17 августа, то есть на 18-й день мобилизации Русской армии, главным же силам корпусов 2-й армии указано было вступить на германскую территорию – 19 августа, т. е. на 20-й день мобилизации.

Так как мобилизация французской армии была объявлена только в ночь на 2 августа, то время перехода 1-й русской армии определяется 16-м днем французской мобилизации. Уже в день перехода границы армия генерала Ренненкампафа имела столкновение с германцами при Сталлупенене. Наши противники, потеряв несколько орудий, отошли в западном направлении.

19 августа в районе к северу от главной зоны наступления 1-й русской армии, у Каушена, разыгралось новое боевое столкновение. Наша конница атаковала одну из немецких ландверных⁴¹ бригад. В этом бою эскадрон Лейб-гвардии Конного полка, под командой ротмистра барона [П. Н.] Врангеля,⁴² – будущего вождя «белого» движения, в конном строю доблестно атаковал неприятельскую батарею, внезапно наскочив на ее стрелявшие орудия.

⁴¹ Ландвер (нем. *land* – страна; *wehr* – оборона) – воинские части в Германии начала XX в. из военнообязанных запаса второй очереди.

⁴² **Врангель Петр Николаевич** (1878–1928). Русский военный и политический деятель, генерал-лейтенант (1918). Участник Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой (1914–1918) войн. Один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны в России. В начале Первой мировой войны начальник штаба Сводно-казачьей дивизии, помощник командира Лейб-гвардии Конного полка по строевой части (с сентября 1914); командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска (с октября 1915); командир 2-й бригады (с декабря 1916), затем 1-й бригады (с января 1917) Уссурийской конной дивизии. В 1917 г. – временно командующий Уссурийской конной дивизии (январь); командующий 7-й кавалерийской дивизией (июль); командующий Сводным кавалерийским корпусом (июль – сентябрь). Участник Гражданской войны, с августа 1918 г. в Добровольческой армии; начальник 1-й конной дивизии (с августа); командир 1-го конного корпуса (с ноября); командующий Кавказской Добровольческой армией (с декабря). Командующий Кавказской армией ВСЮР (май – декабрь 1919); командующий Добровольческой армией (декабрь 1919 – январь 1920). После расформирования Доброй армии – в распоряжении Главкома ВСЮР. В феврале 1920 г. из-за разногласий с генералом А. И. Деникиным уволен в отставку; после отставки Деникина в марте 1920 г. назначен Главкомом ВСЮР. В апреле – ноябре 1920 г. – правитель Юга России и главнокомандующий Русской армии. Под его руководством в Крыму были разработаны проекты ряда реформ, касающихся разных сфер жизни. В эмиграции в 1924 г. создал Русский общевоинский союз (РОВС), объеди-

Южнее конницы, на правом фланге главных сил той же армии, часть пехоты ввязалась в бой с частями 1-го германского корпуса к северо-востоку от Гумбиннена. Бой принял особенно упорный характер на следующий день 20 августа, когда в дело с обеих сторон были введены главные силы 8-й германской и 1-й русской армий. К вечеру на некоторых участках гумбинненского поля сражения обозначилось немецкое отступление, которое, как выяснялось впоследствии, приняло с наступлением темноты общий характер. Немцы отходили на запад, стремясь, по поступившим донесениям, уйти за Вислу.

Одержав, таким образом, в период времени с 17 по 21 августа над немцами ряд успехов и принудив их к отступлению, генерал Ренненкампф, однако, задержал свое дальнейшее наступление, ссылаясь на усталость войск и в ожидании подхода второочередных частей. В дальнейшем стянув свои корпуса ближе к правому флангу, он приостановил свое наступление и обратил свое преимущественное внимание на крепость Кенигсберг. Вследствие такого бездействия германцы получили возможность уйти от преследования и оказались свободными в своих дальнейших решениях.

В то же время 2-я русская армия генерала Самсонова, запоздав несколько своим наступлением и опасаясь упустить отходившего перед генералом Ренненкампфом противника, стала забирать все более к западу, имея в виду чрезвычайно трудными форсированными маршами перехватить пути немцев к переправам на нижней Висле. В действительности же эта армия только растягивалась и все более отдалялась от 1-й армии, продолжавшей после трехдневной остановки, несмотря на энергичное вмешательство Великого князя, лишь очень медленно свое дальнейшее наступление. В результате таких действий, вместо постепенного сокращения фронта Северо-Западных армий и сжатия ими немецких войск 8-й армии в полукольцо, корпуса 2-й армии расползлись веером и между внутренними флангами 1-й и 2-й армий образовался значительный разрыв.

Эта обстановка, раскрытая германскими авиаторами, послужила основанием для составления нашим противником нового плана действий. Воспользовавшись хорошо развитой сетью железных дорог и постепенной потерей соприкосновения войск 1-й русской армии с быстро отходящими немецкими колоннами, новое командование 8-й германской армией сумело сосредоточить против корпусов 2-й русской армии генерала Самсонова значительными силами и окружить ими два с половиной корпуса этой армии в лесах севернее шоссе Нейденбург – Вилленберг. 30 августа для этих корпусов надвинулась всем известная катастрофа...

Легко ли далась победа нашему военному противнику? Вот несколько выписок из воспоминаний о данной операции генерала [Э.] Людендорфа:⁴³

«Сомнительно, даст ли противник нам время выполнить наши намерения!..»

«Армия генерала Ренненкампфа вызывала во мне большое нервное напряжение!..»

«Мощная армия генерала Ренненкампфа угрожающей грозовой тучей стояла на северо-востоке. Ей стоило только нажать на нас, и мы были бы разбиты...»

Общеизвестно, напомню я от себя, что «победу от поражения часто отделяет едва уловимая грань».

По предложению, кажется, генерала Людендорфа, решительный бой 29 августа, завершившийся окружением наших войск, приобрел в Германии наименование сражения у Тан-

нивший большинство участников Белого движения в эмиграции. В 1928 г. скоропостижно скончался в Брюсселе.

⁴³ Людендорф Эрих (1865–1937). Германский генерал пехоты. В начале Первой мировой войны – заместитель начальника штаба 2-й немецкой армии под командованием К. фон Бюлова; в августе 1914 г. назначен начальником штаба 8-й германской армии, которая вела бои с русскими армиями в Восточной Пруссии; вместе с командующим армией П. фон Гинденбургом сумел нанести поражение русским войскам в ходе Восточно-Прусской операции; с августа 1916 г. после назначения Гинденбурга начальником германского Полевого Генерального штаба получил должность генерал-квартирмейстера. Автор концепции «тотальной войны», изложенной в книге «Тотальная война» (1935).

ненберга. Мне кажется, что в ходе исторических событий одно из лучших назначений «времени» – сглаживать и предавать забвению былые недоразумения, тем более, если они воскрешаются с недостаточной точностью. Известная в истории битва, ответом на которую должна была служить самсоновская катастрофа, хотя и происходила близ Танненберга свыше 500 лет тому назад, но более известна под именем Грюнвальдской битвы,⁴⁴ самое же селение Танненберг не входило в район боевых действий, разыгравшихся в 1914 г., и находится только вблизи этого района.

Читатель, надеюсь, не поставит мне в вину, что в настоящей книге я воздержусь от подробного описания военных действий и их оценки. Если бы он все же заинтересовался ознакомлением с моим пониманием событий первого периода войны, то свое желание он легко мог бы осуществить, прочтя мою книгу «Россия в мировой войне».⁴⁵ Здесь же я ограничусь обрисовкой событий этой войны лишь настолько, насколько в них проявлялась личность русского Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича и его влияние на общий ход войны, веденной сообща Державами согласия.

Один из известных французских журналистов Людовик Нодо,⁴⁶ по поводу только что упомянутой книги моей, высказался о действиях русских армий в первый период войны, в таких выражениях:

«Rendons à nos allies l'hommage qui leur est du, car l'un des element de notre victoire fut leur debàcle».⁴⁷

В Англии весьма видный современный государственный деятель сэр [У.] Черчилль,⁴⁸ в своих блестящих мемуарах о войне, которую он близко переживал в качестве морского министра, отзывается о жертвенности и значении русского наступления следующим образом:

«В гигантских и страшных боях на полях Восточной Пруссии пал цвет русской армии. Но результаты ее вторжения были использованы в решительную минуту. Нервы германского Генерального штаба не выдержали!»

В этих признаниях наших союзников гордость Русской армии и ее утешение. Исторически со стороны Держав согласия было бы несправедливо говорить о победе французов на Марне,⁴⁹ разбившей расчеты Германии на быстрый успех, не вспомнив благодарно о жертвенности и не почтив памяти русских героев, положивших свою жизнь и проливших свою кровь на полях сражения в Восточной Пруссии. И наоборот, – в нашей печали о жертвах и

⁴⁴ Грюнвальдская битва 15 июля 1410 г. (в немецкой литературе – битва под Танненбергом) – решающее сражение «Великой войны» 1409–1411, в ходе которого объединенные польско-литовско-русские войска разгромили войска Тевтонского ордена.

⁴⁵ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. 399 с.

⁴⁶ **Нодо Людовик.** Французский военный журналист. Автор книги «Письма о войне с Японией» (русское издание – 1906). Перед началом Первой мировой – петербургский корреспондент издания «Journal».

⁴⁷ Наши союзники должны отдать им дань, потому что часть нашей победы была их фиаско (фр.).

⁴⁸ **Черчилль Уинстон Леонард Спенсер** (1874–1965). Британский государственный и политический деятель, военный, журналист, писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1953). В 1896–1898 гг. – служил в Индии; участвовал в военных действиях против Судана; военный корреспондент во время Англо-бурской войны (1899–1902). В 1900 г. начал политическую карьеру; в 1906–1908 гг. – заместитель министра колоний, в 1908–1910 гг. – министр торговли, в 1910–1911 гг. – министр внутренних дел; с 1911 г. – военно-морской министр. В годы Первой мировой войны был одним из инициаторов Дарданелльской операции (1915), после неудачи которой подал в отставку. В 1917–1918 гг. – министр военного снабжения; в 1919–1921 гг. – военный министр и министр авиации; с 1924 г. (до конца жизни) – депутат парламента от консерваторов; в 1924–1929 гг. – министр финансов. С началом Второй мировой войны с сентября 1939 г. – военно-морской министр; с мая 1940 по июль 1945 г. – премьер-министр коалиционного правительства; в 1951–1955 гг. – вновь премьер-министр.

⁴⁹ Битва на Марне – крупное сражение между германскими и англо-французскими войсками, состоявшееся 5–12 сентября 1914 г. на реке Марна. Закончилось поражением германской армии. Результатом битвы стал срыв стратегического плана наступления германской армии, согласно которому предполагалась быстрая победа на Западном фронте и вывод Франции из войны.

неудаче Восточно-Прусского похода, закончившегося кошмарной катастрофой «30 августа», нельзя не вспомнить утешительно о Марне.

В самом деле. Тревожные известия о положении дел в Восточной Пруссии заставили немецкую главную квартиру немедленно после боев на реке Самбре начать переброску двух корпусов (Гвардейского резервного и 11-го) к одной кавалерийской дивизии (8-й), с Западного фронта на восток. Переброске этой придан был спешный характер, ибо она вызывалась стремлением вернуть обратно Восточную Пруссию и остановить начавшуюся в этой провинции панику населения. Приходилось поэтому снимать войска в зависимости от степени удобства и скорости посадки их на железную дорогу. Этим и должно объяснить, почему выбор пал на корпуса, входившие в состав правофланговых армий, несмотря на исключительную важность той задачи, которую должны были выполнить именно эти армии: сыграть роль ударного молота по левому обходному флангу французов.

Значительное ослабление названных армий естественно должно было привести к ослаблению этого удара и к необходимости сокращения его размаха. Первоначально крайним направлением войск армии генерала [А.] фон Клука⁵⁰ было направление на Амьен, куда и продвинулась в конце августа конница генерала [Г. фон] Марвица.⁵¹ Но, достигнув в своем движении на юго-запад реки Авр, пехотные колонны 1-й немецкой армии вдруг круто повернули на юг, а затем на юго-восток, все отчетливее оставляя Париж – столицу и сердца Франции – вне зоны своего наступления.

Распоряжение об отправке двух корпусов на восток в наиболее решительные дни развертывавшейся на западе грандиозной операции немцев, в силу своей неожиданности и спешности, – могло ли оно кроме ослабления силы удара и сокращения его фронта не отразиться «психологически» на настроении германских войск и их начальников? Не тут ли следует искать зарождения того морального перелома, о котором упоминает Черчилль в своих воспоминаниях? Не тут ли свершился излом их воли к победе?.. Кто знает!.. Таковы были события, по времени предшествовавшие Марнскому сражению, которое победоносно закончилось для французов.

Идея организации молниеносного удара против Франции, принадлежавшая талантливому начальнику германского Генерального штаба [А.] фон Шлиффену,⁵² оставлявшая затем возможность массовой переброски германских войск против России, разбилась о первоначальные успехи русского восточно-прусского наступления и отпор, данный нашими союзниками на полях Марны. В этих фактах идейная связь между Восточной Пруссией и Мар-

⁵⁰ **Клук Александр фон** (1846–1934). Германский военачальник, генерал-полковник. С началом войны назначен командующим 1-й армией; при вторжении во Францию действовал на крайнем правом крыле германских войск. Считался одним из самых успешных и талантливых военачальников германской армии; во время битвы на Марне (сентябрь 1914) отразил попытки прорыва французской армии и обеспечил фланг немецкого фронта. В сражении на Эне (сентябрь 1914) остановил наступление франко-английских сил. Находился на Западном фронте до марта 1915 г., когда оставил армию по ранению; с октября 1916 г. в резерве. Автор воспоминаний «Наступление на Париж и сражение на Марне» (1920).

⁵¹ **Марвиц Георг дер фон** (1856–1929). Германский военный деятель, кавалерийский генерал. С началом Первой мировой войны на Западном фронте, начальник 2-го Высшего кавалерийского командования (11-го кавалерийского корпуса); с декабря 1914 г. – на Восточном фронте, командир 38-го резервного корпуса; с декабря 1915 г. командир 6-го армейского корпуса на Восточном фронте; в июле 1916 г. во время Брусиловского прорыва стоял во главе группы в составе 1-й австро-венгерской армии; с декабря 1916 г. на Западном фронте, командующий 2-й армией на Сомме; с сентября 1918 г. – командующий 5-й армией. В январе 1919 г. вышел в отставку.

⁵² **Шлиффен Альфред фон** (1833–1913). Граф, германский военный теоретик, генерал-фельдмаршал (1911). В качестве офицера Генштаба участвовал в Австро-прусской войне (1866) и Франко-прусской войне (1870–1871). В 1891–1905 гг. – начальник германского Генерального штаба; на этом посту большое внимание уделял улучшению подготовки офицеров Генштаба. В своих военных трудах развивал теорию окружения и уничтожения противника путем сокрушительного удара по его флангам с последующим выходом в тыл. Наибольшую известность получил его «План Шлиффена» («План закрытой двери») составленный в 1904 г. Он предусматривал военную кампанию против Франции длительностью всего 39 суток, с последующим разворотом всех сил на Восток, против Российской империи. Оказал большое влияние на формирование военной доктрины Германии в Первой и Второй мировых войнах.

ной, – двумя операциями, выполненными по директивам двух генералиссимусов, Великого князя Николая Николаевича и генерала (ныне маршала) Жоффра, хотя и не с одинаковыми тактическими результатами.

В результате катастрофической неудачи, понесенной русскими войсками в Восточной Пруссии, генерал Самсонов покончил свою жизнь самоубийством; со своей же стороны Великий князь Николаи Николаевич принял решение о немедленном отчислении от командования фронтом и армией генералов Жилинского и Ренненкампа, проявивших недостаточную распорядительность и непонимание общей обстановки. Однако решение Верховного было предупреждено шифрованной телеграммой Императора Николая II, полагавшего соответственным возвращение генерала Жилинского на его прежнюю должность варшавского генерал-губернатора и назначение генерала Ренненкампа, окружавшего себя придворными любимчиками и через них снискавшего особое благоволение Императора – главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Телеграмма эта вызвала в Ставке, конечно, не малое смущение и из создавшегося положения вышли – отчислением генерала Жилинского в распоряжение, если не изменяет моя память, военного министра, и оставлением генерала Ренненкампа на его прежнем месте. Это было то наибольшее, что возможно было сделать при обстановке того времени и что ярко свидетельствует о том трудном положении в пользовании своими правами, в которое был поставлен в действительности русский Верховный главнокомандующий!

Читатель хорошо понимает, что для Великого князя было совсем не трудно на этом случае показать свою способность уйти с поста Верховного; гораздо более самопожертвования требовалось примириться с этими условиями и работать в них, надеясь принести пользу России.

2. Неожиданный подарок союзникам наших моряков

Теперь уже не может быть секрета ни для кого, что на германском крейсере «Магдебург», который в конце августа 14-го года сел на мель у острова Оденсгольма, нашими водолазами был найден секретный радиотелеграфный код германского флота. Книга была сфотографирована и копия, по приказанию Великого князя, переслана британскому адмиралу [Д. Р.] Джеллико,⁵³ который стоял во главе эскадр, долженствовавших противиться проявлению всякой жизни со стороны германского военного флота. Последние, кроме общей задачи прикрытия всей страны со стороны морского побережья, должны были, при сохранении идеи направления главного удара на запад против Франции, стремиться к достижению еще других весьма существенных задач: во-первых, по овладению Фландрским побережьем, что вызывалось необходимостью надежного прикрытия правого фланга германских армий, наступавших через Бельгию, и во-вторых, по затруднению перевозки английских войск на материк.

Так как, однако, германский флот, имевший своей базой устье Эльбы, в силу своей недостаточной численности, не мог рисковать встречей в море со всем британским флотом, то для него являлось чрезвычайно ценным условием внезапности, которое одно могло обеспечить возможность благоприятной встречи с неприятелем. В самом деле, только внезапность появления германского флота или его частей, в том или другом районе морского театра, могла дать возможность встретиться германским боевым судам не со всем враждебным ему флотом, а с его отдельными частями, равно произвести неожиданную бомбардировку или нападение на пункты английского побережья, или выполнить какую либо другую

⁵³ Джеллико Джон Рашуорт (1859–1935). Граф, британский адмирал флота (1919). Участвовал в колониальных войнах против Египта (1882) и Китая (1900). С 1913 г. – 2-й морской лорд. Во годы Первой мировой войны в 1914–1916 гг. – главнокомандующий Большим флотом, которым руководил в Ютландском сражении (1916). С декабря 1916 до конца 1917 г. – 1-й морской лорд. Инициатор активной борьбы с германским подводным флотом. С 1920 г. – губернатор Новой Зеландии.

боевую операцию, могущую болезненно отозваться на общественном настроении английского народа. Этой-то внезапности германский флот, благодаря русскому подарку англичанам, и был лишен на все время войны. Перехватывая германские радио, англичане получали возможность заранее знать о выходе в море из своего убежища немецких морских сил, равно об их составе и предполагаемых целях их действий.

Благодаря изобретению русским же моряком особого прибора, получалась даже возможность определять место нахождения того судна, с которого было отправлено перехваченное радио. Помощь, оказанная русскими моряками своим западным союзникам, была неоценима, и адмирал Джеллико счел своей обязанностью сообщить русскому морскому командованию, что британский флот никогда не забудет той услуги, которая была ему оказана русским флотом.

Всякое перехваченное германское радио немедленно передавалось в Лондон в адмиралтейство, где по рассказам сведущих лиц,⁵⁴ имелась особая комната «№ 40», в которой работали специалисты, расшифровывавшие полученное сообщение и переводившие его на английский язык. Главным руководителем этих работ был известный лингвист эдинбургский профессор А. Ивинг, получивший широкую известность в английском обществе, как лицо, оказывавшее английскому народу большие услуги во время войны. Никто ведь не знал, каким образом добывались те ценные данные, которые выходили из комнаты «№ 40», и получение которых приписывалось тайному «изобретению» почтенного профессора! Лишь немногие лица в течение войны были осведомлены о том, что о всех главных выходах и предстоящих действиях немецкого флота англичане узнавали от самих же немцев, которые пользовались радиотелеграфными сообщениями весьма широко, будучи уверены в их безусловной секретности.

3. Вторжение русских армий в Галичину

Несколькими днями позднее вторжения русских армий Северо-Западного фронта в Восточную Пруссию, по директиве русского Верховного главнокомандующего, приступили к выполнению своих первоначальных боевых задач, предусмотренных еще в мирное время, четыре армии Юго-Западного фронта, в составе 16-ти армейских корпусов. По существовавшим предположениям, эти армии могли встретиться с 12–13 австро-венгерскими корпусами, развертывавшимися в Галичине. В соответствии с этими данными обстановки, целью действий Юго-Западного фронта, находившихся под начальством генерала [Н. И.] Иванова,⁵⁵ занимавшего в мирное время пост командующего войсками Киевского военного округа, ставилось поражение неприятельских вооруженных сил, сосредоточенных в упомянутом уже выше пограничном районе, имея в виду воспрепятствование отходу этих сил на юг за реку Днестр и на запад к Кракову. Иначе говоря – имелось в виду их окружение с обоих флангов в местности к северу от Карпатского горного хребта. Русские армии Юго-Западного фронта должны были перейти границу двумя группами: со стороны русской Польши, с фронта Люблин – Ковель на юг, и со стороны правобережной Украины, с фронта Луцк – Проскуров, на

⁵⁴ Статья А. [И.] Бенклевского «Русский подарок Англии». – *Прим. автора.*

⁵⁵ **Иванов Николай Иудович** (1851–1919). Военный деятель, генерал-адъютант (1907), генерал от артиллерии (1908). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. Во время Первой мировой войны главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (июль 1914 – март 1916). Под его командованием русские войска одержали победу в Галицийской битве (август – сентябрь 1914). В марте 1916 г. снят с поста командующего фронтом, назначен членом Государственного совета и переведен в Ставку (состоял генерал-адъютантом при Императоре). 27 февраля 1917 г. во время начавшейся революции назначен командующим войсками Петроградского военного округа, направлен с войсками в Петроград (до города не дошел); после отречения Николая II был арестован и доставлен в Петроград; находился под следствием. После освобождения в конце 1917 г. уехал в Киев. Участник Белого движения; в октябре 1918 г. по предложению донского атамана генерала П. Н. Краснова возглавил Южную армию. Умер от тифа.

запад. Главный удар возлагался на эту последнюю группу; поэтому на состав и ускорение готовности этих армий, которые ее составляли (3-й и 8-й), было обращено особое внимание. Таким образом, армии, образовавшие северную группу Юго-Западного фронта (4-я и 5-я), были составлены из войск, располагавшихся в мирное время внутри страны и потому несколько запаздывавших в своем прибытии в пограничный район. Исключение составляли только два местных корпуса, вошедших, разумеется, также в состав названной группы и игравших роль войск прикрытия. Данным обстоятельством воспользовалось австрийское командование, решившее быстрым вторжением с юга в пределы русской Польши предупредить русское наступление и разбить незакончившую своего сосредоточения северную группу армий Юго-Западного фронта, прежде чем на театре военных действий скажется наступление 3-й и 8-й армий. В результате такого решения, положение северной группы Юго-Западного фронта оказалось к 30 августа 1914 г., т. е. ко времени обозначившегося неуспеха наступления армий Северо-Западного фронта в Восточную Пруссию, крайне тяжелым.

Войска 1-й австрийской армии генерала [В.] Данкля,⁵⁶ после ряда встречных боев, устремились на правофланговую 4-ю русскую армию и под Люблином стали окружать ее с обоих флангов. С левого берега реки Вислы к австрийцам был притянут германский корпус генерала [Р. фон] Войрша,⁵⁷ а на правом фланге войскам Данкля удалось 1 сентября прорваться в стыке между 4-й и 5-й русскими армиями. Заняв железнодорожную станцию Травника на линии Люблин – Холм, австрийцы этим своим положением прервали ближайшую железнодорожную связь 4-й армии с остальными армиями Юго-Западного фронта. В то же время в районе соседней слева 5-й армии произошел весьма упорный и кровопролитный бой у Томашова с войсками 4-й австрийской армии генерала [М.] Ауффенберга,⁵⁸ наступавшими восточнее армии генерала Данкля и уступом назад по отношению к ней. Австрийцы называют этот бой боем у Комарова и император Франц-Иосиф⁵⁹ наградил генерала Ауффенберга за его боевые успехи титулом графа Комаровского. В результате этого боя 5-й русской армии действительно пришлось начать отвод своих корпусов за реку Буг. Трудное положение

⁵⁶ **Данкль Виктор фон Красник** (1854–1941). Граф, генерал-полковник. С началом Первой мировой войны – командующий 1-й армией; командовал армией в Галицийской битве; в районе Красника во встречном сражении с 4-й русской армией заставил ее отступить к Люблину (за эту победу получил графский титул «граф фон Красник»). После общего поражения австрийцев в Галицийской битве вынужден был отступить. С 9-й германской армией участвовал в Варшавско-Ивангородской операции. В мае 1915 г. после вступления в войну Италии назначен начальником обороны Тироля; руководил австро-венгерскими войсками, развернутыми в Трентино; с марта 1916 г. – командующий 11-й австрийской армией, развернутой в Южном Тироле; в мае 1916 г. вместе с 3-й армией участвовал в наступлении в Трентино. С декабря 1918 г. в отставке.

⁵⁷ **Войрш Ремус фон** (1847–1920). Германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1917). Участник Австро-прусской (1866) и Франко-прусской (1870–1871) войн. В 1911 г. вышел в отставку после 45 лет службы. С началом Первой мировой войны возвращен на службу; с августа 1914 г. – командир Силезского ландверного корпуса (постоянно использовался командованием для поддержки австро-венгерских войск); с ноября 1914 г. по 31 декабря 1917 г. – командир развернутой на базе ландверного корпуса армейской группы «Войрш»; в 1917 г. после фактического прекращения боевых действий на Восточном фронте и расформирования группы ушел в отставку.

⁵⁸ **Ауффенберг Мориц фон Комаров** (1852–1928). Барон, австро-венгерский военный деятель, генерал пехоты (1910). В 1911–1912 гг. – военный министр. С началом Первой мировой войны – командующий 4-й австрийской армией; за победу над русскими войсками в сражении при Комарове удостоен титула барона Комаровского. В ходе Галицийской битвы (август – сентябрь 1914) потерпел поражение в сражении при Раве-Русской. В октября 1914 г. отстранен от командования; в 1915 г. обвинен в неготовности Австро-Венгрии к войне, уволен из армии, содержался под арестом.

⁵⁹ **Франц Иосиф I** (1830–1916). Император Австрийской империи и король Богемии (с 1848), король Венгрии (с 1848), глава двуединого государства – Австро-Венгерской монархии (с 1867). В 1871 г. признал провозглашение Германской империи; в 1879 г. заключил союзный договор с Германией, ставший основой для создания Тройственного союза в 1882 (впоследствии Четверной союз). Благодаря поддержке Германии добился усиления влияния на Балканах в ходе Русско-турецкой войны (1877–1878). Проводил агрессивную политику на Балканах; в 1908 г. аннексировал Боснию-Герцеговину, что привело к усилению разногласий с Российской империей и открытому противостоянию с Сербией; в конечном счете обостренные отношения на Балканах привели к началу Первой мировой войны и последующему развалу Австро-Венгерской империи.

северной группы армий Юго-Западного фронта могло быть еще выправлено быстрым сближением с нею 3-й и 8-й русских армий, наступавших с востока. Но генерал [Н. В.] Рузский,⁶⁰ в руках которого временно было объединено руководство боевыми действиями этих армий, подводя их к 29 августа на фронт Львов – Галич, решил на некоторое время приостановить дальнейшее движение вверенных ему войск, имея в виду разведку львовских укреплений, о силе и значении которых у нас, к сожалению, существовали преувеличенные сведения.

Для полноты характеристики того неблагоприятного положения, в котором оказались русские вооруженные силы, необходимо еще отметить, что очерченная выше обстановка на Юго-Западном фронте сложилась как раз к тому времени (конец августа), когда на Северо-Западном фронте обе наши армии 1-я и 2-я, были парализованы тяжелой «самсоновской трагедией». В результате поражения войск 2-й русской армии генерала Самсонова, весь Наревский фронт по существу оказывался открытым для вторжения через него с севера из Восточной Пруссии в русскую Польшу германцев, к которым, как читателю уже известно, спешно подвозились подкрепления с Западного фронта. При успехе этого наступления, немецкие войска могли создать угрозу сообщениям северной группы Юго-Западного фронта, проходившим с фронта Люблин – Ковель, через ту же русскую Польшу.

При всех описанных выше условиях, от Великого князя Русского Верховного главнокомандующего потребовалось много выдержки и твердости духа, чтобы не поддаваться влиянию неблагоприятных факторов и с достоинством вывести русские армии на путь решительной победы над австрийцами. В этой победе была лучшая развязка всего положения. В соответствии с этим, русской Ставкой были, прежде всего, приняты решительные меры к непосредственному усилению войск 1-й русской армии. С этой целью в состав названной армии были последовательно направлены, в виде подкреплений, три корпуса, снятых с других направлений, и несколько второочередных дивизий, которые в общем усилили эту армию на 9 1/2 пехотных дивизий. Так как, с подходом всех этих частей, состав 4-й армии должен был увеличиться до 6-ти корпусов с несколькими второочередными дивизиями, то, для удобства управления, войска были подразделены на две армии (9-ю и 4-ю), во главе коих поставлены твердые и спокойные начальники.

Вместе с тем Великим князем было послано категорическое указание генералу Рузскому: продолжать безостановочно дальнейшее наступление, «развивая своим правым флангом наступательные действия в обход Львова с севера», и пуще всего «не допускать переброски противника от Львова против северной группы русских войск». Наконец, особым обращением Верховного главнокомандующего, Великий князь Николай Николаевич призвал все войска Юго-Западного фронта к полному напряжению сил. Согласно приказа, отданного 31 августа, войска должны были в кратчайший срок перейти в наступление, а в тех районах, где таковое наступление сказывалось невозможным, они должны были удерживать занятые ими позиции «до последнего человека». Результаты изложенных мер и твердо выраженной воли о необходимости достигнуть победы стали сказываться в течение ближайших же дней.

⁶⁰ **Рузский Николай Владимирович** (1854–1918). Военный деятель, генерал-адъютант (1914), генерал от инфантерии (1909). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. В начале XX в. принимал участие в разработке уставов и наставлений, автор «Полевого устава» (1912). Помощник командующего войсками Киевского военного округа (с 1912). С началом Первой мировой войны – командующий 3-й армией Юго-Западного фронта. С августа 1914 г. – главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, член Государственного (с марта 1915 г.) и Военного (с мая 1915 г.) советов. В августе – декабре 1915 г. и августе 1916 г. – апреле 1917 г. – главнокомандующий армиями Северного фронта; в июле – августе 1916 г. – командующий 6-й армией. Председатель Всероссийского общества памяти воинов Русской армии (с 1916). Был первым среди офицеров, кавалером ордена Святого Георгия в Первую мировую войну и одним из четырех генералов, награжденных тремя его степенями. Принял активное участие в давлении, оказанном командующими фронтами на Николая II, с целью побудить отречься его от Престола. В апреле 1917 г. покинул пост главнокомандующего армиями Северного фронта и уехал лечиться в Кисловодск. В сентябре 1918 г. взят в заложники Кавказской Красной армией, расстрелян в Пятигорске.

Уже 4 сентября наступление трех армий северной группы Юго-Западного фронта (армии 9-я, 4-я и 5-я) приняло более общий характер. К сожалению, не вполне согласованными с общей мыслью всей операции распоряжениями генерала Иванова первоначальная идея воспрепятствования отходу значительных сил на Краков была извращена, и армия генерала Данкля успела уйти за реку Сан.

С развитием дальнейшего наступления 3-й и 8-й русских армий, в наши руки в начале сентября перешел Львов, за ним – Галич. К северу от Львова 12 сентября взята были укрепленная позиция у Равы-Русской, с падением которой прекратилось шестидневное упорное сопротивление, оказывавшееся австрийцами на весьма сильной Городокской позиции, занятой австрийцами западнее Львова. Вместе с тем открылись для удара русских войск пути отхода той группы австрийцев, которая вторглась в русскую Польшу с юга, и таким образом заколебался весь австрийский фронт.

Свыше сорока дивизий, сбиваясь в кучу и обнажая пути в Венгрию и Буковину, спешили уйти за реку Сан и Вислоку, бросая оружие и сдаваясь массами в плен. Военная мощь двуединой Дунайской монархии перестала существовать. Австрийские славяне, недовольные наложенным на них Габсбургами игом, получили значительный толчок к развитию у себя сепаратных течений; что же касается австро-венгерской армии, то, хотя после перенесенного разгрома ее и удалось возродить частично, но она была лишена уже навсегда способности самостоятельно вести войну, требуя все большей и большей помощи в ее операциях со стороны германских армий.

Направлением всех свободных русских сил против Австро-Венгрии весьма отчетливо выявилась способность Великого князя Николая Николаевича правильно оценивать обстановку, а успех его твердого слова, обращенного к войскам, свидетельствовал о том доверии, которое эти войска питали к его распоряжениям.

4. Русская армия на Висле в октябре 1914 г

Наступление по левому берегу реки Вислы против Германии всегда входило в предположения русской Ставки. Об этом движении, как уже знает читатель, мечтал как о наиболее желательном для французов и генерал Жоффри. Но перенос военных действий на левый берег реки Вислы намечался русским Генеральным штабом лишь в результате удачного разрешения первоначальных наступательных задач в Восточной Пруссии и в Галичине. С выходом русских войск к нижней Висле и с утверждением их в Галичине, наступление это могло рисоваться в виде переброски значительной массы русских войск через Вислу по постоянным мостам, имевшимся в Варшаве и Ивангороде, и движения их в пространстве между нижней Вислой и Судетскими горами через Познань и Силезию в самое сердце Германии. В этом движении, конечно, должны были принять участие все вооруженные силы России, почему оно представлялось исполнимым лишь по прибытии на Вислу войск из азиатских округов. При этом левый фланг такого обширного фронта мог получить опору в славянских землях Австро-Венгрии, лежащих по ту сторону Судетского хребта; самое же операционное направление должно было пересекать польские провинции Силезию и Познань, в которых мы могли также рассчитывать поднять волну освободительного движения. Правда, при наступлении русских вооруженных сил на левом берегу реки Вислы, армии их должны были встретить на своем пути две германские крепости Познань и Бреславль, а на фланге они оставляли у себя австрийскую крепость Краков, но, при массовом характере нынешних армий, овладение крепостями сравнительно легко достигается победою этих армий над противником в поле.

Обстановка, сложившаяся в действительности к середине сентября, не была, однако, столь выгодной, как это предполагалось: Восточная Пруссия, связанная с внутренними обла-

стям Германии рядом сильных железнодорожных линий, осталась в руках нашего военного противника – Германии, а в Галичине австро-венгерские войска, хотя и были разбиты, но все же им удалось отступить в направлении на Краков и избежать уничтожения.

Более благоприятно, к тому времени, сложились условия во Франции, благодаря Марнской победе, но и там генерал Жоффр предвидел, уже в первые дни только обозначившейся победы, вероятную остановку в преследовании. Опасаясь возможности перехода инициативы вновь в руки германского командования, он уже в середине сентября обратился к нам с просьбой о перенесении русскими войсками военных операций на левый берег реки Вислы.

К этому времени участок средней Вислы между Буго-Наревом и Саном был почти обнажен от наших войск. Сосредоточенные в первые же недели войны к Варшаве два корпуса (Гвардейский и 18-й), взятые из столичного района, как мы уже видели, были направлены, в период Галичской наступательной операции, на усиление правого фланга Юго-Западного фронта; остальные же корпуса, располагавшиеся в мирное время в отдаленных от театра военных действий районах, только перевозились по железным дорогам в общем направлении на Варшаву.

В такой обстановке единственными частями, которые могли бы служить для переброски на левый берег реки Вислы, являлись войска Юго-Западного фронта, которые, кстати сказать, по мере углубления их в западную часть Галичины, оказывались все более сдавливаемыми с севера направлением течения реки Вислы, выше Сандомира, а с юга – Карпатским хребтом.

По предположениям штаба Юго-Западного фронта, войска эти и предполагалось начать перебрасывать на левый берег реки Вислы, сначала на реку Ниду, а затем выдвинуть вперед, для дальнейшего наступления на Калишь и Лиссу. Однако такое предположение представляло некоторые сомнения в том отношении, что на участке реки Вислы выше Сандомира не имелось постоянных мостовых переправ; переброска же по временным мостам, в сфере возможного влияния противника и при сильно колеблющемся в осеннее время уровне воды во всей Вислинской речной системе, представляла немалые опасности в смысле возможного срыва временных мостов. Мы уже на реке Сане пережили довольно тревожное время, вследствие порчи военных мостов, из-за внезапного поднятия воды после выпавших в горах дождей. Повторять этот опыт было бы неосторожно!

Недостаточное количество войск, имевшихся в наличии для выполнения столь грандиозной операции, как наступление в пределы Германии, и необеспеченность этой операции, в особенности со стороны правого фланга, над которым висела постоянная угроза в виде Восточной Пруссии, требовали серьезных гарантий в том, что нашими союзниками будут приняты все меры и усилия, чтобы надолго приковать главные силы германцев к своему фронту и этим отнять у них возможность новой переброски войск на русский фронт. Исходя из этой мысли, Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич, сообщая о своем наступательном предположении французскому генералиссимусу, признал необходимым вместе с тем запросить генерала Жоффра, считает ли его правительство конечной целью вооруженных действий своей армии очищение от неприятеля французской территории и отобрание Эльзаса и Лотарингии, или же оно поставило своей армии более широкие задачи, связанный со вторжением в Германию. Только получив убедительные заверения о том, что французское наступление не будет остановлено ни на какой линии и что начинающиеся на левом фланге французского фронта бои отнимают у немцев возможность переброски значительных сил на Восточный фронт, Великий князь окончательно решил в положительном смысле вопрос о переносе русского наступления на левый берег Вислы.

Каково же было действительное стратегическое значение тех боев, о которых упоминал в своем ответе французский главнокомандующий?

Русский посол в Париже так объяснял их происхождение: «Одного, даже столь крупного поражения немцев (как Марна) оказалось недостаточно, чтобы заставить германские армии очистить французскую территорию. Весьма скоро обнаружилось, что неприятель успел остановиться на укрепленных им позициях по реке Эн, и только между устьем этой реки и Северным морем оставалось свободное для развития дальнейших действий пространство...»

«Отказываясь от решительного наступления на фронте, – сообщал в дальнейшем А. П. Извольский,⁶¹ генерал Жоффр делал в течение целого месяца попытки, путем неустанного маневрирования, обойти правый фланг немцев, чтобы таким образом заставить их отступить. Но на каждый такой маневр немцы отвечали подобным же контрманевром, в результате чего к концу октября обе армии докатились до морского побережья...»

На самом же деле инициатива действий в этом стремлении к обходу открытого фланга, вызвавшем перегруппировки, остроумно называемый некоторыми авторами «бегом к морю», принадлежала германцам и основной целью их маневра служило стремление захватить Дюнкерк и пробиться к Кале и Булони. Со взятием названных пунктов, для немцев, кроме захвата английских баз, расширялась зона действий их подводных лодок и открывалась возможность даже непосредственной угрозы английским берегам.

Просмотрите, читатель, воспоминания бывшего во время войны английского морского министра Черчилля, относящиеся к данному периоду войны: они полны тревоги и забот о судьбе поименованных выше пунктов.

Таким образом, в действительности вопрос шел об оказании новой помощи нашим западным союзникам. И, если в период русской Восточно-Прусской наступательной операции и битвы на реке Марне вопрос шел о судьбе французской армии и, в частности – об освобождении от угрозы Парижа, то в настоящее время ставились на карту подступы к ближайшим базам англичан, а следовательно, и вопрос об общем стратегическом положении британской армии на материке. Со взятием немцами Дюнкерка, Кале и Булони, свобода действий английских войск являлась бы и в самом деле значительно стесненной и в их штабе уже обсуждался вопрос о перенесении запасов более к западу, а именно в Гавр. В очень трудном положении могла бы оказаться также отступавшая в то время из Антверпена бельгийская армия.

Телеграммами от 21 и 29 сентября наш посол в Париже сообщал, что германцы подвозят на свой правый фланг значительные подкрепления и что, в общем, они имеют перевес над своими противниками, по крайней мере в 250 тысяч человек; армия их к тому же являлась снабженной многочисленной тяжелой артиллерией. По сведениям А. П. Извольского, у немцев к 10–15 октября заканчивают свое формирование до 10-ти новых корпусов и тогда их превосходство в силах, говорил наш посол в Париже, может быть доведено до полумиллиона людей!

– Все эти силы, – заключал Извольский, – будут направлены против Франции, если к этому времени Россия со своей стороны не разовьет в достаточной мере свои операции против Германии. Лишь прямая угроза Берлину, говорилось далее в донесении, была бы способна оттянуть от Западного фронта названные неприятельские силы, «натиск коих Франция не в состоянии будет выдержать...»

⁶¹ **Извольский Александр Петрович** (1856–1919). Государственный деятель, дипломат. В 1894–1897 гг. – министр-президент в Ватикане, в 1897 г. – посланник в Белграде, в 1897–1899 гг. – в Мюнхене, в 1899–1903 гг. – в Токио и в 1903–1906 гг. – в Копенгагене. В 1906–1910 гг. – министр иностранных дел; во время его возглавления внешнеполитического ведомства заключены русско-английское (1907), русско-японское (1907), австро-русское (1908) и итало-русское (1909) соглашения. Член государственного совета (с 1909). В 1910–1917 гг. – посол в Париже. Сыграл большую роль в консолидации Антанты и подготовке к Первой мировой войне. С мая 1917 г. в отставке. Автор «Воспоминаний» (1924).

Сведения А. П. Извольского о количестве новых германских формирований и, главное, о сроках их готовности не вполне сходились с данными Ставки и считались нами явно преувеличенными. Все же приходилось учитывать настроения Парижа и тропиться оказанием новой помощи нашим западным союзникам.

Между тем, начиная с середины сентября, до нас стали доходить сведения – сначала неясные, потом все более и более подтверждавшиеся, о сосредоточении германо-австрийских войск в верхней Силезии и о предстоящем совместном наступлении их вдоль берегов верхней Вислы. Вскоре мы имели уже вполне определенные данные о том, что в составе германских войск, сосредоточивающихся в Силезии, находятся корпуса, перевезенные туда из Восточной Пруссии. В последней они были заменены немецкими вновь сформированными частями. Так, например, в Восточной Пруссии обнаружен был 25-й резервный корпус, предназначенный, по нашим сведениям, первоначально к отправлению на Западный фронт.

Очевидно, что германское командование Восточного фронта узнало о нашем плане перенесения военных действий на левый берег реки Вислы. В ответ на это решение, оно сосредоточивало германо-австрийские силы – или для обороны Силезии, игравшей весьма большую роль в деле германской военной промышленности, или еще вернее – для контрнаступления, в целях предотвращения опасности нашего вторичного вторжения в Германию. Это второе предположение вскоре подтвердилось в полной мере: мы были накануне широко задуманного наступления германо-австрийских войск к средней Висле.

Для такого наступления в Силезию было переброшено германцами из Восточной Пруссии четыре корпуса, к которым с различных участков фронта были притянуты еще две отдельные дивизии и несколько ландверных и ландштурменных⁶² бригад. Независимо [от] того, с правого берега реки Вислы был обратно возвращен германский ландверный корпус генерала Войрша и переброшена 1-я австрийская армия генерала Данкля. Таким образом, сверх австрийцев в организуемом наступлении должны были принять участие не менее шести германских корпусов!..

Положение русского Главнокомандования было такими действиями неприятеля весьма затруднено, тем более что начатое германцами наступление развивалось с необычайной быстротой и уже к последним числам сентября головы их наступавших корпусов успели значительно продвинуться вперед. В распоряжении русских на средней Висле находились лишь самые ограниченные силы в Варшаве и у Ивангорода. С другой стороны, при наличии столь быстро развивавшегося неприятельского наступления, стала совершенно невыполнимой переправа русских войск, находившихся в Галичине, на левый берег реки Вислы выше Сандомира. Русское Верховное командование, таким образом, должно было иметь в виду необходимость, для выхода к средней Висле, выполнения весьма кружного маневра по грунтовым дорогам через Люблин и далее по железной дороге на Варшаву и Ивангород.

Обстановка к означенному времени утяжелялась еще новым обстоятельством. Определенно стало выясняться, что и на правом берегу реки Вислы австрийцы, занимавшие фронт по реке Дунайцу от Вислы до Карпат, решили последовать примеру германцев и также перейти в общее наступление. Таким образом, нам угрожало соединенное германо-австрийское наступление вдоль обоих берегов реки Вислы силами, которые определялись нами в количестве до 20-ти корпусом, и на фронте до 400 километров. В таких условиях русскому Верховному главнокомандующему предстояло остановиться на определенном плане действий и затем настойчиво добиваться его выполнения.

⁶² Ландштурм (нем. *landsturm*) – резерв вооруженных сил, созывающийся только на время войны, составленный из солдат, отбывших срок службы или по каким-либо причинам освобожденных от службы в постоянных войсках (физически годных к военному делу).

Согласно представленному Великому князю Николаю Николаевичу оперативным органом Ставки плану, Русская армия должна была ответить на неприятельское наступление контрударом, совершив для сего первоначально соответствующую перегруппировку своих сил. Пунктом решительного удара предлагалось выбрать левый фланг противника, являвшийся наиболее уязвимым местом всей наступательной операции германо-австрийцев.

В самом деле. На этом фланге наступали корпуса германской армии, командование которыми, несомненно, являлось инициатором всей задуманной операции. Было почти несомненно, что, с поражением на этом фланге германцев, рухнет без особых усилий и весь остальной план их широкого наступления, развертывавшегося на фронте от Варшавы, на севере, до линии реки Днестра на юге.

В соответствии с этими соображениями, русская армия должна была быть частично переброшена из Галичины на среднюю Вислу, которую, вместе с занимаемой ею линией реки Сана, она и должна была прочно закрепить, оставив за собою достаточно широкие плацдармы на левом берегу Вислы у Ивангорода и Варшавы. Вместе с тем армия эта должна была сосредоточить у себя на правом фланге, в районе Варшавы, сильную ударную группу, которой и надлежало выполнить удар против левого фланга германских войск, при приближении их к реке Висле.

Конкретно, Юго-Западный фронт должен был в кратчайший срок перебросить из Галичины, по путям правого берега реки Вислы, на среднее ее течение (участок от устья реки Сана до Варшавы) три армии (5-ю, 4-ю и 9-ю), в составе 9–10 корпусов. В свою очередь, Северо-Западный фронт должен был сосредоточить в районе Варшавы 2-ю армию, в составе семи корпусов. В армию эту должны были войти также Сибирские корпуса, подвизвишиеся к району действий с Дальнего Востока.

В результате названных перегруппировок на участке реки Вислы от Варшавы до устья реки Пилицы (протяжением менее 100 километров), должны были собраться 10 корпусов (2-я и 5-я армии), для решительного удара по левому немецкому флангу. Остальные силы, долженствовавшие принять участие в маневре (4-я, 9-я 3-я, 11-я и 8-я армии), в составе 15 корпусов, должны были активно оборонять общий фронт от устья реки Пилицы по Висле и Сану до Карпат (свыше 300 километров), не стесняясь, если будет это вызываться обстановкой, – даже временным снятием блокады с австрийской крепости Перемышля. К ударному крылу должна была присоединиться, для более глубокого обхода левого германского фланга, и кавалерия генерала [А. В.] Новикова,⁶³ находившаяся на левом берегу реки Вислы и отходившая перед неприятелем в направлении на Ивангород.

Для сосредоточения руководства всей операцией в одних руках, ударная группа была присоединена к армиям Юго-Западного фронта и таким образом выполнение задуманной операции вверено было Великим князем генералу Иванову. Успех плана зависел от быстроты выполнения намечавшихся перегруппировок. Особо трудным являлось своевременное перемещение армий, перебрасывавшихся из Галичины на Вислу, так как эти армии принуждены были выполнять свое передвижение более кружными, чем неприятель, путями. Железную дорогу представлялось возможным использовать только от Люблина, до которого частям войск приходилось выполнять форсированное походное передвижение, на протяжении не менее 5–6 переходов.

⁶³ **Новиков Александр Васильевич** (1864 – после 1932). Генерал-лейтенант (1913). К началу Первой мировой войны – начальник 14-й кавалерийской дивизии (1913 – октябрь 1914). С октября 1914 г. – командир 1-го кавалерийского корпуса; с января 1915 г. – в распоряжении Верховного главнокомандующего; с июня 1915 по апрель 1917 г. – командир 43-го армейского корпуса. После февраля 1917 г. – уволен со службы. С 1918 г. добровольно в РККА; с июня – начальник штаба, затем помощник военного руководителя Совета Западного участка отрядов завесы; в ноябре 1918 – марте 1919; в июне 1919 г. – начальник штаба Западной армии; в июне – июле – командующий Западной (впоследствии 16-й) армией; с сентября 1919 г. – инспектор кавалерии Полевого штаба РВСР. С 1922 г. в отставке. В 1930 г. арестован по делу «Весна», в 1931 г. приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей; дальнейшая судьба неизвестна.

В коротких словах почти невозможно передать все те трудности, которые приходилось преодолевать нашим войскам. Наступила ужаснейшая осенняя слякоть. Зарядили непрерывные дожди. Дороги размокли. Некоторые мосты, перекинутые через ручьи и овраги, оказались поврежденными и снесенными водою. Люди вязли в грязи выше колен. Артиллерия и обоз требовали дополнительной припряжки и назначения особых команд для вытаскивания застрявших орудий и повозок. Трудности, словом, были невообразимые. Тем не менее, все препятствия были преодолены и русские войска, хотя и значительно утомленные, с честью выполнили свою задачу. Они успели своевременно занять среднее течение реки Вислы и положить предел развившемуся наступлению германо-австрийцев. Несмотря на настойчивые попытки, враг не был допущен на правый берег рек Сана и Вислы.

Однако, переоценив свое положение и не дождавшись полного сосредоточения 2-й армии к Варшаве, генерал Иванов, руководивший операцией, перешел со своими войсками сам в наступление, которое оказалось крайне неудачным. Мы потеряли, к югу от Ивангорода, несколько мостов, которые принуждены были сжечь, и вынуждены были выдержать весьма упорный бой в районе Ивангорода у Козениц. В весьма трудном положении оказались одно время войска под самой Варшавой, южные укрепления которой подверглись энергичным атакам германцев. Командовавший только еще собиравшейся в Варшаве 2-й армией генерал [С. М.] Ш[ейдеман]⁶⁴ не признал возможным удерживаться на избранном им ранее фронте и в ночь на 12 октября отвел свои войска на линию старых Варшавских фортов. Это решение поставило, в свою очередь, в очень трудное положение соседний корпус, переправлявшийся через Вислу по временному мосту южнее Варшавы, причем одно время о судьбе корпуса до Ставки доходили самые тревожные вести.

Отход войск, временно оборонявших Варшаву, без соображения с положением соседних частей, возбудил в Верховном Главнокомандующем сомнение в том, достаточно ли решительны и искусны те руки, которым вверено нанесение в будущем решающего удара по левому флангу германских войск. Вследствие этого Великий князь предложил генералу Иванову заменить командовавшего 2-й армией начальником штаба Юго-Западного фронта генералом Алексеевым, заслуженно пользовавшегося в Русской армии репутацией опытного стратега. В будущем этому генералу могло бы быть в этом случае вверено командование новым третьим фронтом на левом берегу реки Вислы, причем открывалась бы возможность вернуть генерала Иванова обратно на Юго-Западный фронт в Галичину, где его временно замещал генерал [А. А.] Брусилов.⁶⁵ Однако генерал Иванов соглашался на замещение гене-

⁶⁴ **Шейдеман Сергей Михайлович** (1857 – до 1922). Генерал от кавалерии (1913). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Первой мировой (1914–1918) войн. В августе 1914 г. после гибели генерала А. В. Самсонова в ходе сражения в Восточной Пруссии назначен командующим 2-й армией; во главе армии участвовал в Варшавско-Ивангородской (сентябрь – ноябрь 1914) и Лодзинской (октябрь – ноябрь 1914) операциях; в ноябре был отстранен от командования генералом Н. В. Рузским за «непонимание обстановки». С декабря 1914 г. – командир 1-го Туркестанского армейского корпуса; с июня 1917 г. – в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. После октября 1917 г. возглавлял 10-ю армию. В 1918 г. вступил в РККА; назначен руководителем Рязанского участка завесы. Был арестован; по некоторым данным умер в заключении.

⁶⁵ **Брусилов Алексей Алексеевич** (1853–1926). Русский полководец, военный педагог, генерал-адъютант (1915), генерал от кавалерии (1912). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Помощник начальника Офицерской кавалерийской школы (1898–1902); начальник Офицерской кавалерийской школы (1902–1906); начальник 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией (1906–1909); командир 14-го армейского корпуса (1909–1912); помощник командующего войсками Варшавского военного округа (1912–1913). С началом Первой мировой войны в июле 1914 г. при мобилизации назначен командующим Проскуровской группы, которая 28 июля была преобразована в 8-ю армию; командующий 8-й армией Юго-Западного фронта, отличившейся в Галицийской битве 1914 г.; главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (с марта 1916). Провел знаменитое наступление Юго-Западного фронта в июне – августе 1916 г., впоследствии названное его именем. В феврале 1917 г. вместе с другими главнокомандующими фронтов выступил за отречение Николая II от престола. В мае – июле 1917 г. Верховный главнокомандующий, после неудачного июньского наступления 19 июля сменен генералом Л. Г. Корниловым; военный советник Временного правительства. В 1918 г. арестовывался органами ВЧК. С 1920 г. в РККА; член Военно-исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (с апреля); член Особого совещания при Главкоме РККА (с мая); главный инспектор Центрального управления коннозаводства и животноводства

ралом Алексеевым командующего 2-й армией лишь в случае моего перемещения к нему, на должность начальника штаба Юго-Западного фронта. Так как Великий князь считал мое присутствие в Ставке необходимыми, то вся данная комбинация распалась.

Тем не менее, видя возможность крушения всей операции, обещавшей по своему замыслу значительный успех над германцами, Верховный главнокомандующий признал необходимым выйти из роли простого наблюдателя данной им директивы и возложить ближайшее руководство операций на себя. При существовавшей организации русской действующей армии, подразделявшейся на два фронта и при необходимости быстрых действий, другого средства для выполнения этого решения не было, как изъять 2-ю и соседнюю с ней 5-ю армии, составлявшие ударную группу, из рук генерала Иванова и передать их в состав армий Северо-Западного фронта. Этим распоряжением Верховный главнокомандующий отчасти развязывал себе руки, так как становился более полным хозяином положения, не вторгаясь в пределы исполнительной компетенции главнокомандующих фронтами, и в частности генерала Иванова, с решениями которого он в корне был не согласен.

В законе были, конечно, и другие более действительные методы устранения генералов, оказавшихся не на высоте положения, но уже рассказанный случай с предполагавшимся отчислением от должности командующего 1-й армией генерала Ренненкампа, после его неудачных действия в Восточной Пруссии, ясно может показать читателю, насколько воля Великого князя Николая Николаевича была связана в отношении лиц, пользовавшихся почему-либо особым расположением Императора Николая.

С 12 часов ночи на 14 октября 2-я и 5-я армия, а также конница генерала Новикова должны были перейти в подчинение главнокомандующему Северо-Западным фронтом. В ожидании окончательного сбора всех сил этих двух армий, главнокомандующему армиями этого фронта предписывалось частичными действиями расширить на левом берегу реки Вислы удержанный плацдарм, для более свободного дебуширования из него в будущем войск. Армиям же Юго-Западного фронта, находившимся на Висле и Сане, указывалось согласовать свои действия с армиями Северо-Западного фронта, занимавшими Варшавский район, причем цель их действий должна была заключаться в том, чтобы приковать к себе возможно большее количество неприятельских сил, для облегчения выполнения основной задачи операции войсками Северо-Западного фронта.

С 18 октября части войск 2-й армии, постепенно сосредоточивавшейся к Варшаве, стали переходить в частичное наступление, выполняя задачу расширения той части левобережного района, которая была удержана в наших руках. Шаг за шагом германцы отжимались с занятых ими позиций. Тем временем из-за правого фланга нашего нового расположения стала выходить конница, направлявшаяся в обход левого германского фланга. Наконец, 20 октября должно было произойти общее наступление 2-й и 5-й армий. Но уже в ночь на это число обнаружен был отход германцев.

«Обстановка под Варшавой, – пишет в своих воспоминаниях генерал Людендорф, в то время начальник штаба 8-й армии генерала [П. фон] Гинденбурга,⁶⁶ выполнявшей данное наступление, – настойчиво требовало принятия срочных мер. Неприятельское окружение надвигалось на нас все ближе и давление со стороны Новогеоргиевска и Варшавы станови-

при Наркомземе (с июня 1920); главный инспектор коннозаводства и коневодства (с 1922); инспектор кавалерии РККА (1923–1924). С марта 1924 г. – в отставке. Автор ряда научных работ и мемуаров.

⁶⁶ **Гинденбург Пауль фон** (1847–1934). Германский военный и политический деятель, генерал-фельдмаршал (1914). В 1911 г. впервые вышел в отставку. С началом Первой мировой войны был возвращен в армию главой германского Генерального штаба Хельмутом фон Мольтке; назначен командующим 8-й армией, которая вела бои с русскими армиями в Восточной Пруссии; сумел нанести поражение русским войскам в ходе Восточно-Прусской операции. В ноябре 1914 г. назначен главнокомандующим германскими войсками на Восточном фронте (1914–1916); начальник Генерального штаба (1916–1919). Рейхспрезидент Германии (1925–1934).

лось сильнее. Принять при таких условиях бой было слишком опасно. Ясно, что группу генерала [А. фон] Макензена,⁶⁷ наступавшую на Варшаву, необходимо было оттянуть назад...»

Как только получилось известие об отступлении германцев из-под Варшавы, Великий князь Николай Николаевич немедленно отдал распоряжение об энергичном движении вперед войск обоих фронтов в направлениях на Лодзь, Петроков, Опатов и Сандомир, продолжая развитие главного удара правым флангом. Попытка германцев остановиться на промежуточной позиции успеха не имела, и немцы принуждены были продолжать свое отступление. Вслед за германскими войсками, под напором русских армий, стала откатываться также австрийская армия. И не только на Висле, но и на Сане. Русское наступление развернулось постепенно на всем фронте от нижней Бзуры до Карпатских предгорий. Австрийская крепость Перемышль была вторично заблокирована нашей 11-й армией.

«Положение было критическое, – продолжает свой рассказ генерал Людендорф. – Наше октябрьское наступление дало нам возможность выиграть некоторое время, но оно закончилось неудачей. И теперь, по-видимому, должно было случиться вторжение в Познань, Силезию и Моравию русских войск, сильно превосходивших нас в числе...»

Так оценивал обстановку, сложившуюся на левом берегу реки Вислы к концу октября 1914 г., генерал Людендорф!.. И в его словах не заключалось никаких преувеличений. Опасность вторжения была налицо.

5. Ипр и Лодзь

Переходом с линии рек Вислы и Сана русских армий в наступление, для преследования отступавших германо-австрийцев, закончился, собственно, русский контрманевр на средней Висле. Описанные действия оценены по справедливости нашими союзниками и противниками, признавшими их лучшим образцом русского стратегического искусства, выполненным под руководством Великого князя Николая Николаевича в маневренный период минувшей войны. Стратегия сделала свое дело. Мы собрали к решительному пункту предстоявшего сражения численно превосходившие над неприятелем силы и нацелили их в чрезвычайно выгодном направлении. Противник не рискнул боем и отступил. Его отступлением открылись перед нами пути в глубь германской территории...

Для Германии приближалось тревожное время. Мы получили из Парижа сведение, что в Берлине очень обеспокоены судьбою силезских горнопромышленных предприятий, игравших, как известно, весьма важную роль в промышленной жизни Германии. Обстоятельства эти не могли не привлечь к себе самого серьезного внимания германского верховного главнокомандования, которое было занято в течение почти всего октября месяца стремлением на западе пробиться к Дюнкерку и Кале. Последним именем названа даже вся разыгравшаяся операция по овладению ближайшими британскими базами.

Целый месяц в этом районе льется кровь. На участке вдоль реки Изера защитников спасает лишь искусственное наводнение, неожиданно отделившее обе стороны друг от друга. Южнее у Ипра – между англичанами и немцами – разыгрываются бои, давшие впоследствии этому пункту право называться «фландрским Верденом»... Однако, в конце октября новый руководитель германскими операциями генерал [Э. фон] Фалькенхайн,⁶⁸ обеспокоенный

⁶⁷ **Макензен Август фон** (1849–1945). Германский генерал-фельдмаршал (1915). Участник Франко-прусской войны (1870–1871). В начале Первой мировой войны командовал 17-м корпусом в Восточной Пруссии и Польше; с ноября 1914 г. командовал 9-й армией, с апреля 1915 г. – 11-й армией, осуществившей Горлицкий прорыв (1915). С осени 1915 г. – командующий австро-германо-болгарской группой армий при разгроме Сербии; с июля 1916 г. командовал германо-болгарской группой армий в Добрудже; с января 1917 г. – во главе оккупационных войск в Румынии. С 1920 г. в отставке.

⁶⁸ **Фалькенхайн Эрих фон** (1861–1922). Германский военный деятель, генерал пехоты (1915). В 1896–1903 гг. служил в Китае; впоследствии занимал разные посты в Брауншвейге, Меце и Магдебурге на все более высших должностях. В 1913–1914 гг. – германский военный министр. В Первую мировую войну, после первых поражений немецких войск, назначен

известиями о положении на Восточном фронте, спешно выезжает в Берлин, куда вызывает на совещание генерала Людендорфа. Его атакуют с востока просьбами о подкреплениях. Особенно настаивают на переброске крупных немецких сил с запада на восток австрийцы, в лице генерала Конрада.

– Но я не могу отказаться от операций у Ипра. Дело там только началось... – отвечает генерал Фалькенхайн на все доводы в пользу усиления немецких войск на востоке. И, чтобы облегчить вопросы внутреннего управления, по его просьбе, император Вильгельм приказом 1 ноября, назначает генерала Гинденбурга командующим всеми немецкими вооруженными силами на востоке. Это облегчает ускоренное формирование на Восточном фронте ряда новых дивизий из местного ландвера и ландштурма и переформирование Бреславльского и Познанского крепостных гарнизонов в части, способные к выдвиганию поле.

Новые настояния германского и австрийского командования на Восточном фронте заставляют, наконец, генерала Фалькенхайна уступить и дать принципиальное согласие на усиление немецких войск Восточного фронта, в ущерб Западному. Обещанные подкрепления определены в четыре пехотных корпуса и пять кавалерийских дивизий.⁶⁹ По свидетельству генерала Людендорфа, большая часть этих войск не поспевает, однако, к началу тех действий, которые развернулись на этом фронте, и только постепенно вливаются в него, в зависимости от обстановки. Вполне очевидно, что столь значительное ослабление германских войск на западе не могло не сказаться на улучшении общего положения наших союзников. Как известно, Ипр остался окончательно в руках англичан и бои на этом участке фронта постепенно замерли, Западный фронт постепенно стабилизируется и приобретает характер сплошной стены укреплений, которые протягиваются от моря до швейцарской границы. Потребовалось четыре года нечеловеческих усилий, чтобы, по выражению французского историка Шерфиса, перешагнуть созданный барьер. Какой же характер приняли дальнейшие действия на левом берегу реки Вислы?

История минувшей войны дает не один пример того, как германцы выходили из боя, если стратегическая обстановка складывалась не в их пользу. Прием этот должно признать вполне целесообразным. Если стратегическое искусство не смогло или не сумело выполнить своей задачи по подготовке выгодных условий для боевого столкновения, то может оказаться нерасчетливым испытывать судьбу путем неравного боя. Так поступили немцы, натолкнувшись на значительные силы под Варшавой. Конечно, для такого приема необходимы выдержанные войска, привыкшие смотреть на отступление не как на следствие поражения, а как на, своего рода, маневр, применяемый соответственно обстановке. Необходимы также военачальники с тонким военным чутьем, дающим возможность верно оценивать обстановку.

Оставляя район левого берега реки Вислы, немцы проявили также в полной мере свое искусство в разрушении тех путей, по которым должно было развиваться русское дальнейшее наступление. Беспощадно уничтожались ими мосты, вырывались наиболее серьезные железнодорожные и шоссейные сооружения, уничтожались телеграфные сообщения. Военные представители союзных держав, состоявшие при Ставке и посетившие почти непосредственно за уходом немцев оставленный ими район, не могли скрыть своего удивления перед размерами произведенных разрушений. Необходимость восстановления дорог задержала,

начальником Полевого Генерального штаба (занимал должность с сентября 1914 по август 1916). В мае – сентябре 1915 г. провел успешное наступление на Восточном (русском) фронте; в октябре – декабре 1915 г. по выработанному им плану были заняты сначала Сербия, а затем Черногория. Инициатор наступления на Верден (февраль – декабрь 1916), успех которого должен был принудить Францию к заключению мира (снят с должности до завершения операции). В августе 1916 г. в связи с успехом русского Луцкого (Брусилковского) прорыва снят с поста начальника Генштаба. Назначен командующим 9-й армией, руководил походом на Румынию; в декабре 1916 г. взял Бухарест; с марта 1918 г. командовал 10-й армией. В 1919 г. вышел в отставку.

⁶⁹ Корпуса 2-й, 3-й, Резервный, 13-й и 24-й, резервные и кавалерийские дивизии: 2-я, 4-я, 5-я, 6-я, и 9-я. – *Прим. автора.*

разумеется, весьма надолго движение русских войск, вследствие чего немцы получили возможность безнаказанного отступления к своим границам.

Организация дальнейшего наступления русских армий на левом берегу реки Вислы оказалась вообще задачей чрезвычайно трудной. Сверх затруднений, причиненных капитальной порчей немцами путей сообщения, русским приходилось считаться с крайним утомлением их войск, вызванным форсированными переходами и неблагоприятной погодой. Дожди и слякоть сменились сильными морозами и резкими пронизывающими ветрами. Оказывалась также недостаточная готовность тылов. Железнодорожное сообщение было разрушено, конные же транспорты измучены отчаянными дорогами. Что касается автомобильного движения, то таковое было также затруднено состоянием дорог; к тому же оно было очень мало развито в Русской армии. Войска терпели недостаток в продовольствии, и даже снабжение хлебом было в некоторых армиях затруднено. Вследствие этого, движение Русской армии могло быть только медленным.

Наоборот, немцы, быстро отходя по неразрушенным путям, выигрывали тем самым пространство и вновь получали свободу маневренных действий. Стратегическое положение их, по мере сближения со своей железнодорожной сетью, значительно улучшалось и давало возможность надеяться на выполнение ими новой стратегической комбинации, которая имела бы целью задержать русское наступление до прибытия обещанных генералом Фалькенгеймом с Западного фронта подкреплений.

Пользуясь установленным единством командования на Восточном фронте и значительным преимуществом, имевшемся на стороне немцев, в виде прекрасно развитой сети железных дорог, генерал Гинденбург скрытно сосредоточил между Торном и Врешеном 5 1/2 пехотных корпусов и несколько кавалерийских дивизий, которые в виде 9-й армии генерала Макензена он бросил 11 ноября против правого фланга русских войск, между Вислой и Вартой. Это было наиболее уязвимое место русских армий, наступавших по левому берегу реки Вислы и дошедших к 10 ноября своим правым флангом до реки Варты. Фронт их в это время тянулся от Унсеиова (на реке Варте) до устья реки Ниды и далее на юг до Карпат.

Хотя, для обеспечения своего правого фланга, русским Верховным главнокомандованием и были приняты возможные меры, тем не менее, германский удар был столь силен и совершен с такою быстротою и внезапностью, что имел значительный успех. После ряда боев у Влоцлавска, Кутно и Ленчицы, корпуса русской правофланговой армии (2-й), оттесненные в район Лодзи, были там окружены неприятельским полукольцом – с севера, востока и юга. Оставались, таким образом, свободными пути сообщения этой армии только на юго-запад, т. е. в направлении соседней слева – 5-й армии.

«Где вы? Почему не наступаете? Мы рискуем потерей операции!» – тревожно спрашивал соседей командующий 2-й армией.

В Ставке, распоряжением Великого князя, однако, уже подготовлялся соответствующий контрманевр, который должен был поставить немецкие обходившие войска под удар новой русской группы, сосредоточивавшейся у Ловича. Нужно было только выиграть время и, значит, потребовать твердой стойкости от начальства 2-й русской армии. Поэтому командующему этой армией было послано от Великого князя Верховного главнокомандующего категорическое приказание: «Держаться в районе Лодзи во что бы то ни стало».

События между тем шли своим чередом. Германские войска, прорвавшиеся у Кутно, в своем обходном движении все теснее обволакивали Лодзь с востока и юга. Группа германского генерала фон [Р. фон] Шеффер-Бояделя⁷⁰ захлестывала расположение нашей 2-й армии

⁷⁰ **Шеффер-Боядель Рейнгольд фон** (1851–1925). Барон, германский генерал пехоты. В начале Первой мировой войны командовал 25-м резервным корпусом; в 1916–1917 гг. – командир 27-го резервного корпуса (в 1916 г. одновременно командовал армейской группой «Шеффер» на Восточном фронте); начальник 67-го генерального командования (1917). Вышел в отставку в декабре 1918 г.

настолько глубоко, что состоявшая при этой группе немецкая кавалерия одно время прервала даже железнодорожное сообщение между Варшавой, где находился в то время штаб Северо-Западного фронта, и Петроковым, служившим штаб-квартирой 5-й армии генерала [П. А.] Плева.⁷¹ В то же время войска этой последней армии, находившейся юго-западнее 2-й армии, подверглись атаке с запада, со стороны Бреславльского и Познанского германских корпусов. Таким образом, неприятельское кольцо стало захватывать в свои тиски не только 2-ю но и 5-ю армию – всего в общем до 7 1/2 корпусов.

При таких условиях генерал Плева, поддерживаемый своим доблестным начальником штаба генералом Миллером, принял единственно возможное для военачальника с верным военным пониманием и солдатским сердцем решение перевести свой штаб поближе к войскам, хотя бы с опасностью потерять связь со штабом армий фронта. Будучи старшим в чине, генерал Плева объединил в своих руках командование всей группой корпусов 2-й и 5-й армий, оторвавшихся от остальных.

Прибыв в Ласк – пункт, избранный для нового расположения штаба своей армии, генерал Плева на первую очередь выдвинет вопрос: «Чем можно помочь 2-й армии?» И, в соответствии с полученными ответами, отдал приказание, сводившееся к расширению к западу района, занятого войсками всей его группы. Это распоряжение привело к ряду серьезных боев, значительно улучшивших их положение охваченной неприятелем группы войск. В таких условиях войскам названной группы, в согласии с приказом Великого князя, приходилось держаться во чтобы то ни стало на месте, тем более, что малейший намек на отступление по единственно оставшемуся свободным шоссе Ласк – Петроков, несомненно, привело бы обе армии к катастрофе. Шоссе это отходило от крайнего левого фланга всей группы и было совершенно не обеспечено от неприятельских ударов с обеих сторон.

В такой обстановке, в девятом часу вечера 22 ноября, произошел курьезный случай, уже рассказанный мною в книге: «Россия в мировой войне». Кратко говоря, он состоял в прибытии в штаб генерала Плева германского офицера, назвавшегося парламентаром. Офицер этот, имевший на своей груди «железный крест», объяснил, что он послан с предложением «о сдаче» генералом Гинденбургом, с которым состоит в родстве. Так как при нем не имелось никаких письменных документов, оправдывавших его странную, чтобы не сказать более миссию, то офицер этот был просто на просто объявлен начальником штаба 5-й армии военнопленным и в качестве такового сдан коменданту штаб-квартиры, который озаботился его, полузамерзшего, согреть горячим чаем и накормить. Жалкое физическое состояние, в котором прибыл названный офицер, легко одетый, несмотря на леденящую зимнюю стужу, ярко свидетельствовало о том, что обходящие германские войска, к составу которых принадлежал офицер, находились на исходе своих физических сил.

В этот период времени, уже приводился в исполнение намеченный Верховным главнокомандующим контрманевр, имевший целью отрезание пути отступления на север тем германским войскам, которые обошли район Лодзи с востока и даже юга. Части войск русской 1-й армии, сосредоточенные на фронте Лович – Скерневицы, должны были быстрым движением вперед двинуться к Брезинам – важному узлу путей и тем, как сказано выше, закрыть пути отступления германской группе генерала Шеффер-Бояделя, состоявшей из 25-

⁷¹ Плева Павел Адамович (1850–1916). Военачальник, генерал от кавалерии (1907). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. Командир 16-го армейского корпуса (1905–1906); помощник командующего войсками Виленского военного округа (1906–1909); командующий войсками Московского военного округа (с 1909). С началом Первой мировой войны назначен командующим 5-й армией, вошедшей в состав Юго-Западного фронта и участвовавшей в Галицийской битве. В ноябре 1914 г. вступил в командование русской группировкой в районе Лодзи. В январе 1915 г. принял командование 12-й армией и успешно провел 2-ю Праснышскую операцию, а в мае того же года встал во главе 5-й армии и остановил германское наступление на Двинском направлении. В декабре 1915 г. был назначен на пост главнокомандующего армиями Северного фронта. В феврале 1916 г. по состоянию здоровья освобожден от должности, назначен членом Государственного совета. Умер в Москве.

го резервного корпуса, 3-й гвардейской дивизии генерала [К.] Лицмана⁷² и находившейся при них кавалерии. В этом окружении должны были принять участие также некоторые части 5-й армии.

К сожалению, Ставке снова пришлось столкнуться со стратегической бездеятельностью командующего войсками 1-й армии генерала Ренненкампа. По позднейшим донесениям и расчетам штаба Северо-Западного фронта, войска эти двигались разрозненно, без должной связи между колоннами и, не имея перед собою неприятеля, со скоростью всего лишь от 8 до 12 верст в сутки. При таких условиях выполнение задуманного контрманевра окончилось неудачей.

Ей содействовала еще неосторожность одной из русских дивизий, которая, заняв Брезину, расположилась в том пункте без достаточных мер охранения. Трех германским дивизиям, очутившимся в катастрофическом положении, путем невероятных усилий, удалось темной ночью, после кровавого ночного уличного боя, овладеть Брезинами и пробиться к северу на свободу.

Читателю, который желал бы ознакомиться с невероятными страданиями, выпавшими на долю тех немецких войск, которым пришлось пробиваться на север, я рекомендовал бы прочесть выдающееся и живое повествование одного из участников этих событий германского майора [К.] фон Вульфена.⁷³ Из этого описания он составит себе отчетливую картину тех боев, которые должны были вести немецкие войска в сильную стужу, перегруженные обозами и многочисленными ранеными, обстреливаемые со всех сторон русской артиллерией и пехотой, рискуя каждую минуту очутиться в таком положении, из которого два выхода: смерть или плен. На этот раз генерал Ренненкампа был отставлен от командования армией. Но русскому оружию в дорогую цену обошлось пристрастие к этому генералу Императорского двора.

Распоряжением тыловых органов в Варшаве уже готовились поезда, вместимостью в 20 тысяч человек, долженствовавшие вывезти взятых у Брезин германских пленных во внутрь России. Я был запрошен Петроградом, можно ли пропустить в печать сведение о брезинском пленении значительного германского отряда, в составе которого находилась прусская гвардия, а русские сердца напрасно бились в трепетном ожидании реванша за «самоновскую трагедию»!..

Немцы пробивались на север. Но одновременно им пришлось разогнуть то стальное полукольцо, которым они сдавили 2-ю армию. Отход отряда генерала Шеффер-Бояделя закончился общим отступлением всей 9-й армии генерала Макензена, несмотря на полученные ею с Западного фронта значительные подкрепления. Наступившая зима положила вообще предел широким маневренным действиям и, после ряда отраженных германских попыток прорвать русское расположение на левом берегу реки Вислы, там наступило на некоторое время относительное затишье.

⁷² **Лицман Карл** (1850–1936). Германский генерал пехоты. Участник Франко-прусской войны (1870–1871). В 1902–1905 гг. – директор Прусской военной академии. С 1905 г. в резерве. С началом Первой мировой войны подал прошение о переводе в действующую армию; с августа 1914 г. – инспектор этапов 3-й армии; с октября – начальник 3-й гвардейской дивизии; с декабря 1914 г. – командир одного из резервных корпусов; в январе 1915 г. одновременно возглавлял ударную группировку сил 8-й армии, руководил осадой русской крепости Ковно. С 1918 г. – на Западном фронте; с августа – в резерве, с декабря 1918 г. в отставке.

⁷³ Очевидно, Ю. Н. Данилов ссылается на работы германского майора К. фон Вульфена, посвященные боевым операциям под Лодзью, в 1920-е гг. изданные и в Советской России (*Вульфен К. фон. Лодзинское сражение (прорыв у Брезин)*. Пг., 1921. 108. с.; *Вульфен К. фон. Сражение под Лодзью*. М., 1921).

1915-й год на фронте

1. Положение русских армий на Западном фронте и выработка нового плана их действий

В течение первых четырех месяцев войны русские армии вели наступательную кампанию, имея целью приковать к себе возможно большие германские силы, дабы этим облегчить положение наших западных союзников и занять такое стратегическое положение, которое открывало бы им широкий простор для действий на левом берегу реки Вислы в направлении Германии. Первая часть этой задачи, по-видимому, была достигнута. К середине января 1915 г. мы имели на Западном фронте против себя 83 неприятельских пехотных дивизии, из которых 42 пехотных дивизии принадлежали к германской армии. Силы германцев против нас, таким образом, утроились, и если бы не наступательный порыв русской армии, то на французском фронте могло бы быть сосредоточено до 30 лишних немецких дивизий.

Что касается второй половины задачи, то ее нельзя было признать выполненной. Хотя наши армии и стояли на левом берегу Вислы, но положение их не было прочным. Над нашим правым флангом грозным призраком висела Восточная Пруссия. Пользуясь прекрасно развитой сетью железных дорог, Германия в любую минуту могла сосредоточить против него значительные силы, которыми и остановить всякое наше наступательное начинание на левом берегу реки Вислы. При этом значение Восточно-Прусского плацдарма возрастало бы по мере углубления русских войск в Познань и Силезию, и только решительное поражение германских войск на левом берегу реки Вислы могло бы изменить это положение. Но вся Лодзинская операция доказывала маловероятность достижения нами путем боя такого результата над немцами. Таким образом, русское Верховное главнокомандование должно было сказать себе, что к дальнейшему наступлению на левому берегу реки Вислы оно к началу 1915 г. не было готово.

Какие же ближайшие цели могли себе поставить русские в таких условиях, по крайней мере, в первые месяцы наступавшего года? Таковых задач могло быть только две. Или возвращение к попытке нового овладения Восточной Пруссией, то есть местные действия на правом берегу Вислы, в надежде на дальнейшее расширение этой задачи в случае успеха, или – развитие наших удачных действий на Австро-Венгерском театре военных действий, в целях довершения победы над войсками Империи Габсбургов.

Первая задача являлась, по своему характеру, менее обширной; она требовала меньшего расхода живых сил и боевого материала; вместе с тем она являлась и более обеспечивавшей задачу прикрытия собственных границ, и особенно путей к обеим столицам, пролежавшим к северу от Полесья. Правда, операция в Восточной Пруссии была связана с очень тяжелыми для России воспоминаниями и не обещала ни быстрых, ни блестящих результатов; при исполнении ее требовалась крайняя осторожность, а также соответственная подготовка общественного мнения, привыкшего к широким приемам русской стратегии. Но ознакомление русских общественных сил с действительным состоянием армии, о котором более подробные данные приводятся ниже, открыло бы глаза России лишь несколькими месяцами ранее, на грозную опасность «износа» ее армии, который еще можно было устранить соответствующими мерами при данном способе действий. К тому же наступившая зима значительно облегчала военные действия в Восточной Пруссии вследствие замерзания рек, озер и болот по Нареву и Бобру.

Напротив того, продолжение наступления против Австро-Венгрии требовало форсирования Карпатского хребта и перенесения военных действий в Венгерскую равнину. С этим

наступлением было связано удаление главной массы войск в сторону от собственных границ, почему операция эта мало отвечала условию безопасности. Не трудно также видеть, что она связана была с необходимостью больших жертв и требовала обильных снабжений, на которые мы не вправе были рассчитывать. Среди лиц, имевших в Ставке влияние на ход военных операций, были сторонники и одного, и другого решения. В условиях того времени я, но причинам морального порядка, являлся всегда горячим защитником необходимости внимательного отношения к вопросу о прикрытии собственных сообщений и потому упорно стоял за необходимость сосредоточения усилий на первоначальном овладении Восточно-Прусским районом. К сожалению, ход дальнейших событий лишь подчеркнул правильность проводившейся мною точки зрения. Но в руках моих были еще доводы иного порядка, предупреждавшие от опасных, хотя и более красочных стратегических планов.

Эти доводы были изложены мною в особой записке, рассматривавшейся в особом совещании главнокомандующими армиями фронтов. Дело в том, что к концу 1914 г. были уже налицо признаки, указывавшие на необходимость полного обновления Русской армии. Угрожающих размеров достиг некомплект в армии офицеров, унтер-офицеров и людей вообще. Запасные батальоны не успевали вырабатывать необходимые числа пополнений, вследствие чего в полки присылались люди в недостаточном количестве и совсем мало обученные. Великий князь называл прибывавшие укомплектования «недоучками», которые едва умели держать в руках винтовку.

Весьма скоро обнаружился столь сильный недостаток в винтовках, что даже присылаемых в полки людей нечем было вооружать, и таким образом они, оставаясь при обозах, лишь загромаждая последние. В общем, некомплект к началу 1915 г. определялся до полумиллиона людей, т. е. на круг свыше, чем по 5000 человек на дивизию. Но были полки, свернутые даже в отдельные батальоны и состоявшие всего из 400 штыков! Чтобы сколько-нибудь подержать штатный состав полков от постепенного таяния, весьма скоро пришлось отбирать для прибывавших пополнений трехлинейные винтовки, заменяя их старыми берданками, у всех нестроевых, а также у войск специального и вспомогательного назначений (крепостная артиллерия, инженерные и железнодорожные части и т. п.). Но и эта мера могла оказать, очевидно, лишь единовременную помощь. Необходим же был постоянный приток винтовок.

В конце января 1915 г. недостаток ружей в русской армии обострился настолько, что пришлось от имени Великого князя обратиться за помощью к Франции. Соответственная телеграмма вызвала там целый переполох, но не привела к практическим результатам. Франция оказалась бессильной прийти нам на помощь. Поэтому в дальнейшем пришлось рассчитывать только на увеличение производительности собственных оружейных заводов или покупку и заказы оружия за границей. Что касается расчетов на заграничные рынки, то они оказались в общем эфемерными. Производительность же отечественных заводов лишь к концу первой четверти 1915 г. была доведена до размера 60 тысяч винтовок в месяц. Но что значила эта цифра при месячной потребности в винтовках, определявшейся цифрой около 300–350 тысяч! Было очевидно, что некомплект вооруженных людей в армии с течением времени может только возрастать.

Независимо от недостатка в винтовках, на Русскую армию надвигалось едва ли еще не большее испытание, в виде недостатка огнестрельных припасов, ружейных и особенно артиллерийских. Этот последний недостаток стал выявляться уже в первые месяцы войны и о нем было сообщено Ставкой военному министру уже в октябре 1914 г. Но Военное министерство, базируясь на опыте Русско-японской войны, вначале недоверчиво отнеслось к сообщениям Ставки, заподозрив ее даже в сокрытии истины. Генерал Сухомлинов обращался, помимо Ставки, к различным лицам в армии с просьбой присылки точных данных о боевых припасах. Сомнений, однако, не было. Наступал голод в огнестрельных припасах в самом настоящем смысле этого слова. По самому скромному подсчету, требовалось на

армию наличного состава ежемесячно не менее 1 1/2 миллионов патронов для одной только легкой артиллерии; поступало же в течение зимних месяцев 1914–1915 гг. едва около 1/4 части потребного числа. В весьма печальном положении находились также вопросы снабжения армии пулеметами и прочими предметами технического снабжения. Материальная часть армии в период маневренной войны весьма быстро и неожиданно изнашивалась. К сожалению, как я уже сказал, мы не могли рассчитывать в вопросах снабжения на получение помощи от наших союзников: последние сами выбивались из сил, чтобы преодолеть собственные в этом отношении затруднения.

Все вытекавшие выводы о невозможности задаваться при существовавших условиях какими-либо широкими предположениями на ближайшие месяцы, вынуждали Великого князя вначале присоединиться к моей точке зрения о необходимости временно ограничиться действиями в направлении Восточной Пруссии как более безопасными и лучше соображенными с наличным состоянием армии и ее возможностями. Однако, сторонники другого мнения указывали на подготовку австро-венгерских войск к новому наступлению и на необходимость ответить на этот способ действий не обороной, а только активными действиями, чтобы не дать возродиться австро-венгерской армии от перенесенных ею поражений. Генерал Иванов настойчиво указывал, что успех против австрийцев «отзовется благоприятно в Венгрии, которая готова идти на сепаратный мир, а также и в Румынии»...

Около того же времени и граф [А. А.] Игнатъев,⁷⁴ русский военный агент в Париже, сообщал в Ставку, что генерал Жоффр, осведомленный о трагическом положении вопроса об огнестрельных припасах в Русской армии, высказался, что «если мы лишены возможности возобновить наступление в Польше, то все же, быть может, сможем продолжить действия в Галичине, где характер местности требует минимального содействия артиллерии».

Наконец, на решение Верховного главнокомандующего, в смысле перенесения наших наступательных действий в Галичину, стали давить и политические факторы. В феврале 1915 г. открылись военные действия союзников против Дарданелл, а дипломатия Держав согласия в наступающем году сосредоточила все свое искусство на том, чтобы привлечь на свою сторону Румынию и Италию. Очевидно, что при таких условиях достижение Россией крупного успеха на австро-венгерском театре могло казаться крайне заманчивым, если бы не реальные факты, говорившие против возможности счастливого выполнения задуманной операции.

Оценка условий обстановки всегда, однако, является делом субъективным; поэтому принятие того или иного решения Главным командующим вооруженными силами, говоря теоретически, должно бы всегда быть актом только его свободной воли. Дело ближайших сотрудников Верховного лишь выяснить реальные плюсы и минусы всякого данного решения, что и было выполнено с величайшим вниманием. Мои предположения о более осторожном способе действий менее подходили к порывистому и стремительному характеру Великого князя и поэтому, в конечном результате, не были приняты. Великий князь, под влиянием сторонников другого способа действий, изменил свое первоначальное мнение и,

⁷⁴ **Игнатъев Алексей Алексеевич** (1877–1954). Русский и советский дипломат, генерал-лейтенант (1943), писатель. По окончании Пажеского корпуса выпущен в Кавалергардский полк. Участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1908–1912 гг. русский военный агент в Дании, Швеции и Норвегии; в 1912–1917 – военный агент во Франции; одновременно представитель Русской армии при французской Ставке. В годы Первой мировой войны руководил размещением военных заказов во Франции и поставкой снаряжения и вооружения в Россию; генерал-майор (1917). После Октябрьского переворота перешел на сторону советской власти. В 1925 г. передал правительству СССР денежные средства, принадлежавшие России (всего – 225 млн франков золотом, вложенные на его имя во французские банки). Подвергся бойкоту со стороны эмигрантских организаций, исключен из товарищества выпускников Пажеского корпуса и офицеров Кавалергардского полка. С 1927 г. работал в советском торговом представительстве в Париже; в 1937 г. приехал в СССР, служил в Красной армии. Автор воспоминаний «Пятьдесят лет в строю» (1959).

в конце концов, все более и более стал склоняться к тому образу действий, который казался ему более отвечающим масштабу России и ее конечным стремлениям.

19 марта начальник штаба Верховного главнокомандующего «собственноручным» письмом, на имя главнокомандующих фронтами сообщал, что «отныне Верховный главнокомандующий имеет своей основной задачей перейти всем Северо-Западным фронтом к чисто оборонительного характера действиям, а Юго-Западному фронту предназначает главнейшую задачу будущей части кампании...» Это единственная директива за всю войну, вышедшая из-под пера генерала Янушкевича. Так как всякий оперативный план должен соответствовать настроению и характеру их ответственного исполнителя и так как таковым по закону являлся не кто другой как Главнокомандующий, то, в сущности, против данного решения спорить более не приходилось. Но, в виду необычного порядка отдачи директивы, минуя меня, я все же немедленно возбудил ходатайство о моем увольнении от должности. Просьба моя была категорически отвергнута, и я продолжал занимать прежний пост генерал-квартирмейстера, причем, конечно, с прежним рвением стремился обеспечить успех нового плана, принятого Великим князем, стремясь лишь по возможности смягчить те опасности, которые, по моему мнению, могли угрожать и стали позднее действительностью в отношении нашего стратегического положения вообще, и на севере в частности. Тем не менее, в довольно длительный период колебаний, стали уже постепенно осуществляться меры, намечавшиеся к исполнению, согласно первоначального решения Великого князя.

Против 83 неприятельских дивизий, каковую цифру в середине января 1915 г. русская Ставка принимала в основание расчетов того времени, мы имели на фронте 99 пехотных дивизий и, кроме того, в непосредственном распоряжении Верховного главнокомандующего находились 4 отборных пехотных дивизии. Соответственным распределением этих дивизий и укреплением занимавшихся позиций мы достигли, прежде всего, того, что положение нашего фронта должно было считаться достаточно прочным и никакая неожиданность не могла нам угрожать своими последствиями. К февралю месяцу мы имели основание рассчитывать влить в войска новобранцев 1914 г. и несколько улучшить положение подвижных артиллерийских запасов.

В Восточной Пруссии к этому времени находилась наша 10-я армия, имевшая 15 численно довольно слабых дивизий, против 8 германских. Армия эта остановилась в своем наступлении перед укрепленной позицией германцев на фронте Мазурских озер. Командующий этой армией генерал [Ф. В.] Сиверс⁷⁵ полагал возможным лишь медленное продвижение ее вперед, при помощи саперных и минных работ. Наиболее притягивавшим к себе внимание, в смысле возможности наступления, было Млавское направление, на котором войска Новогеоргиевской крепости (4 пехотных дивизии) вели довольно успешную борьбу против относительно слабых сил немцев (вероятно 2 дивизии). Чувствовалось, что, при энергичном нажиме, противник может быть здесь отброшен на свою территорию.

Для наступления предполагалось образовать ударную группу из трех отборнейших корпусов (Гвардейского, 4-го Сибирского, только что прибывшего с Дальнего Востока, и 15-го корпуса, заново сформированного). Вместе с некоторыми дополнительными частями сила ударной группы могла быть доведена до 8–9 пехотных дивизий. Для главного удара было избрано направление с фронта Пултуск – Остроленка на фронт Сольдау – Ортельсбург, причем обеспечение флангов ударных групп должно было лежать: левого на войсках, уже находившихся на Млавском направлении, и правого на частях 10-й армии.

⁷⁵ **Сиверс Фаддей Васильевич** (1853 —?). Генерал от инфантерии (1912). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. В Первую мировую войну вступил командиром 10-го армейского корпуса (с 1911); с сентября 1914 г. – командующий 10-й армией Северо-Западного фронта. После ряда поражений весной 1915 г. был отстранен от командования армией; в апреле 1915 г. уволен в отставку.

На переброску немецких войск с левого берега реки Вислы, мы, очевидно, должны были ответить переброской с того же фронта наших войск, причем выгода более коротких расстояний была бы на нашей стороне. Само собой разумеется, что атака ударной группы должна была поддерживаться демонстративными действиями остальных армий Северо-Западного фронта; 10-я же армия должна была совершить энергичный натиск на противника со стороны одного из ее флангов. С предположениями этими был своевременно ознакомлен лично мною генерал Рузский, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, а 18 января он был официально уведомлен, что Верховный главнокомандующий вполне одобрил формирование новой 12-й армии для Млавского направления и утвердил назначение командующим этой армией генерала Плеве, которого вместе с его начальником штаба генералом Миллером считал наиболее подготовленным для выполнения задуманной операции. Однако уже в это время Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов, отчасти поддерживаемый начальником штаба этого фронта генералом Алексеевым, выражал явное тяготение к мысли о необходимости форсирования Карпат и вторжения в Венгерскую равнину, в результате чего генералу Иванову заманчиво рисовалась картина распада австро-венгерской монархии и заключение сепаратного от Германии мира.

Вначале идея зимнего форсирования Карпат стала проводиться главнокомандованием Юго-Западного фронта только под видом частной задачи фронта, преследующей исключительно местную цель исправления невыгодного положения, занятого войсками этого фронта. Но затем, по мере привлечения к ней интереса со стороны Верховного главнокомандующего, задачи наступления армий Юго-Западного фронта стали постепенно расширяться и к зоне наступления стали притягиваться войска хотя и того же фронта, но других районов. При этом войска в этих последних районах стали ослабляться в такой мере, что уже 26 января общее положение на Юго-Западном фронте заставило Верховное главнокомандование согласиться на переброску с Северо-Западного фронта на Юго-Западный 22-го корпуса, для закрытия им важного Мункачского направления, оказавшегося, вследствие ослабления на нем войск, в явно угрожаемом положении.

В то же время выполнение задуманного на Млавском направлении наступления все откладывалось, пока неожиданное наступление германцев в Восточной Пруссии, исполненное со свежими силами в начале февраля, не заставило от него отказаться вовсе, а последовавшая затем перемена в планах Верховного главнокомандующего не изменила коренным образом всей обстановки войны.

2. Миражи генерала Людендорфа

Наши противники, в течение минувшей войны, были всегда достаточно хорошо осведомлены о передвижениях русских войск и по ним составляли себе представление о планах русского командования. Начавшееся сосредоточение наших войск в направлении Восточной Пруссии и перегруппировки, выполнявшаяся ими в Карпатах, конечно, не ускользнула от неприятельского внимания, но они создали совершенно ложное, как мы видели, представление о наличии у русского Верховного главнокомандующего в начале 1915 г. особого «гигантского», как его назвал генерал Людендорф в своих воспоминаниях, наступательного плана.

План этот рисовался автору упомянутых воспоминаний в виде одновременного наступления наших войск на обоих флангах их обширного стратегического фронта в двух направлениях: в сторону Восточной Пруссии и в направлении Венгерской равнины. Целью же его, по-видимому, должно было служить стремление к выпрямлению той огромной дуги, которую в действительности представляла линия нашего фронта, имевшего вершину на левом берегу реки Вислы, а основание в районах к западу от среднего Немана и в Буковине.

Если бы основная мысль плана, который генерал Людендорф приписывает русскому Главнокомандующему, была действительно такова, то едва ли ее можно было бы назвать целесообразной, ибо она предусматривала бы одновременное наступление в двух расходящихся направлениях, значительно удаленных друг от друга и ничем идейно не связанных. Но, во всяком случае, предположение бывшего начальника штаба Восточного германского фронта о наличии у нас какого-то, «гигантского», плана наступательного характера, любопытно в том отношении, что оно свидетельствует о степени той мощи и энергии, которые приписывались русским армиям и их Главнокомандующему противниками еще в начале 1915 г.

На самом деле читатель уже знает, что действительное состояние русских армий не позволяло им задаваться какими-либо широкими стратегическими операциями. Иллюзия существования наступательного плана, приписываемая нам генералом Людендорфом, могла, таким образом, создаться лишь в результате тех колебаний, которые существовали в русской Ставке и которые выразились в принятии сначала плана наступления в Восточную Пруссию, а затем в изменении его на противоположный, имевший задачей форсирование Карпатского хребта.

Тем не менее, как бы в противовес русскому «гигантскому» плану, со стороны наших противников наметились совершенно определенно два контрудара: один со стороны Карпат соединенными силами австро-германцев, и другой – из Восточной Пруссии силами одних германцев. Я не берусь утверждать, составляли ли эти отдаленные друг от друга удары части одного и того же плана, но полагаю, что для достижения ими таких результатов, которые могли бы их идейно связать в одну общую стратегическую комбинацию, свободные силы и средства наших противников были совершенно недостаточны, почему эти удары и были заранее обречены на стратегический неуспех. Вот как рисуется, с точки зрения русского исследователя, зарождение обоих ударов.

Как известно, всю зиму 1914 г. германское военное министерство тщательно готовило внутри страны четыре новых корпуса (38–41). Они предназначались для нового очередного удара ранней весной. С особым вниманием были подобраны для этих ударных корпусов начальствующие лица, а также кадры офицеров, унтер-офицеров и солдат. В сущности, генералом Фалькенхайном, заместившим в Германии после неудачного похода немцев на Париж генерала Мольтке [Младшего] на посту начальника полевого штаба, вопрос об использовании названных корпусов был твердо предreshен в смысле направления их на Западный фронт. Ранним переходом к активным действиям на этом фронте можно было вновь попытаться захватить ускользавшую из рук немцев инициативу действий. Поэтому требовались особо серьезные доводы, в пользу изменения боевого предназначения названных корпусов.

Первое покушение на вновь формирувавшиеся корпуса было сделано еще в конце декабря со стороны австрийского командования. Начальник австро-венгерского штаба, генерал Конрад, отмечая, что наступательные действия русских войск в Галичине серьезно расшатали австрийский фронт, просил генерала Фалькенхайна об оказании австро-венгерским войскам серьезной помощи со стороны германцев. Свою просьбу он настойчиво повторил в январе 1915 г. в Берлине, на совещании, но ни в первый, ни во второй раз ему не удалось заручиться согласием генерала Фалькенхайна на направление новых германских корпусов на Восточный фронт, в помощь австрийцам.

Начальник германского полевого штаба генерал Фалькенхайн выразил лишь согласие на перевозку в Венгрию части германских войск из состава находившихся в распоряжении фельдмаршала Гинденбурга. Вследствие этого, для отправки в Венгрию были выделены из различных участков Восточного фронта несколько пехотных и одна кавалерийская дивизии,

которые и составили ядро новой «южной», германской армии, поступившей под начальство генерала Линзингена.⁷⁶

Армия эта, по сосредоточении на Карпатах, должна была начать наступление на направлении Мункач – Стрый. Это то самое наступление, которое заставило русскую Ставку согласиться на переброску 22-го русского корпуса, взятого с Северо-Западного фронта на Стрыйское направление.

В немецких источниках можно найти указания, что генерал Фалькенхайн согласился на формирование Южной армии без особого энтузиазма, считая германские войска мало подготовленными для горной войны, да еще зимой. И действительно, наши части 22-го корпуса, в мирное время стоявшие в Финляндии и потому особо подготовленные для действий в снегах и горах, сумели весьма скоро остановить начавшееся наступление. Одновременно с «Южной» армией, но несколько западнее ее, на фронте между Ужокским и Дукленским перевалами, распоряжениями австро-венгерской главной квартиры, должны были быть собраны наиболее сохранившиеся части Двуетной Монархии. Эти войска, составившие 3-ю австрийскую армию генерала [С.] Бороевича,⁷⁷ предназначены были для наступления на Перемышль и Самбор, одновременно с «Южной» армией генерала Линзингена.

Целью такого совместного наступления должно было быть – поднятие падавшего настроения австрийцев, деблокада Перемышля, в котором нашими войсками был заперт более чем сотысячный гарнизон, и угроза Львову – важному политическому, историческому и административному центру всей Галичины. Кроме того, успехом этого наступления наши противники могли иметь в виду достижение также политического воздействия на Италию и Румынию, где в это время складывались настроения не в пользу империи Габсбургов.

Но еще более настойчивый нажим на немецкую главную квартиру, в отношении использования новых корпусов, был сделан немецким командованием Восточного фронта. Генерал Людендорф не без оснований доказывал начальнику германского полевого штаба, что пока не будет подавлен наступательный порыв русских войск, до тех пор невозможны никакие решительные результаты на западе. Хотя число германских дивизий против России достигало уже весьма почтенной цифры (по русским данным того времени – 42), тем не менее силы эти все же считались недостаточными для успешного противодействия русским наступательным планам, которые надлежало во что бы то ни стало предупредить собственным контр наступлением.

– Если бы нам удалось уничтожить в Восточной Пруссии неприятеля, то мы могли бы, прикрываясь к стороне Ковны и Гродны, начать наступление на линию Осовец – Гродна и захватить переправы через реку Бобр. – В таком заманчивом виде генерал Людендорф рисовал будущие перспективы активных действий немцев из Восточной Пруссии. Не договаривалось только, что с линии Бобра шли прямые пути к Белостоку.

Итак, Белосток – с севера, Львов – с юга, иначе говоря – охват обоих флангов русских армий, находившихся вытянутыми в линию по Нареву, левому берегу реки Вислы, а также вдоль Карпатского хребта!.. Это ли не «гигантский» план «контр наступления», кото-

⁷⁶ **Линзинген Александр фон** (1850–1935). Германский генерал-полковник. Участник Франко-прусской войны (1870–1871). Командир 2-го армейского корпуса, во главе которого вступил в Первую мировую войну; с января 1915 г. – командующий Южной армией, отправленную на помощь австрийцам; с июля – командующий Бугской армией; одновременно (с сентября) главком группы армий «Линзинген» в Южной Польше; в конце мая 1916 г. в районе Ковеля возглавил ударную группировку, которая остановила наступление русского Юго-Западного фронта. В феврале 1918 г. развивал наступление в направлении линии Киев – Полтава – Одесса. С марта 1918 г. главнокомандующий в Бранденбурге, губернатор Берлина.

⁷⁷ **Бороевич Светозар фон Бойна** (1856–1920). Австро-венгерский военачальник, генерал-фельдмаршал (1918). В Первую мировую войну вступил командиром 6-го армейского корпуса, командовал корпусом в Галицийской битве; в июне 1915 г., после вступления Италии в войну переведен на Итальянский фронт, назначен командующим 5-й армии; с 1917 г. – командующий группой армий «Бороевич»; в 1918 г. сменил эрцгерцога Евгения на посту главнокомандующего войсками на Итальянском фронте.

рым намечали ответить наши противники на «воображаемые» замыслы русской армии!.. На приписывавшееся нам стремление к разжатию дуги противники имели в виду ответить еще более тесным ее сжатием. Генерал Фалькенхайн, по-видимому убежденный, в конце концов, доводами германского командования Восточным фронтом, отказался от организации весеннего наступления на западе и выразил свое согласие на направление новых корпусов в распоряжение фельдмаршала Гинденбурга. Уже в третий раз Россия таким образом привлекала к себе в значительном числе германские корпуса, первоначально предназначавшиеся Германией для Запада или уже действовавшие на нем.

Четыре корпуса⁷⁸ должны были прибыть на восток в самом начале февраля и быть использованными для нанесения решительного удара против флангов нашей 10-й армии, находившейся, как мною уже было отмечено, в Восточной Пруссии. Там она занимала укрепленную позицию вдоль восточных берегов реки Ангерапп и Мазурских озер.

Наступление германских войск было обнаружено войсками этой армии 7 февраля. Неожиданный бросок среди лютой зимы неприятельских войск в обход обоих флангов, произведенный с выдающейся даже для немцев силой и энергией, произвел ошеломляющее впечатление. Вся операция велась при частых снежных буранах, которые засыпали дороги и наметали огромные сугробы снега, вышиною до одного метра и более. Неожиданно мороз сменялся оттепелью и тогда дороги превращались в озеро талого снега. Затем – снова мороз; вода замерзала, ветер сдувал на открытых пространствах снег, и войскам приходилось иметь дело с еще более трудной гололедкой. Тем не менее, преодолевая все трудности, свежие германские корпуса быстрым и неожиданным ударом смяли правофланговый корпус нашей 10-й армии. Затем они отбросили остальные корпуса в Августовские леса и притиснули их к болотистым верховьям реки Бобра.

Находившийся в арьергарде 20-й русский корпус самоотверженно прикрывал отход остальных корпусов армии за названную реку, но в результате своих действий был окружен неприятелем в Августовских лесах. Попытка его пробиться к Гродне окончилась неудачей и 22 февраля остатки корпуса принуждены были положить оружие у мельницы на реке Волькушек. Только этим тактическим успехом немцы успели прикрыть общее крушение их несообразного со средствами плана, предвидевшего, как мы видели, по меньшей мере закрепление на переправах через реку Бобр. Наступательный порыв их свежих корпусов был поглощен не доходя линии названной реки, а на среднем Немане, в районе Друскеник, их поджидала уже прямая и очень серьезная кровавая неудача...

Главным образом и попытка наступления австро-германцев в Карпатах была остановлена весьма быстро. Хотя бои в горах продолжались еще весь март месяц, но уже к середине февраля был ясен полный неуспех предпринятой операции. Наши противники встретились здесь с контрнаступлением русских войск, и движение их вперед разбилось не только о необычайную трудность местности, усугубленную снежной и морозной зимой, но и стойкость встреченного сопротивления. Несмотря на весьма крупные потери и крайнюю скудость артиллерийского снабжения, русским войскам удалось постепенно одержать верх, и теперь уже неприятелю пришлось заботиться об упрочении своего положения введением в линию фронта новых германских и австрийских дивизий.

Наконец, 22 марта пал Перемышль и у генерала Иванова оказались в распоряжении новые корпуса для выполнения взятой им на себя задачи – по прорыву в Венгерскую равнину. К этому времени, как мы уже узнаем, и Верховный главнокомандующий решительно склонился на сторону этого плана. На Юго-Западный фронт полились новые подкрепления, в лице 3-го кавалерийского корпуса и замурцев.

⁷⁸ 31-й корпус был заменен 21-м полевым корпусом, комплектовавшимся эльзасцами и боевое использование которых на западе оказалось нецелесообразным. – *Прим. автора.*

Таким образом, день за днем борьба на Карпатах ширилась и судьба Австро-Венгерской монархии казалась действительно висевшей на волоске. Напрасно генерал Алексеев, получивший к тому времени ответственный пост главнокомандующего Северо-Западным фронтом и потому поставленный в необходимость прикрывать главную операцию, которая велась в сторону Австрии, писал теперь (6 апреля) генералу Янушкевичу, что, по его глубокому убеждению, основной нашей операционной линией следует считать путь «на Берлин» и что «пути через Австрию, по своей длине, сложности и необеспеченности не могут почитаться желательными». Стремясь, по-видимому, оправдать свое прежнее сочувствие наступательной операции против Австрии, генерал Алексеев в том же письме высказывал, что для него это наступление «являлось задачей промежуточной» и что это наступление на Юго-Западном фронте было предпринято, как следствие заминки на Северо-Западном фронте, как контрманевр против сбора значительных сил противника на путях к Перемышлю, с попутным нанесением австрийцам поражения...»

Намечавшаяся высадка на Галлиполийском полуострове сухопутного англо-французского десанта и налаживавшиеся переговоры о присоединении к Державам согласия Италии приковывали всецело внимание Держав согласия к Придунайскому театру. Восточно-Прусский район остался в руках немцев и временно он не давал о себе знать.

3. Посещение Государем Императором Николаем II Галичины

Под таким радужным настроением близкого и решительного успеха над австрийцами состоялось посещение Императором Николаем II Галичины. В придворных кругах это путешествие намечалось уже давно, при первых же успехах наших войск, но Великий князь Верховный главнокомандующий всячески стремился отдалить время Высочайшей поездки, предвидя те политические затруднения, которые при организации ее могут возникнуть.

Очевидно, что в простом посещении русских войск, находящихся на боевом фронте, их Верховным Главой – Императором Всероссийским не могло встретиться никаких особых препятствий, кроме заботы о личной безопасности Монарха. Но некоторыми кругами посещению Императором Николаем завоеванного края имелось в виду придать характер более внушительного акта, которым как бы закреплялось стремление России к будущему присоединению к ней Галичины. Поездка такого рода могла вызывать уже сомнения политического свойства.

Не входя в подробный их разбор, укажу лишь на переменчивость военного счастья, которое могло эти стремления, как это и случилось впоследствии, дискредитировать неожиданным образом. В подобном случае авторитет Русского Монарха мог подвергнуться нежелательному умалению, если бы при посещении Государем Галичины не было проявлено должной сдержанности и такта. К сожалению, на это не приходилось рассчитывать ни со стороны администрации, ни со стороны придворных чинов. К тому же Великому князю было совершенно ясно, что опрометчивая политика русского правительства в Галичине не подготовила благоприятной почвы для возбуждения в населении симпатии к русским приемам управления.

Недостаточно отзывчивое отношение Верховного главнокомандующего к вопросу о посещении Государем Императором Галичины было, в свою очередь, истолковано при дворе, как доказательство чрезмерно развившегося у Великого князя честолюбия. Его объявили в простом нежелании допустить в завоеванный край Государя, имевшего законное право на доминирующий почет и уважение. Уже давно за спиной Великого князя Николая Николаевича ходила злая клевета о тайном его намерении занять Российский Престол, пользуясь приобретенной им во время войны популярностью. Эта клевета вызывала к Великому

князю недружелюбные чувства не только в ближайших ко двору сферах, но вполне вероятно, она доходила и до самого Императора.

Придворные круги ответили на сдержанность Ставки к задуманному путешествию Государя стремлением не допустить к участию в нем ни Великого князя, ни чинов Славки. Официальным мотивом такого намерения было соображение о невозможности для Верховного главнокомандующего и его ближайших сотрудников покинуть Ставку на несколько дней, что якобы могло нарушить руководство боевыми действиями. При нынешних средствах связи и том обстоятельстве, что поездка в Галичину совпала с пребыванием Верховного как раз в районе главнейших действий, очевидна вся нелепость подобного соображения. Но отсутствие Великого князя, как Верховного русского главнокомандующего, представляло еще особые опасности: поездке Императора Николая II мог быть в этом случае придан особенно ярко именно тот характер, которого так желал избежать Великий князь. В конце концов пришлось примириться на том, что поездка все же состоится, что ей должен быть придан строго военный характер и что в ней должны будут принять участие Верховный главнокомандующий, его личная свита, и сверх того начальник штаба, генерал-квартирмейстер и два офицера Генерального штаба Ставки.

Государь со свитой в назначенное утро 22 апреля прибыл на пограничную станцию Броды, где его уже ждали Верховный главнокомандующий с указанными выше чинами. Отсюда дальнейшее путешествие до Львова должно было быть совершено в автомобиле. Стоял тихий и ясный весенний день, делавший этот переезд в 100–120 километров особенно приятным. Государь сел в автомобиль с Верховным главнокомандующим. Начальник штаба генерал Янушкевич поместился со мною, в прочих автомобилях – остальные сопровождавшие.

Ехали по пути наступления нашей 3-й армии. Близь Золочева, случайно, у братской могилы воинов 166-го пехотного Ровенского полка кортеж остановился. Государь оставил автомобиль, немного прошелся по полю бывшего здесь сражения и выслушал рассказ о действиях русских полков. Для меня вся эта сцена имела особенно трогательное значение, так как, по странному совпадению, за несколько лет до войны я имел высокую честь командовать именно названным полком в родном мне Киеве. Конечно, факт пребывания Русского Монарха у братской могилы чинов полка был мною подробно описан и сообщен в полк, в надежде, что впоследствии запись эта будет включена в полковую историю, – как интересный для полка эпизод из минувшей войны.

Следующая остановка была сделана, когда мы подъезжали ко Львову, при встрече какой-то довольно жидкой депутации, при которой находился генерал-губернатор Галичины граф Г. А. Бобринский.⁷⁹ Подношение русского «хлеба-соли», чтение адреса, пожелания, приветствия – во всем этом уже было нечто, выходявшее за пределы простого военного объезда. Остановка эта пришлась близ огромной закрытой сигарной фабрики. Мне припомнилась кем-то описывавшаяся забавная сценка. Сидит в полковом обозе 2-го разряда на облучке наш несуразный подолянин-хохол Никита Ткачук, призванный по мобилизации; лениво размахивает он кнутищем и сосет, вместо обычной «цыгарки» из «тютюна» предлинную, никогда им до сего времени невиданную заграничную сигару. Она, однако, ему не по вкусу и он непрерывно поплевывает направо и налево. Мне рассказывали, впрочем, что наши солда-

⁷⁹ **Бобринский Георгий Александрович** (1863–1928). Государственный и военный деятель, генерал-лейтенант (1910), генерал-адъютант (1915). С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. направлен в Киев в распоряжение начальника снабжения армий Юго-Западного фронта в качестве «заведующего гражданской частью за границей»; соавтор «Временного положения про управление областями Австро-Венгрии, занятых по праву войны». В 1914–1915 гг. – генерал-губернатор Галицийского генерал-губернаторства; проводил политику, направленную на скорейшее включение Восточной Галиции в состав Российской империи. После упразднения генерал-губернаторства в марте 1916 г. находился в распоряжении главнокомандующими Юго-Западного фронта. С 1919 г. в эмиграции.

тишки предпочитали кропить сигару и такой «крошкой» набивать свои «люльки».⁸⁰ Привычнее и потому вкуснее.

Во Львове Государь остановился во дворце бывшего наместника, занимавшемся теперь графом Бобринским. Великий князь, генерал Янушкевич и я – в доме одного из польских магнатов, по приглашению последнего, переданному нам графом Адамом Замойским. Этот граф Замойский выступил в самом начале войны вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк, состоял сначала ординарцем у главнокомандующего Северо-Западным фронтом, а затем, будучи произведен в офицеры, находился при Ставке: впоследствии он был, кажется, назначен флигель-адъютантом к Его Величеству.

Лично от меня многие детали пребывания Государя в Галичине ускользнули, так как я видел Императора лишь мельком, имея свое прямое дело и стараясь не удаляться слишком далеко и надолго от помещения, где расположилась моя походная канцелярия, которая была связана прямым проводом со Ставкой. Но Великий князь был во время всей поездки не в духе и лица, непосредственно при нем состоявшие рассказывали мне не мало случаев, явно выражавших стремление администрации, шедшей в этом отношении даже против графа Бобринского, придать посещению Императора Николая II более широкое, чем это хотелось Ставке, значение. В этом отношении особенно мало такта проявили власти в Перемышле, с русским комендантом генералом [Л. К.] Артамоновым⁸¹ во главе.

В день приезда Государя во Львов во дворце наместника был прием, затем обед и вечером раут, на котором граф Бобринский получил звание генерал-адъютанта. На всех этих празднествах присутствовали сотни приглашенных. Преимущественно военные. Статские лишь изредка выделялись на фоне походных мундиров своими черными фраками. Были ли дамы – не помню. У меня осталось внешнее впечатление как бы специально военного собрания. Впрочем, на рауте я оставался очень недолго, занятый собиранием данных для подробного доклада Императору. Доклад этот был назначен на утро на вокзале, перед отправлением Государя в дальнейшую поездку.

Ночлег во Львове, в роскошных палатах польского магната, связан у меня с чрезвычайно оригинальным утренним впечатлением, полученным мною при пробуждении от обширных размеров занимавшейся мною комнаты и ее высокого потолка. С моего выезда на войну из Петрограда 14 августа 1914 г., т. е. свыше восьми месяцев, я ведь спал все время в узком низком помещении вагонного купе! Понятно поэтому мое удивление, когда, проснувшись во Львове и забыв о перемене обстановки, я, вместо своих обычных тесных и сдавленных перегородок, получил сразу впечатление большой и радостно залитой солнцем комнаты. С чувством какой-то особенной свободы я только и могу сравнить мое первое утреннее ощущение.

Прибывший на вокзал лишь за несколько минут до отхода поезда, Государь не мог, конечно, вдумчиво отнестись к сделанной мною оценке общей обстановки, а между тем, уже тогда с запада стали поступать глухие сведения о каких-то перевозках, совершаемых немцами на восток. Я особенно дорожил поэтому наличием у Хырова, в распоряжении Вер-

⁸⁰ «Цыгарка» – самодельная папироса; «тютюн» – по-малороссийски – табак, а «люлька» – малороссийская трубка. – *Прим. автора.*

⁸¹ **Артамонов Леонид Константинович** (1859–1932). Генерал от инфантерии (1913). Участник Китайского похода (1900–1901). К началу Первой мировой войны – командир 1-го армейского корпуса (с 1911). Участник похода в Восточную Пруссию в августе 1914 г.; крайне неудачно руководил корпусом в боях у Уздау и Сольдау, за что распоряжением командующего 2-й армией генерала А. В. Самсонова от 15 августа был отстранен от должности; состоял в резерве чинов при штабе Минского военного округа. После взятия крепости Перемышль в Галиции назначен ее комендантом. Позднее вновь в резерве чинов Минского военного округа, затем откомандирован в распоряжение главнокома войск армий Юго-Западного фронта; с апреля 1916 г. – в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. В январе – апреле 1917 г. – командующий 18-й Сибирской стрелковой дивизией, затем в резерве чинов при штабе Двинского военного округа; в мае – уволен от службы. В 1918–1924 гг. работал в советских учреждениях в Москве, арестовывался ВЧК.

ховного главнокомандующего 3-го Кавказского корпуса. Этот корпус, под командой своего доблестного командира генерала [В. А.] Ирманова,⁸² приобрел громкую боевую репутацию в Русской армии и мне стоило не мало усилий сберечь его до описываемой поездки от всепоглощающей наступательной энергии генерала Иванова, отправлявшего все попадавшие к нему войска в Карпатские горы и тем лишь облегчавшего неприятелю выполнение уже подготовлявшегося контрудара. Корпус этот составлял «единственный» резерв на всем Юго-Западном фронте и тем с большим усердием я стремился к его наилучшему пополнению и снабжению, что было очень нелегко в виду общего недостатка вооружения и снабжения. Меня также искренно радовал предстоявший корпусу Высочайший смотр и предположенная раздача самим Государем некоторых боевых наград, что должно было поднять дух корпуса еще на большую высоту. «Возможно, и даже вероятно, – писал я в одной докладной записке еще от 12 апреля, – что германцы имеют в виду собрать значительные силы на австро-венгерской территории, дабы не дать развиваться нашему наступлению за Карпаты. Имеющиеся указания о вероятности удара германцев на центр 3-й армии, с целью выйти на правый фланг наших войск, переваливших главный Карпатский хребет, каковой удар может обещать им успех, в силу происшедшей растяжки фронта названной армии».

К сожалению, я оказался правым в своих соображениях. Но, что мог сделать один корпус против макензеновской фаланги, да еще тактически неудачно направленный! Он только увеличил собою ряды отступавших. В этот день, 23 апреля, предстояли: железнодорожный переезд в Самбор – место расположения штаба 8-й армии, затем в Хырове, как я уже сказал, смотр 3-му Кавказскому корпусу и вечером – прибытие в Перемышль.

В Самборе нас приветствовал командующей 8-й армией, генерал Брусилов. Для встречи Государя был вызван из Карпатских дебрей почетный караул 16-го стрелкового полка, шефом которого состоял Государь. Полк этот принадлежал к составу 4-й стрелковой бригады, которая была прозвана еще по отличиям в Турецкую войну «железной» бригадой.⁸³

⁸² **Ирман (Ирманов) Владимир Александрович фон** (1852–1931). Генерал от артиллерии (1914) (в 1919 г. переименован в генералы от кавалерии по Кубанскому казачьему войску). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878), Китайского похода (1900–1901) и Русско-японской войны (1904–1905). В Первую мировую войну вступил командиром 3-го Кавказского армейского корпуса (с 1912); в июне 1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе Кавказского военного округа. Участник Белого движения на Юге России; командовал 1-й бригадой 1-й Кавказской казачьей дивизии в корпусе генерала А. Г. Шкуро; в июле 1919 г. – временно исполняющий должность командира 3-го Кубанского конного корпуса; с февраля 1920 г. – в резерве чинов при штабе Главкома ВСЮР. С 1920 г. в эмиграции.

⁸³ 4-я стрелковая бригада была одной из наиболее отличившихся во время войны с Турцией частей Русской армии: 13-й, 14-й, 15-й и 16-й стрелковые батальоны бригады приняли участие в наиболее трудных операциях, потребовавших от них полного напряжения физических и моральных сил. Среди дел стрелков – переправа через Дунай у Зимницы, Забалканский поход Передового отряда генерала И. В. Гурко, выручка Шипки и др. В боях с превосходящими силами турецкой армии, в суровых природных условиях стрелки проявляли высокие боевые качества, за что получили неофициальное звание «железной бригады», или «железных стрелков». В годы Первой мировой войны в 1914–1916 гг. 4-й стрелковой «железной» бригадой (с августа 1915 г. – дивизией) командовал один из вождей Белого движения генерал А. И. Деникин, неизменно высоко отзывавшийся о боевых качествах стрелков. «Судьба свела меня с “Железной” бригадой, – вспоминал впоследствии Деникин. – В течение двух лет шла она со мной по полям кровавых сражений, вписав немало славных страниц в летопись Великой войны (название Первой мировой войны в Российской империи. – *Р. Г.*) [...] Положение бригады (дивизии) в 8-й армии было совершенно особое. “Железным стрелкам” почти не приходилось принимать участия в позиционном стоянии, временами длительном и скучном. Обычно, после кровопролитного боя, бригада выводилась [генералом А. А.] Брусиловым в “резерв командующего армией” для того лишь, чтобы через два-три дня опять быть брошенной на чью-либо выручку в самое пекло боя, в прорыв или в хаос отступающих частей. Мы несли часто большие потери и переменили таким порядком четырнадцать корпусов. И я с гордостью отмечаю, что “Железная” дивизия заслужила почетное звание “пожарной команды” 8-й армии» (*Деникин А. И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы / сост. Л. Ю. Тремсиной; предисл. и коммент. Ю. А. Трамбицкого. М., 2006. С. 300, 301*). 13-м стрелковым генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полком «железной» дивизии в 1915–1916 гг. командовал другой видный участник Белого дела – полковник (с 1915 г. генерал-майор) С. Л. Марков. По случаю полкового праздника, командующий 8-й армией генерал от кавалерии А. А. Брусилов писал в телеграмме от 13 августа 1915 г.: «Командиру 13-го стрелкового полка. Сердечно благодарю доблестных стрелков 13-го полка... верю твердо, что и дальше герои “железные стрелки” так же беззаветно будут нести боевую службу на радость Царю и во славу России. 723567. Брусилов» (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3278. Оп. 1. Д. 82. Л. 26–26 об.). Во время Гражданской

Тот же вид «железных стрелков» сохраняли и теперь смуглые загорелые лица людей «почетного» караула, в большинстве украшенных одним, двумя и более Георгиевскими крестами. Их бравая внешность и молодецкая выправка, прекрасное обмундирование и хорошо пригнанное снаряжение, конечно, весьма мало говорили о страданиях и лишениях тех русских воинов, которые вынуждены были карабкаться в горах с камня на камень и гнать штыками перед собою австрийцев без содействия артиллерийского и ружейного огня, из-за отсутствия боевых патронов.

Полный порыва, Брусилов ручался за успех, но... просил подкреплений и патронов!.. Читатель уже знает, что генерал Брусилов был в свое время начальником офицерской кавалерийской школы в Петербурге и что он являлся ближайшим сотрудником Великого князя Николая Николаевича в вопросах совершенствования кавалерийских офицеров в их специальной службе. Это был очень образованный генерал, хотя и не прошедший академического курса, но много читавший и размышлявший над военными вопросами. Непосредственно до войны генерал Брусилов был одно время помощником командующего войсками Варшавского военного округа; затем он командовал 12-м армейским корпусом и с первого же дня мобилизации вступил в командование 8-й армией.

Генерал Брусилов был военачальником, так сказать, кавалерийского типа и по своему физическому строению, и по моральным данным. В деле ведения боевых операций он отличался большим порывом и необыкновенною стремительностью, каковые качества удваивались при успехе. Но вместе с тем, под влиянием встречавшихся затруднений и, особенно, при отсутствии немедленной поддержки, эти его качества имели свойство довольно быстро падать. Во всяком случае, это был один из самых выдающихся русских генералов. В революционное время он занимал одно время даже должность Верховного главнокомандующего, не имея, впрочем, как это видно из изложенного, необходимых для этой должности данных.

Известна позиция Брусилова во время русской революции и после перехода власти в России в руки большевиков. Никто, конечно, серьезно не заподозрит генерала Брусилова в большевизме. Но в период русской революции, он, как мне думается, находя ее, видимо, непредотвратимой, слишком тесно, хотя, быть может, только и внешне, связал себя с нею. Таким образом, с незаметным скатыванием власти к большевизму, ему обратного пути уже больше не было, тем более что путь этот был связан с мучительною долею изгнанника-эмигранта. Во всяком случае, не нам, современникам, слишком близко стоящим к печальным событиям нашей Родины, судить этого генерала, давшего России немало блестящих побед.

С прибытием Государя в Самбор, после бодрого и полного надежд доклада генерала Брусилова, в штабе армий, помещавшемся в каком-то училище, состоялся завтрак, за которым мы все увидели генерала Брусилова в свежих генерал-адъютантских погонах и золотом аксельбанте. Такой знак монаршего внимания к командующему 8-й армией, которая предназначена была для нанесения решительного удара австрийцам, поднял настроение присутствовавших на особую высоту и, глядя на общее воодушевление, хотелось верить в близкий успех!

После завтрака состоялась поездка в Хыров, к месту стоянки частей 3-го Кавказского корпуса. Весь смотр прошел в столь же радужном настроении, если бы не недовольство Верховного главнокомандующего, выразившееся на сей раз в замечании начальнику штаба корпуса за какое-то не совсем удачное и никем не замеченное построение частей корпуса.

войны полки 4-й стрелковой дивизии были возрождены в составе Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В мае 1919 г. на базе офицерского кадра полков дивизии в Одессе был сформирован Сводный полк 4-й стрелковой дивизии, вошедший в состав 7-й пехотной дивизии ВСЮР. В ноябре того же года на базе этого полка была возрождена 4-я стрелковая дивизия, в которую вошел 13-й стрелковый полк (с батальоном 14-го полка) и 16-й стрелковый полк (с батальоном 15-го полка). Входящая в состав Полтавского отряда Войск Новороссии дивизия приняла участие в Бредовском походе, затем была интернирована в Польше. После переброски ее чинов в августе 1920 г. в Крым была расформирована, а ее чинов пополнили Русскую армию генерала П. Н. Врангеля.

Корпус, в общем, представился отлично, имея полное число рядов и комплект офицеров. Люди выглядели бодро, имели на себе прекрасную обувь, в которой чувствовалась уже острая нужда в армии, а апшеронцы,⁸⁴ у которых в мирное время верхняя часть сапожных голенищ полагалась из красного сафьяна, в память исторической атаки при Кунерсдорфе,⁸⁵ в которой они, по полковому преданию, наступали «по колена в крови», умудрились даже обтянуть соответствующую часть голенищ красным кумачом, что придавало им необыкновенно щегольской вид.

Я внутренне радовался, что старания Ставки возможно полнее снабдить корпус, состоявший в резерве Верховного главнокомандующего, увенчались блестящим успехом. Куда только этому корпусу придется направить свой удар! Приведет ли он к разгрому австрийцев, или только к отражению германского контрнаступления? Ясно для меня было только одно, что дальнейшее удержание корпуса в распоряжении Верховного главнокомандующего немислимо. Все кругом кричит: вперед, вперед, без оглядки вперед!.. Вне сомнения было, что передача корпуса в распоряжение генерала Иванова явится для последнего в своем роде царским подарком!

Вечером состоялся приезд Государя со всеми сопровождавшими его лицами в недавно взятую австрийскую крепость Перемышль. Свыше 100 000 пленных и до 1000 орудий принесла Русской армии эта сдача! Русским комендантом крепости назначен был генерал А., незадачливый командир одной из очень крупных войсковых частей 2-й Самсоновской армии, по-видимому, рассчитывавший своим приемом «Русского Царя» установить поколебленное к себе доверие. Всей Русской армии хорошо были известны исключительные способности названного генерала «втирать в глаза очки», как у нас говорили. Приемы, впрочем, несложны: побольше лести, низкопоклонничества и проявления дешевой преданности «своему Государю». И вот, в тот же вечер – приветствия и торжественный молебен превращены, вопреки указаний Верховного главнокомандующего, в арену неподобающих условиям обстановки речей и пожеланий!

На следующий день, 4 апреля, – посещение нескольких полуразрушенных нашим огнем и неприятельскими взрывами фортов, краткие доклады о событиях и завтрак-обед в прекрасном помещении гарнизонного собрания, на который сквозь прозрачное покрывало неопределенными глазами смотрел из рамы огромного портрета престарелый император Франц-Иосиф. Посещением Перемышля закончилась главнейшая часть императорского путешествия по прекрасной Галичине, так близко напоминающей по своей чудной природе соседнюю Волынь и Подолию! Обратный путь Государь и сопровождавшие его лица совершили до Львова на автомобилях, с краткими остановками для выслушивания встречных приветствий, а от Львова – по железной дороге до Брод, куда прибыли уже поздно вечером. В поезде же был сервирован для ехавших холодный ужин.

А в это самое время, под руководством германского полковника [Х.] фон Секта,⁸⁶ искусного начальника штаба генерала Макензена, уже подвозилась и устанавливалась мощная

⁸⁴ Чины 81-го пехотного Апшеронского полка.

⁸⁵ Кунерсдорфская битва (12 августа 1759) – одно из наиболее известных сражений Семилетней войны (1756–1763), состоявшихся у селения Кунерсдорф (ныне – Куновице на западе Польши), в котором русско-австрийские войска разгромили прусскую армию Фридриха II.

⁸⁶ **Сект Ханс фон** (1866–1936). Германский военный деятель, генерал-полковник. В начале Первой мировой войны в должности начальника штаба 3-го корпуса участвовал в наступлении на Западном фронте и в Марнском сражении (сентябрь 1914). С марта 1915 г. – начальник штаба 11-й армии, действовавшей на Восточном фронте и осуществившей Горлицкий прорыв; с сентябре 1915 г. – на Сербском фронте; в августе 1916–1917 г. – начальник штаба армейской группы эрцгерцога Карла (после того, как в ноябре 1916 г. эрцгерцог Карл стал австрийским императором, командующим группой армий стал эрцгерцог Иосиф). В декабре 1917–1918 г. – начальник Генерального штаба турецкой армии. По окончании войны участвовал воссозданию германской армии в период Веймарской республики (1919–1933); был создателем рейхсвера как основы для развертывания массовой германской армии; проводил тайную подготовку производства запрещенного Германией вооружения.

неприятельская артиллерия на реке Дунайце, на пространстве между верхней Вислой и Бескидами, предназначенная с маху снести укрепленную позицию, а вместе с нею и войска нашей численно ослабленной 3-й армии, находившейся под начальством генерала [Р. Д.] Радко-Дмитриева!⁸⁷

В период этой подготовки за границей вражеской печатью усиленно муссировалось сведение о том, что Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич серьезно заболел. Сведение это вызвало настолько большую тревогу у наших союзников, что русский министр иностранных дел принужден был, особой телеграммой от 29 апреля, просить нашего посла в Париже опровергнуть это известие, как безусловно ложное, и заверить французское общественное мнение в отличном состоянии здоровья Великого князя, пользовавшегося, как это видно из данного факта, огромным доверием и популярностью за границей.

4. Германский контрманевр

«Сегодня с утра ополченские части, занимавшие позицию за правом фланге 3-й армии, отошли под напором противника от реки Дунайца. С ночи начался жесточайший обстрел, а затем и атака противником левого участка 9-го и всего фронта 10-го корпусов», – такой телеграммой начальника штаба Юго-Западного фронта в Ставку начинается печальная хроника нашего отступления из Галичины! Как мы видели, наступательные действия немцев против французов, а затем англичан, не удались в той мере, в которой они были задуманы.

Но в течение протекшего времени многое изменилось в обстановке и на Восточно-германском фронте. Мы успели подтянуть на театр военных действий все наши силы, не исключая даже войск из Владивостока. Мы успели также доказать своими активными действиями, что, ради общего дела, готовы на великие жертвы, и что до тех пор, пока не потушен наступательный порыв наших войск, никакие решительные успехи на Западном фронте неосуществимы.

Этот последний факт вошел в сознание начальника германского полевого штаба, генерала Фалькенхайна – действительного руководителя в тот период войны боевыми действиями германской армии. Его решением, в начале 15-го года, вновь сформированные в Германии корпуса были направлены не на Западный, а Восточный фронт войны, и использованы, как о том уже рассказано в одном из предыдущих моих очерков. Коренного изменения в обстановке эта жертва со стороны германского командования, впрочем, не принесла, и положение на русском фронте оставалось угрожающим. В течение всего марта австрийцы постепенно сдавали на Карпатах и руководители Центрального союза должны были опасаться полного крушения австро-венгерской монархии. При условии нарастания опасности в районе Константинополя (Дарданелльская экспедиция англо-французов) и колеблющихся настроениях в Италии и Румынии, прорыв русских войск в венгерскую равнину мог явиться для центральных держав весьма и весьма грозным фактором в военном отношении. Необходимо было, во что бы то ни стало, предупредить эту ближайшую опасность.

⁸⁷ **Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич** (1859–1918). Генерал-лейтенант болгарской службы, генерал от инфантерии (1914) русской службы, болгарин по происхождению. В 1876 г. участвовал в национально-освободительном движении. Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) зачислен в состав Лейб-гвардии Уланского полка. Участник Сербско-болгарской (1885), 1-й Балканской (1912) и 2-й Балканской (1913) войн. После начала Первой мировой войны и выступления Болгарии на стороне Четверного союза принял российское подданство; в июле 1914 г. принят на русскую службу с чином генерал-лейтенанта, назначен командиром 8-го армейского корпуса; с сентября 1914 г. – командующий 3-й армией (в мае 1915 г. после тяжелых и неудачных для армии боев с прорвавшимся у Горлице противником снят с должности); с июня – командир 2-го Сибирского, а с октября 1915 г. – командир 7-го Сибирского армейских корпусов; с марта 1916 г. – командующий 12-й армией. В июле 1917 г. отчислен от должности за болезнью, назначен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа; с января 1918 г. в отставке. Проживал на юге России; в сентябре 1918 г. взят в заложники Кавказской Красной армией, казнен в Пятигорске вместе с генералом Н. В. Ружским.

Так думалось в начале апреля в Мезиере и Тешене, в пунктах расположения в то время главных квартир германской и австро-венгерской армий. Генерал Конрад, начальник австро-венгерского Генерального штаба и ближайший сотрудник австрийского главнокомандующего эрцгерцога Фридриха,⁸⁸ предпочитал, однако, для поддержания разлагавшегося фронта, частичное вкрапливание в австрийские войска германских частей. При таких условиях не могло возникать вопроса о передаче руководства австрийским фронтом германскому командованию, и таким путем генералу Конраду удавалось оберечь внешний престиж армии и своей страны. Но германское верховное командование вскоре убедилось, что такой способ частичного подпирания не дает положительных результатов и что деятельность прибывающих германских войск как бы растворяется в общем бессилии австрийского фронта. Необходимо было, поэтому, принять решение, которое могло бы в корне изменить положение. Таким решением могло быть только временное перенесение главных действий германцев на восток. Приходилось расстаться с мыслью о нанесении смертельного удара на западе, и, не покончив там с врагами, обратиться против того из противников, который в данный период времени являлся наиболее угрожающим. Этому решению отчасти благоприятствовала и сложившаяся обстановка в том смысле, что, создав на Западном фронте от Северного моря до швейцарской границы почти неодолимую стену укреплений, оплетенных проволокой и усиленных мощной артиллерией, германцы получали возможность безопасной переброски значительных сил на восток.

Но, куда же именно направить этот принципиально решенный удар? Где та больная точка, на которую всего расчетливее нацелить новый германский молот? Надо сказать, что к весне 15-го года наш растянутый фронт, представлявший огромную дугу, обращенную выпуклостью к противнику, имел много слабых мест. Русская армия, как читатель уже знает, была на исходе своих сил. В непрерывных боях на Карпатах она понесла очень крупные потери. Некомплект во многих частях был угрожающий. Катастрофичен был недостаток в предметах вооружения и боевых припасах. При таких условиях, войска могли еще продвигаться вперед, имея своим противником австрийцев, но выдержать серьезный напор более энергичного и настойчивого врага им было едва ли по силам. Лишь победа над австрийцами могла влить в усталую Русскую армию свежие силы, но эту-то победу германское верховное главнокомандование и решило вырвать своим контрударом.

Для германцев, однако, было далеко не все равно, где нанести подготовлявшийся контрудар. Их успех должен был оказать непосредственное влияние на улучшение положения австрийцев. К тому же, на юго-восточном театре Центральных держав, как я уже говорил, зарождались новые политические факторы, развитие которых надлежало по возможности задержать или затруднить. При таких условиях весьма важно было продемонстрировать мощь Германии сильным ударом в пределах именно австро-венгерской территории. Вступлением значительных сил на территорию ее союзницы устанавливался, кроме того, и известный контроль над нею, не бесполезный с точки зрения германской политики и стратегии.

«Я уже давно обдумываю, – писал в апреле 1915 г. генерал Фалькенхайн, – сильное наступление из района Горлице в направлении к Саноку». И действительно, успех наступления в этом направлении мог свести на нет все наши успехи на Карпатском фронте, по отношению к которому намечавшийся удар являлся фланговым. В особо трудное положение он

⁸⁸ **Фридрих Австрийский** (1856–1936). Эрцгерцог Австрийский, герцог Тешинский, австрийский фельдмаршал (1914), германский генерал-фельдмаршал (1915). С 1905 г. – генерал-инспектор вооруженных сил Австро-Венгрии, с 1907 г. – главнокомандующий ландвера. С началом Первой мировой войны в июле 1914 г. назначен главнокомандующим вооруженных сил Австро-Венгрии. В декабре 1916 г. после смерти императора Франца-Иосифа смещен с поста новым императором Карлом I; некоторое время оставался заместителем главнокома, но в феврале 1917 г. был окончательно отстранен от командования.

мог поставить те из наших войск (левый фланг 3-й армии и всю 8-ю армию), которые далеко углубились к тому времени в горы на Бартфельдском, Дуклинском и Лупковском перевалах.

Генералу Конраду, ясно видевшему безвыходное положение австро-венгерской армии, ничего не оставалось, как пойти навстречу предположениям Фалькенхайна, и задуманное наступление было окончательно решено на одном из апрельских совещаний в Берлине. Свыше 16 пехотных дивизий, с невиданной по числу и мощности артиллерией, должны были развернуться на фронте между Верхней Вислой и подножием Бескид: 11-я германская армия – на участке Горлице – Громник и 4-я австрийская армия – севернее до Вислы. В состав этой фаланги должны были войти четыре германских корпуса, подлежавших перевозке с запада и, как я уже говорил, избранных из числа лучших ударных войск германской армии. Так, в составе этих корпусов находилась и императорская гвардия.

Понятно, что руководство столь ответственной операцией соединенных германо-австрийских сил имело в виду поручить германскому генералу. Это предположение не вызывало возражений даже со стороны Конрада, тем более, что таковым лицом являлся стяжавший себе блестящую боевую репутацию и отличавшийся большим тактом генерал фон Макензен. Но вот вопрос: от кого сам Макензен должен был получать директивы? Конрад здесь не сдал и настоял на сохранении этого права за австро-венгерским главнокомандованием, хотя постепенно, с развитием наступательных операций против России, право это и приобрело характер простой фикции.

Согласившись на то, чтобы генерал Макензен был подчинен на время совместной наступательной операции австро-венгерскому главнокомандованию, генерал Фалькенхайн, однако, не имел желания выпустить из своих рук высшего наблюдения за общим ходом военных событий на Восточном фронте. В начале мая главная германская квартира была перемещена в небольшой пограничный городок Плесс, находившийся всего лишь в расстоянии одного часа автомобильной езды от Тешена – пункта расположения австро-венгерской главной квартиры. Этим перемещением центрального органа германского руководства войной – всего лучше подтверждается та мысль, что соединенным действиям вооруженных сил Центральных держав на востоке придавалось в этот период времени первенствующее значение. И, таким образом, Западный фронт на тот же период времени должен был явиться для немцев лишь источником для питания силами и средствами задуманного удара на востоке.

1 мая 1915 г., свыше 1000 неприятельских пушек, до самого большого калибра включительно, зарокотали на пространстве от Вислы до Бескид, протяжением около 80 километров. В короткий срок наши окопы и проволочные заграждения были сравнены с землей. С нашей стороны на этом участке находились части только двух корпусов, в состав которых были введены ополченцы. 2 мая противником произведен был прорыв у Горлице, а на следующий день он овладел Тарновым. При отходе в особо трудном положении оказался наш 24-й [корпус], одной из дивизий которого⁸⁹ командовал Лавр Георгиевич Корнилов,⁹⁰ имя

⁸⁹ В приказе по армиям Юго-Западного фронта № 532 от 3 мая 1915 г. главнокомандующий особо отмечали боевые заслуги генерала Л. Г. Корнилова: «24 апреля присоединились к своему корпусу части 48-й пехотной дивизии, пробившиеся сквозь неприятельские войска. Совершая общий отход с войсками армии, 48-я пехотная дивизия 22 апреля в районе Дуклы встретила большие неприятельские силы, прорвавшие расположение соседних корпусов, действовавших севернее и преградивших путь отхода 48-й пехотной дивизии. Ведя в течение двух суток упорнейший бой за выход из Карпатских гор в долину Нелиска, 48-я пехотная дивизия была окружена со всех сторон в районе Дуклы – Тылова и с честью вышла из неравной борьбы, проявив в полной мере свои славные боевые качества и, пробившись с большими потерями, по трупам загородившего ей дорогу врага, присоединилась к родному корпусу. Этим упорным и славным боем в течение двух суток руководил начальник дивизии генерал-лейтенант [Л. Г.] Корнилов, раненый в руку с раздроблением кости, и следовавший все время в арьергардном полку. Верховный главнокомандующий [Великий князь Николай Николаевич], ознакомившись с геройским подвигом 48-й пехотной дивизии, осчастливил командующего армией следующей телеграммой: “Радуюсь, так как вижу исполнение моей вчерашней телеграммы. Вышел с ходатайством о награждении генерала Корнилова орденом Святого Георгия 3-й степени. Телеграфировал ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ о геройском подвиге 48-й пехотной дивизии. Жалую всем нижним чинам Георгиевские кресты. Телеграфируйте, какие офи-

которого впоследствии прогремело далеко за пределами России. Раненный в руку и захваченный австрийцами, генерал Корнилов, как известно, бежал потом из плена и поспешил вернуться к родным знаменам.

Боевые успехи, сопровождавшие действия германо-австрийцев над нашими истомленными войсками, лишенными к тому же боевых припасов, развились настолько быстро, что уже к середине мая армии нашего Юго-Западного фронта оказались отошедшими за Сан и к Днестру. Здесь была надежда отстояться, но новый толчок неприятеля к югу и северу от Перемышля повел к оставлению нами названной линии и к дальнейшему отходу из Галичины. 22 июня был оставлен нами Львов, и, вслед затем, войска Юго-Западного фронта были поставлены в необходимость разделиться на двое. Одна часть должна была удерживать неприятеля на фронте между Вислой и Припятью, базируясь на пути к северу от Полесья; другой, меньшей части – оставалась задача, по возможности удерживая наступление противника, выполнить отход к пределам Киевского военного округа.

В этот же период времени наши западные союзники, англо-французы, не преминули использовать отвлечение части германских сил на восток и приступили, в конце апреля или начале мая, к подготовке собственного наступления в Артуа, севернее Арраса. Генерал Жоффри, осведомленный Великим князем о серьезности нашего положения после германского прорыва, начал свое наступление уже 9 мая. Развернувшиеся на западе бои продолжались с довольно большим, впрочем, перерывом по середине, до конца июня. Но эти наступательные действия не остановили и даже не ослабили напора враждебных сил против нас. Германское командование было уверено в прочности своих позиций на западе и продолжало безбоязненно усиливать свои войска на восток.

Неблагоприятно складывалась для Держав согласия и обстановка в районе Дарданелл; затягивались также безнадежно переговоры о выступлении Румынии. Что касается Италии, то, хотя правительством [А.] Саландры⁹¹ и было подписано политическое соглашение

церы достойны ордена Святого Георгия 4-й степени. От меня передайте героям, что я их горячо благодарю и что вся армия гордится ими. Генерал-адъютант *Николай*». Поздравляю славные части 48-й пехотной дивизии с такой высокой милостью Верховного главнокомандующего. Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. Генерал-адъютант [Н. И.] *Иванов*» (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3278. Оп. 1. Д. 79. Л. 21–21 об.).

⁹⁰ **Корнилов Лавр Георгиевич** (1870–1918). Военный и политический деятель, генерал от инфантерии (1917), военный разведчик, дипломат и путешественник-исследователь, один из основателей Белого движения. Участник Русско-японской войны (1904–1905). К началу Первой мировой войны генерал-майор; с августа 1914 г. – начальник 48-й пехотной («стальной») дивизии. Весной 1915 г. был взят в плен, из которого бежал в июле 1916 г. С сентября 1916 г. – командир 25-го армейского корпуса Особой армии генерала В. И. Гурко. В феврале 1917 г., еще до начала Февральской революции, кандидатура Корнилова на пост командующего войсками Петроградского военного округа была одобрена Императором Николаем II. Пытался остановить развал войск; в апреле отказался от должности командующего округом, назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. После неудачного июньского наступления (в котором 8-я армия Корнилова отличилась), назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. С 19 июля 1917 г. – Верховный главнокомандующий Русской армией. Стремясь восстановить дисциплину в армии и порядок в стране, с ведома главы Временного правительства А. Ф. Керенского, в конце августа 1917 г. направил к Петрограду 3-й кавалерийский корпус, чтобы предоставить в распоряжение правительства надежные войска в случае вооруженного восстания большевиков. Уже после выступления корпуса Керенский переменял свою позицию и под давлением Петроградского совета объявил Корнилова мятежником, сместив с поста Главнокомандующего. Вместе с поддержавшими его офицерами находился в заключении в тюрьме в г. Быхов. 19 ноября по приказу Н. Н. Духонина Корнилов и другие арестованные были освобождены. 6 декабря Корнилов прибыл в Новочеркасск. Вместе с генералом М. В. Алексеевым возглавил формирование Добровольческой армии. Организатор и первый командующий Добровольческой армии. Погиб во время Первого Кубанского похода во время штурма Екатеринодара (ныне Краснодара) 31 марта 1918 г.

⁹¹ **Саландра Антонио** (1853–1931). Итальянский политический и государственный деятель. Адвокат, профессор Римского университета. В 1886–1925 гг. – член палаты депутатов; в конце XIX начале XX вв. входил в состав ряда кабинетов министров. В марте 1914 г. возглавил правительство, провозгласившее нейтралитет Италии в начавшейся вскоре Первой мировой войне; весной 1915 г. после длительного торга за наиболее выгодные для Италии условия вступил в войну на стороне Антанты, объявив войну Австро-Венгрии. Весной 1916 г. после успешного австрийского наступления в Трентино был вынужден уйти в отставку. Член итальянской делегации на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. В 1922 г. поддержал приход к власти лидера итальянских фашистов Б. Муссолини.

в конце апреля, но Италия выговорила себе месячный срок для вступления в войну, которое, таким образом, отодвигалось до 26 мая. Наш министр иностранных дел С. Д. Сазонов, в письме от 27 апреля на имя нашего посла в Лондоне, горько сетовал на позицию, занятую в переговорах с Италией союзной дипломатией вообще и английским министром иностранных дел [Э.] Грэм⁹² в частности, сославшись на слишком широкие требования Италии. «Результат подобного ведения переговоров налицо, говорит он, и его нельзя назвать иначе, как полную капитуляцию трех великих держав (Россия, Англия и Франция) перед предъявленными им Италией требованиями, причем не удалось даже обеспечить достаточно скорое выступление последней».

Ради каких же военных результатов была принесена Державами согласия эта политическая «капитуляция»? Италия открыла военные действия против Австрии, действительно, 26 мая. Но ее наступление на восток замерло в пограничной же полосе на реке Изонцо.

Это было большой неожиданностью для Конрада, который всегда держался мнения, что одновременное наступление Италии и России создаст неразрешимую для Австро-Венгрии задачу войны на два фронта. В стремлении избежать таковой, в австро-венгерском Генеральном штабе, как нам позже стало известно, обсуждалась даже мысль о заключении с Россией сепаратного соглашения, с уступкой последней восточной части Галичины, как раз по линии рек Сана и Днестра, но под условием свободы действий Австрии в западной части Балканского полуострова. Эти настроения австрийцев, по-видимому, даже создали временное колебание в планах генерала Фалькенхайна, который одно время думал о приостановке дальнейшего наступления против России и о повороте германских войск на юг, в сторону Балкан, для установления надежного сообщения с Турцией. Лишь колеблющаяся политика болгарского правительства, не выразившего еще окончательного решения стать на сторону Держав согласия, временно, до осени, оставила германскую стратегию на прежнем пути и при прежней задаче – наступления против России. Предоставив в распоряжение Австрии альпийский корпус – для обороны Тироля и еще три дивизии – для наблюдения за Сербией и Румынией, германское командование облегчило тем самым австрийцам задачу сосредоточения необходимых сил против итальянцев. В результате, с русского фронта было переброшено австрийцами на границу с Италией лишь минимальное количество войск (по некоторым источникам, всего 2 дивизии) и, таким образом, выступление Италии также не дало русскому фронту сколько-нибудь осязательного облегчения.

Трудность изолированной борьбы с соединенными силами германо-австрийцев увеличивалась еще крайне недостаточным развитием в нашем тылу рокадных железнодорожных линий. Подкрепления с Северо-Западного фронта могли прибывать только «малыми пакетами», и немедленно же расходовались генералом Ивановым на подкрепление передовых линий. Попытки организовать контрманевр при таком способе расходования резервов, естественно, не удавались, и вновь прибывшие части быстро сгорали в общем огне пожара, не принося коренного изменения в обстановке.

Наконец, 7 июля, по инициативе генерала Жоффра, в Шантийи был собран междусоюзный военный совет, имевший задачей обсудить меры помощи России. По донесению А. П. Извольского, нашему министру иностранных дел генерал Жоффр, открывая заседание, сказал, приблизительно, следующее:

– В августе и сентябре 1914 г. Русская армия перешла в наступление в Восточной Пруссии и Галичине, чтобы облегчить положение французов и англичан, вооруженные силы которых отступали перед напором почти всей германской армии. Нынешнее положение в России

⁹² Грэй Эдуард виконт (1862–1933). Английский государственный деятель. С 1885 г. – член парламента от Либеральной партии; в 1892–1895 гг. – заместитель министра иностранных дел, в 1905–1916 гг. – министр иностранных дел Великобритании. В 1907 г. заключил соглашение с Россией, способствовавшее оформлению Антанты.

требует таких же действий с нашей стороны. Это необходимо с точки зрения как военной чести Франции и Англии, так и собственных их интересов.

Все присутствовавшие присоединились к словам, выраженным в столь трогательной форме генералом Жоффром, и наш представитель (граф Игнатьев) счел необходимым благодарить собравшихся за намерение предпринять наступление, имеющее целью облегчить наше положение на Восточном фронте. Но действительность оказалась сильнее слов и желаний. Новое англо-французское наступление в Шампани и Артуа началось лишь 25 сентября. Наступление же итальянцев, как я уже сказал, не развилось далее реки Изонцо. При таком положении самостоятельное выдвижение ослабленной и обескровленной сербской армии являлось, конечно, нецелесообразным. Русские армии, предоставленные себе, обречены были на дальнейший отход.

12 июля началось наступление неприятеля и на Наревском фронте. Будь у немцев побольше свободных сил в описываемый период времени, уже тогда могло бы со всей силой выявиться грозное значение восточно-прусского района. Известно, что по вопросу о «направлении» германского наступления из этого района среди немецких военачальников возникли серьезные разногласия. Немецкое командование Восточным фронтом было сторонником глубокого удара на Ковну и развития затем широкой наступательной операции в направлении на Вильну и на Минск. Удар этот, своевременно организованный, мог создать, конечно, очень трудное положение для наших отступавших севернее Полесья армий. Но генерал Фалькенхайн, не сочувствовавший столь широкому размаху, может быть по недостатку сил, и все еще опиравшийся на авторитет императора Вильгельма, ограничил первоначальное наступление из Восточной Пруссии направлением к нижнему Нареву.

Это решение, несомненно, способствовало в значительной мере благополучному выполнению русским командованием очень трудного вытягивания наших войск из польского мешка. В начале августа нами была эвакуирована Варшава, а в последней трети того же месяца – крепость Осовец.

Что же стало с Новогеоргиевском, в котором был оставлен гарнизон в составе до 100 000 человек при огромном количестве орудий? По поводу этой крепости напомним, что в 1910 г., при пересмотре системы инженерной подготовки нашей западно-пограничной полосы, Новогеоргиевск был единственным пунктом на Висле и Нареве, за которым было решено сохранить значение крепости. Главным основанием к такому решению было стремление несколько успокоить общественное мнение нашей союзницы Франции и местного населения, взволновавшихся неправильным освещением вопроса о мерах, принимаемых в связи с новым планом войны, и видевших в упразднении некоторых крепостей доказательство оставления русской Польши, в случае войны, на произвол судьбы. Но независимо от этого мотива, характера скорее политического, Новогеоргиевская крепость могла иметь также некоторое военное значение. Она заключала в себе постоянные мостовые переправы через Вислу и Нарев, удержание которых в первый период войны имело для нас существенное значение.

К сожалению, ко времени открытия военных действий, перестройка устарелых укреплений Новогеоргиевска, требовавшая применения совершенно новых начал, далеко не была закончена и, по расчетам инженеров, бетонные работы были выполнены всего лишь в размере 25–30 %. Совершенно не были подготовлены, например, к обороне промежутки между фортами. Тем более, конечно, тяжела ответственность коменданта и старших начальников, которым в военное время крепость была подчинена и которые не позаботились в течение годичного срока восполнить инженерные недочеты крепости мобилизационными работами!

Что касается артиллерии, то она состояла преимущественно из орудий устарелых типов, но все же среди них имелись и новые орудия – дальнобойные, подвижные и скорострельные. Хуже обстояло дело с боевыми припасами, которые надо было экономить. Посто-

янного пехотного гарнизона крепость не имела, да по условиям войны и не могла иметь. Трудно было бы удерживать в крепости ее гарнизон в то время, когда впереди в поле шли ответственные операции. Это было бы нарушением одного из основных правил стратегии о разумном сосредоточении всех сил к месту решительного боя. Но все же, надо сказать, что в Новогеоргиевске пехотные части менялись излишне часто и, в конце концов, в состав этого гарнизона, но распоряжению главнокомандующего Северо-Западным фронтом, вошли дивизии очень слабых боевых качеств, из которых две (ополченские) не закончили даже своего формирования. От всех этих дивизий нельзя было, конечно, ожидать проявления высокого воинского духа. Между тем, при технической неготовности крепости, активность гарнизона имеет, конечно, особо существенное значение.

Таковы были элементы, из которых должно было сложиться сопротивление крепости. Мы вправе, однако, поставить рядом и другой вопрос о том, какое влияние имело вообще наличие Новогеоргиевской крепости на сложившуюся в то время стратегическую обстановку данного театра военных действий. Генерал Людендорф по этому поводу говорит, что действия под Новогеоргиевском не оказали непосредственного влияния на общий ход германского наступления. Действия эти были, по его словам, лишь «отдельным эпизодом в тылу германских армий, которые продолжали продвигаться на восток». И этот взгляд на значение сопротивления Новогеоргиевской крепости являлся глубоко справедливым. Взятие Новогеоргиевска было немцами поручено ближайшим частям их 12-й и 9-й армий, вошедшим в подчинение генерала [Г. фон] Безелера,⁹³ покорителя Антверпена. В его распоряжение была предоставлена также мощная тяжелая артиллерия до 16 дюймов калибра (австрийские гаубицы), обильно снабженная боевыми припасами. При таких условиях генерал Безелер не сомневался в успехе порученного ему дела и высказывался даже против обложения крепости, требовавшего некоторого времени.

Таким образом, Новогеоргиевская крепость своим сопротивлением могла дать России лишь новую героическую главу для истории ее армии. Но вправе ли были современники ее ожидать, при тех средствах, которые для этого были затрачены? Значение крепостей-точек и весь характер инженерной подготовки территории претерпели в последнее время существенные изменения в результате условий современных войн, и нельзя было не приветствовать ответственного распоряжения Великого князя Николая Николаевича о том, чтобы в будущем все остальные наши крепости, находившиеся в смысле обороны в еще худшем положении, чем Новогеоргиевск, эвакуировались по распоряжениям командующих армиями, как только выяснится бесполезность их дальнейшей обороны для полевых действий. В силу этого распоряжения, эвакуированы были Осовец, укрепления Ивангорода, Гродна и Брест-Литовска.

В середине августа, в ясный солнечный день, среди полной тишины чудного соснового леса, в котором близ Барановичей была расположена Ставка Верховного главнокомандующего, неожиданно раздался артиллерийский выстрел, гулко разнесшийся по всей Ставке. Затем послышался шум быстро опускавшегося аэроплана.

– Что это, «свой» или «чужой»? Неприятель неизменно надвигался на восток, и появление его воздушной разведки над нами могло казаться вполне естественным.

⁹³ **Безелер Ганс Гартвиг фон** (1850–1921). Германский генерал-полковник. В немецкой армии считался лучшим специалистом по сооружению крепостей. В 1911 г. вышел в отставку. С началом Первой мировой войны назначен командиром 3-го резервного корпуса; в сентябре – октябре 1914 г. – командующий Особой армейской группой «Безелер», созданной для осады Антверпена (взял крепость 10 октября). В июле – августе 1915 г. возглавлял осадную армию «Модлин», предназначенную для осады русской крепости Новогеоргиевск; вынудил коменданта крепости генерала Н. П. Бобыря сдать крепость в начале августа. В августе 1915 – ноябре 1918 г. – генерал-губернатор Варшавы.

– Молодцы артиллеристы, – подумал я о взводе, находившемся при Ставке, и кустарным образом приспособившем свои полевые пушки к стрельбе по аэропланам. – Но если опустившийся аппарата «свой», то как бы не «был на нем кто-либо ранен!..

Через несколько минут стало известным, что опустился, «свой» из Новогеоргиевска, и что на нем прибыл из крепости офицер. Вести, доставленные им, были плохие. По словам прибывшего, крепость находилась в безнадежном состоянии. Северо-восточные форты, обращенные к Млаве, были разрушены и настроение в гарнизоне подавленное. Победителем явилась мощная неприятельская артиллерия, бросавшая снаряды ужасающей силы. Распространявшиеся при разрывах ядовитые газы и звуковой эффект поражали нервы защитников.

Тяжелые предчувствия прибывшего вестника оправдались, крепость, как потом выяснилось, была 19 августа сдана немцам. Печальные подробности хода ее обороны долго не были известны. Ходили кошмарные слухи об измене каких-то инженерных офицеров, якобы выехавших из крепости навстречу немцам с подробными планами. Этому плохо верилось, ибо на кого только в то тяжелое и обидное для русского национального чувства время не падали легкомысленные обвинения в предательстве. И действительно, в приведенном рассказе, насколько мне известно, правда только в том, что три инженерных офицера, выехав однажды в автомобиле на передовые позиции, действительно там случайно попали в район действий немецкой разведки. Возможно, и даже вероятно, что при них были некоторые планы, без которых при работе обойтись невозможно. В завязавшейся с немцами перестрелке два офицера были убиты, а третий, вместе с автомобилем и содержимым в нем, взят в плен. Так именно рисуется в письмах ко мне картина печального эпизода теми, для которых дорога память и доброе имя упомянутых офицеров. Своим нравственным долгом считаю и я предать гласности сообщенный мне рассказ.

К концу августа на фронте Северо-Западных армий уже не было войск западнее линии Белосток – Брест, и, таким образом, роковая опасность, висевшая над армиями этого фронта, быть сдавленными двухсторонним охватом в русской Польше миновала.

Наш вынужденный отход из Галичины и Польши летом 1915 г. вызывал у Верховного главнокомандования естественный вопрос, где же тот наивыгоднейший рубеж, на котором желательно было бы остановить дальнейшее продвижение неприятеля вглубь страны. Казалось, что наиболее удобной и короткой линией для нашего будущего фронта к северу от Полесья представлялась линия к юго-западу от железной дороги Либава – Радзивилишки – Кошедары (например, в южной части по течению реки Дубиссы); затем среднее течение реки Немана (с крепостями Ковна, Гродно и предместным укреплением у Олиты); далее Беловежская Пуца и крепость Брест-Литовск, которая уже примыкала к верховьям Пинских болот.

На фронте этой линии имелись природой заготовленные для неприятеля препятствия, в виде рек, которые были усилены в некоторых, наиболее важных пунктах, крепостями и долговременными укреплениями. Правда, крепости были в периоде перестройки, но все же представляли известную силу. Правый фланг названного фронта упирался в Либаву, представлявшую передовую базу для нашего минного и подводного флота. Обход же левого фланга заставил бы противника втянуться в лесисто-болотистые пространства Полесья. Наконец, в тылу прилежала, в виде рокадной линии, железная дорога Либава – Вильна – Барановичи, с несколькими ответвлениями в сторону фронта. Но не все оценивали так значение упомянутой линии.

«Отечественная война», – пустил кто-то мысль, быстро привившуюся.

Надо, впрочем, сказать, что сближение наступившей войны с Отечественной носилось вообще в воздухе с самого ее начала. Известные, например, слова Императора Александра

⁹⁴ об условиях, при которых мог быть заключен мир с Наполеоном, почти дословно вошли в речь, произнесенную 2 августа 1914 г. его правнуком, после торжественного молебна в Зимнем дворце по случаю открытия военных действий с немцами.

В тот период времени, о котором идет речь, оскорбленное самолюбие русских людей сравнением развертывавшихся событий с обстановкой 1812 г., по-видимому, стремилось вложить в отступление, являвшееся, несомненно, вынужденным, идею какого-то преднамеренного внутреннего замысла.

– Чем дальше мы уйдем на восток, тем лучше. Придет наше время, тогда зарвавшегося немцу труднее будет убраться восвояси.

Да, конечно, война в конце лета 1915 г. приняла для русской стороны характер «отечественной». Но лишь в смысле перенесения ее на отечественную территорию. Всякое иное сближение переживавшегося времени с эпохой 1812 г. являлось неправильным и практически только вредным. В самом деле, оно приводило лишь к тому, что под конец отступления довольно легко отдавалось то пространство родной земли, которое, в сущности, можно было оберечь от тяжестей неприятельского нашествия. Начиная с конца августа, враг уже не с прежней энергией нажимал на наши войска.

Замечалось даже некоторое ослабление его сил, вследствие увода ряда австро-германских дивизий в тыл. Теперь-то мы знаем, что во второй половине августа германское командование задумывало уже новую операцию в сторону Балкан и потому стало перевозить в южную Венгрию часть своих дивизий. Между тем, в наших войсках, под влиянием мысли об отечественной войне, постепенно вырабатывалась дурная деморализующая привычка, как тогда говорили, «выравнивать» фронт. Достаточно было неприятелю толкнуть наши войска назад в одном каком-либо месте, чтобы отступали и соседи, во избежание угрозы флангу. С этой легкостью отхода на неатакованных или слабо атакованных участках боролись вначале недостаточно энергично, и зло постепенно пустило более глубокие корни: оно приобрело даже как бы право некоторой законности.

С другой стороны, обратное отображение каждой пяди отданной врагу земли, при современных способах ее закрепления и отсутствии у нас достаточных технических средств, должно было столкнуться с крайними трудностями, почти невозможностью. Обо всех этих обстоятельствах мне неоднократно приходилось докладывать Великому князю Верховному главнокомандующему, убеждая его громко произнести свое властное слово для прекращения дальнейшего отхода. Я напоминал Великому князю, какое магическое действие произвело его слово в августе 1914 г., когда потребовалось вырвать победу из рук австрийцев. Великий князь терпеливо меня выслушивал, но... молчал. Была ли это потеря веры в войска, или же сознание, что он доживает, в должности Верховного, свои последние дни и потому не должен затруднять работы генерала Алексеева, главнокомандующего Северо-Западным фронтом, приобретающего все большее влияние на ход дел и очевидно шедшего ему на смену, мне осталось неизвестным.

– Ваше Высочество, пока вы у власти, Россия знает только вас одного и только вы один отвечаете за общий ход войны! – сказал я ему однажды.

⁹⁴ **Александр I Павлович** (1777–1825). Император Всероссийский (с 1801 г.), старший сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны. Провел умеренные либеральные реформы, подготовленные М. М. Сперанским и Негласным комитетом. В 1805–1807 гг. участвовал в антифранцузских коалициях, в 1807–1812 гг. временно сблизился с Францией. В его правление Россия успешно воевала с Турцией (1806–1812), Персией (1804–1813) и Швецией (1808–1809), присоединила Восточную Грузию, Финляндию, Бессарабию, Азербайджан, бывшее герцогство Варшавское. После Отечественной войны 1812 года в 1813–1814 гг. возглавил антифранцузскую коалицию европейских государств, был одним из руководителей Венского конгресса (1814–1815) и организаторов Священного союза.

– Я подумаю, – коротко ответил мне Великий князь, замяв этим дальнейший разговор! Только в последнем слове, перед своим отбытием из Ставки, благодаря меня за совместную годовую работу, Великий князь добавил:

– Я особенно ценил ваше откровенное слово, высказывавшееся мне во всех случаях!

Я понял, о каком случае он говорил. Явились, впрочем, и другие обстоятельства, которые сделали неосуществимой остановку Русской армии на той линии фронта, о которой я говорил в начале моего настоящего очерка.

Пока наши войска удерживали в своих руках, хотя бы только и частично, территорию Восточной Пруссии, до тех пор было немыслимо распространение неприятельских вооруженных сил в направлениях к среднему и нижнему Неману. Но, с отступлением после февральских боев нашей 10-й армии к Неману и Бобру и после окончательного оставления в середине марта мысли о восстановлении прежнего положения, правый фланг нашего стратегического фронта оказывался навесу. Германцы получали возможность продвижения не только в направлении на Ковну, но и в обход этого пункта с севера, со стороны Тильзита на Шавли. Значение Риго-Шавельского района, через который возможен был обход наших войск с севера, начало вырисовываться тогда с полной отчетливостью.

Опытный глаз генерала Людендорфа сразу оценил выгоды вторжения германских войск в Россию через Литву и Курляндию. Однако настойчивые атаки русских армий на Карпатах и грозивший нашим противникам развал австро-венгерского фронта отвлекал в то время внимание германского верховного командования в другую сторону. Тем не менее, Людендорфу, под предлогом демонстрации, все же удалось собрать на фронте Юрбург – Мемель несколько кавалерийских и пехотных дивизий, с которыми генерал Лауэнштейн – бывший германский военный агент в Петербурге – и произвел в конце апреля вторжение в Литву на Шавли и Либаву.

Уже через несколько дней после начала этой операции германцами были взяты оба упомянутых выше пункта, а затем правый фланг наших войск пришлось отвести в направлении к Виндаве. Вскоре постепенно усиливавшиеся в Литве и Курляндии германские войска образовали особую Неманскую армию, командование которой было вверено энергичному и деятельному немецкому генералу Отто фон Белову.⁹⁵

С нашей стороны на правом берегу реки Немана немцы встретили сначала лишь слабые отряды, прикрывавшие границу с Германией. Стереотипное выражение в донесениях: «В Риго-Шавельском районе без перемен», – характеризовало положение в этом крае. Только однажды, в феврале, обычное спокойствие здесь было нарушено пограничным наступлением немцев на Тауроген, – в конце концов, отбитым, и ответным набегом наших войск на Мемель, выполненным, впрочем, уже в марте. Теперь, под давлением войск генерала Лауэнштейна, русские части стали отходить, как уже сказано, на Виндаву и Дубиссу.

С началом этого наступления немцев, главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Алексеев распорядился усилением данного района новыми войсками. Эти войска вошли в состав ближайшей 10-й армии, штаб которой находился, однако, в Гродне, в 200–250 верстах от центра Шавельского района. Оказавшиеся при таком способе управления суетливость и беспланность действий войск Риго-Шавельского района были столь велики,

⁹⁵ **Белов фон Отто** (1857–1944). Германский генерал пехоты. С началом Первой мировой войны – командующий 1-м армейским резервным корпусом; с ноября 1914 г. – командующий 8-й армией; с мая 1915 г. – командующий Неманской армии; с конца 1915 г. вновь назначен командующим 8-й армией. В октябре 1916 г. переведен на Салоникский фронт в Македонию; в марте 1917 г. переведен на Западный фронт, назначен командующим 7-й армией; осенью 1917 г. переведен на Итальянский фронт, назначен командующим 14-й армией; в начале 1918 г. назначен командующим 17-й армией; с октября 1918 г. – командующий 1-й армией в Шампани. В конце войны – главнокомандующий германскими войсками на Западном фронте. По окончании войны вышел в отставку.

что генерал Алексеев вынужден был даже командировать туда особое лицо разобраться в обстановке.

«С глазу на глаз, – пишет командированный генерал Палицын в своих воспоминаниях, – я попросил начальника штаба 10-й армии хотя бы три дня не посылать старшему начальнику в Шавельском районе никаких приказаний и вообще не вмешиваться в его работу...»

Позднее генералу Алексееву пришлось перевести в этот район генерала Плеве с его штабом. Хотя с этого момента управление войсками было упорядочено и дальнейшее распространение неприятеля приостановлено, но время для «вытеснения» немцев за Неман было упущено, и неприятель своим присутствием на Виндаве и Дубиссе должен был всегда напоминать об опасности возможного продвижения его дальше, в направлении на Вильну, Двинск и Ригу. Собственно говоря, уже с этого времени (конец мая и начало июня) настала пора для выделения армии генерала Плеве из ведения Северо-Западного фронта и непосредственного подчинения ее Верховному главнокомандующему. Может быть, тогда и удалось бы более своевременно сформировать особый северный фронт, для прикрытия путей севернее Ковны, на Петроград и Москву. Но образование этой новой группы войск могло идти лишь за счет Западного фронта, в связи с эвакуацией им Польши. А так как эту трудную операцию Великий князь Николай Николаевич вверил генералу Алексееву, то он и опасался своим вмешательством стеснить свободу его действий.

«Мы должны, – писал я в конце июля после целого ряда словесных докладов, – отказаться от стремления удерживать, во что бы то ни стало, линию реки Вислы и в своих решениях принимать исключительно требования стратегической обстановки, стремясь при первой возможности усилить и закрепить наше положение в Риго-Шавельском районе, который приобретает первенствующее значение при данных условиях обстановки...»

17 августа Русскую армию постиг, наконец, на ее правом фланге очень тяжелый удар: в результате германского штурма пала крепость Ковна.

Общественное мнение привыкло в течение минувшей войны, по опыту Западного фронта, к бессилию крепостей и довольно быстрому переходу их в руки неприятеля: поэтому оно не обратило особого внимания на падение названной крепости. Едва ли была даже усмотрена разница в положении и условиях обороны Ковны и Новогеоргиевска, перешедших в руки германцев почти одновременно. На самом деле различие было весьма и весьма существенное. Новогеоргиевск сдался, *по оставлении нашими полевыми войсками линии рек Вислы и нижнего Нарева*, т. е. в условиях, так сказать, «изолированной» обороны. Ковенская же крепость была расположена на линии общего фронта и не была окружена неприятелем, *сохранив* таким образом *боевую связь с полевыми войсками*, от которых, при лучшем управлении, должна была бы получить помощь. Помощь эта могла сказаться тем более действительной, что атаковавший ее германский корпус Лицмана едва ли в значительной мере превосходил гарнизон крепости в силах, а его артиллерию никак нельзя было назвать «подавляющей». «Ни одна крепость не дралась еще такими скромными средствами», – говорил о штурме Ковны, в своих воспоминаниях, генерал Людендорф. Даже с падением западных отделов обороны, располагавшихся на левом берегу Немана, Ковенская крепость имела, в сущности, возможность продолжать сопротивление, сомкнувшись укреплениями на правом берегу той же реки!

Комендант крепости, в действиях которого оказалось не мало погрешностей, был отрешен от должности, предан полевому суду и понес очень суровое наказание; вопрос же о том, почему крепость, нуждаясь в помощи полевых войск, не получила таковой, к сожалению не подвергся соответственному освещению. В этом печальном эпизоде для общей обстановки хуже всего было то, что, с переходом Ковны в руки неприятеля, фронт наш по существу оказывался прорванным в прямом направлении на Вильну. В руки неприятеля перешли мосты

через реку Неман и железнодорожная линия на Вильну, только частично разрушенная гарнизоном крепости. Вследствие этого, штурм Ковенской крепости не остался отдельным эпизодом; он повлек за собою дальнейшее наступление немцев на правом берегу реки Немана. Генерал Людендорф вернулся к своей первоначальной заветной идее наступления в обход правого фланга русских войск, в общем направлении на Вильну – Минск.

Вследствие этого решения, дела на нашем правом фланге становились для нас все более угрожающими. Чтобы облегчить их, Ставкой были приняты самые решительные меры, заключающиеся в распоряжениях по сосредоточению Гвардейского корпуса к Вильне, по переброске туда же двух пехотных корпусов и одной кавалерийской дивизии и, наконец, по выделению из войск Юго-Западного фронта 120 отдельных рот с офицерами и вооружением «для быстрого и надежного усиления сплоченными частями корпусов армии генерала Плеве». Эта исключительная мера была вызвана крайне ответственным положением названной армии, ослабленной предыдущими боями. С помощью полученных подкреплений генералу Плеве удалось остановить немецкое наступление на левом берегу реки Северной Двины. Наконец, к 31 августа с большими трудностями было закончено формирование штаба Северного фронта, и в командование им вступил генерал Рузский.

Все упомянутые распоряжения относятся к числу последних, исходивших от Великого князя Николая Николаевича. Как известно читателю, 5 сентября во главе всех действующих войск армии и флота стал Император Николай, а начальником полевого штаба к нему был назначен генерал Алексеев. С большим трудом к концу сентября Русская армия вышла из очень опасного для нее положения, создавшегося стремлением немцев охватить правый фланг их главной массы. Идея наступательной операции германцев, явившаяся в результате систематического пренебрежения русскими армиями вопроса о прикрытии их операционных линий со стороны Восточной Пруссии, не разразилась катастрофой и «повисла в воздухе» лишь вследствие недостатка у германцев сил для ее выполнения. Но, в результате немецкого наступления по правому берегу реки Немана, мы все же потеряли значительную полосу местности и должны были закрепиться к северу от Полесья на довольно случайной линии от Риги по Двине до Двинска и далее на юг до Припяти, восточнее Пинска. Мы потеряли возможность пользоваться, в качестве рокадной, не только железной дорогой Либавы – Радзивиличи – Вильна, но и линией Рига – Двинск – Вильна. Южнее же мы целиком отдали немцам железнодорожный путь от Вильны на Барановичи и такие важные железнодорожные узлы, как Вильну, Лиду и Барановичи, владение которыми представляло бы для нас существенную пользу в дальнейшей длительной позиционной войне. Так или иначе, но лишь к концу сентября 1915 г., русские армии вновь заняли сплошной фронт от Риги до Румынской границы, на котором они и успели закрепиться.

Я не стану вводить читателя в трудные и спорные расчеты того количества войск, которое было переброшено германцами против нас с их Западного фронта за весь период наступательной операции, приведшей их от Дунайца к Западной Двине и Стыри. Укажу только на вполне достоверное распределение неприятельских сил, данное нашим военным представителем в Париже в 1920 г., в распоряжении которого имелись все необходимые для подсчета документы и данные. Из этого распределения видно, что, в то время как от начала войны до сентября 1915 г. неприятельские силы на Западе, по числу дивизий, не увеличились, держась на цифре 83 пехотных дивизий – в это время на Восточном фронте против нас число неприятельских дивизий возросло с 50 до 137.

Эти цифры лучше всяких слов свидетельствуют о том, какая помощь была оказана русскими войсками их союзникам на протяжении первого года войны, равно как ясно иллюстрируют размеры той опасности, которая была отведена жертвенностью Русской армии от наших западных союзников.

Некоторые характерные черты и события из жизни фронта и тыла

1. Отношения между правительством и Ставкой

Минувшая война не только в России, но и в остальных государствах, принявших в ней участие, развернулась в войну общенародную. Она поэтому несомненно требовала предельного напряжения всех живых и материальных сил борющейся нации. Чтобы дать это напряжение и тем облегчить победу, необходимо было обеспечить тесное единение фронта с тылом, армии с народом. Отсутствие такового единения составляло одно из самых больших мест в организации войны в России. Проистекало это большое явление из того, что в годы мира, правительством, которое не вело активной политики и вместе с тем, по причинам внутренним, опасалось приобщения населения к государственным делам, ничего не было сделано для создания в народе к моменту возникновения вооруженного конфликта соответственной «психологии». В силу этого население России в общем встретило войну без необходимого «пафоса».

Народ в России держался вдали от государственной жизни; ему были очень мало знакомы интересы страны и дальше своей деревенской колокольни он в большинстве мало что и видел. Нельзя отрицать, конечно, факта некоторого подъема настроения в населении в начале войны, но таковой сосредоточивался по преимуществу в городах, где больше следили за событиями, и главное, подъем этот имел только поверхностный характер. В глубине народа не было убеждения в необходимости победить, и запасные шли на призыв скорее из чувства послушания к требованиям власти, чем из патриотического сознания. Эта мысль лучше всего доказывается теми беспорядками, которыми в некоторых местах был отмечен призыв запасных.

В интеллигентских кругах также не было всеобщего подъема. Молодежь часто не стеснялась искать случая или уклониться от призыва вовсе, или пристроиться на службу в тылу. В свою очередь, и власть стала на ту ложную точку зрения, что войну можно выиграть без организации народных сил, усилиями одной армии, опирающейся на свой кадровый состав мирного времени и поддерживаемый правительством. Мобилизация армии не повлекла за собою мобилизации всей страны, т. е. приспособления строя всей ее жизни к суровым требованиям войны. Опыт Русско-японской войны в этом смысле не был достаточен. На факт объявления войны взглянули недостаточно серьезно; больше гадали о том, когда война может закончиться, чем думали, как бы придать ей силы для победного конца.

Недостаточная сознательность важности и ответственности наступившего с войною периода времени, была, таким образом, первою причиною тому, что внутренняя жизнь фронта и тыла, под коим следовало понимать всю страну, пошла не по одному руслу. Русские люди, покорные и в большинстве инертные, шли на призыв и умирали лишь до тех пор, пока не настали великие испытания. Очевидно, что в изложенных условиях достигаемые успехи не могли быть прочными. И когда в 1915-м году Германия нашла возможным, прочно укрепившись на Западе, сосредоточить против России свои главные силы, то Русская армия, к тому же лишенная боевых припасов, не могла не стать и не откатиться обратно на свою территорию.

Второй причиной расхождения жизни фронта и тыла явилось то недоверие, которое, как я уже имел случай отметить, сложилось при дворе к личности Великого князя, а за ним и к его ближайшим сотрудникам. Недоверие это было настолько чудовищно, что едва ли его целиком мог разделить лично Государь. По крайней мере, он тщательно скрывал все то, что

ему нашептывалось, и, наоборот, всегда умел маскировать свое действительное отношение к Ставке знаками особого внешнего внимания к ней и расположения. Глубина всех подозрений стала известна лишь впоследствии, когда всеобщим достоянием явились письма Императрицы Александры Федоровны к ее супругу.

Из этих писем видно, что Императрица считала Великого князя опасным честолюбцем, ее больной мозг вместе с тем подозревал Ставку то в каком-то ужасающем предательстве, то в заговоре, имевшем целью низложение царствовавшего Императора и насильственное удаление ее в монастырь. Само собой разумеется, что все эти слухи, отнесенные к первому периоду войны, были сплошным вздором.

– Шпионы, находящиеся в Ставке, – писала Императрица по поводу одной из предполагавшихся поездок Царя на фронт, – сразу же сообщат немцам, и тогда их аэропланы начнут действовать.⁹⁶

Надо было быть очень злобно настроенным и совсем не знать духовного облика Великого князя, чтобы можно было питать в этом смысле какие-либо опасения! Верховный главнокомандующий был одним из самых лояльных подданных своего Монарха. Подобно многим лицам, получившим религиозно-мистическое воспитание, он видел в русском Царе Помазанника Божьего и, только внутренне скорбя, что его окружали близорукие, а иногда и темные советники, стремился изыскать способы к улучшению положения. Тем не менее, недоверие к Верховному главнокомандующему Императрицы, не встречавшее должного отпора у Государя, несомненно, клало известный отпечаток на отношения к Великому князю правительства, среди членов которого было много закоснелых реакционеров и таилось, отчасти, желание подчеркнуть свою от Ставки независимость.

Этому способствовало и наше Положение о полевом управлении войск в военное время,⁹⁷ которое было составлено, как я уже отмечал в том предположении, что во главе действующей армии будет находиться сам Император. В этом случае на военном и морском министрах, органы которых должны были нести функции заготовителей всех снабжений, необходимых для армии и флота, естественно лежала бы обязанность быть выразителями и проводниками в Совете министров всех требований к стране войны. Через посредство этих лиц должна была быть устанавливаема прочная связь фронта с тылом и достигаясь необходимое объединение армии с народом в течение самой войны. С нарушением же основной схемы управления, т. е. со вручением обязанностей Верховного главнокомандующего особому лицу, оба министра выходили, таким образом, из подчинения Верховного главнокомандующего, который лишался возможности авторитетно влиять на Совет министров и чувствовать уверенность, что его требования будут исполнены. В Совете министров он не имел даже своего представителя!

В дополнение ко всей этой картине надо добавить еще и то, что начальник штаба Верховного главнокомандующего, вследствие недисциплинированности своего характера, легко переходившего допустимые границы, совершенно не сумел установить правильных отношений и приобрести необходимое влияние на направление деятельности министров, которые имели весьма много оснований жаловаться на его действия.

Держась, в силу своей неподготовленности в вопросах стратегии, по большей части нейтрально, он проявлял зато свою властную жестокость и мало дисциплинированный характер в отношениях своих с министрами и в доходивших на его разрешение делах внутреннего управления тем обширным районом, который, составляя театр военных действий, был, в известной степени, изъят из общего управления территорией всей Империи. В резуль-

⁹⁶ Письма Императрицы Александры Федоровны [к Императору Николаю II]. Берлин: Кн[издательств]о «Слово», [1922]. – Прим. автора.

⁹⁷ Положение о полевом управлении войск в военное время. – СПб, 1913. – 325 с.

тате такого положения, многие министры избегали лично бывать в Ставке и входить с ним в общение: старый же председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, чаще других навещавший Ставку, не пользовался в правительстве тем авторитетом, который соответствовал бы важности переживаемого военного времени.

Я не помню случаев посещения генералом Янушкевичем Совета министров, с целью установления единства взглядов взаимного обмена мнениями или подробного доклада о нуждах армии. Единственное соединенное заседание Совета министров и чинов Главнокомандования было то совещание, о котором читатель найдет сведения несколько дальше.

Жизнь в стране текла своим особым руслом, вне влияния на нее требований войны!

2. Шпиономания и тыловые беспорядки

Уже неудачная Восточно-Прусская операция заставила русские войска с необычайной внимательностью взирать на все казавшиеся им подозрительными явления, происходившие кругом. С другой стороны, участники названного похода единогласно подтверждают о действительном наличии выдающейся организации помощи немецкого населения своим войскам. Вследствие этих причин, во всяком обывателе, шнырявшем на своей мотоциклете или велосипеде по восточно-прусским дорогам, русские войска склонны были видеть шпиона, высматривавшего их расположение или движение; во всяком мерцавшем огоньке, лишнем повороте колес ветряных мельниц или ударе колокола – чудилось, а может быть происходило и в действительности, – сигнализирование отрядам неприятеля. Так в русских войсках развилась нервировавшая подозрительность.

В польских местечках и городках, расположенных на территории России, подозрение в шпионаже по большей части падало на еврейское население, считавшееся более податливым на подкуп деньгами и другие меры неприятельского воздействия. Правильно или неправильно было это предположение – в этот вопрос я не вхожу, но общеизвестно, что в России еврейское население не пользовалось, в известных кругах, симпатиями, и к нему готовы были предъявлять всякие обвинения, до самых причудливых включительно. На предположении о нелояльности этой части населения России стали играть некоторые недобросовестные агенты полиции и контрразведки, видевшие в раскрытии возможно большего числа всякого рода шпионских организаций способ проявить свое служебное рвение, и тем выдвинуться по своей специальности. Война создавала для этого крайне благоприятную обстановку, ибо, рядом с напрасными жертвами контрразведки, несомненно существовали и действовали преступные организации, требовавшие беспощадной с ними борьбы и уничтожения. Времени разобраться было немного, шпионские организации были многочисленны и потому у наших агентов образовалась тенденция обвинять в предательстве огулом ту или другую часть населения, или категорию людей, вместо розыска действительно виновных отдельных лиц.

Ясно, что легче было подвести под подозрение все инородческое население: евреев, немцев, поляков или другие народности, чем выдвигать против того или другого *отдельного* лица какое-либо конкретное обвинение, которое еще нужно было показать. На почве этой обстановки, создаваемой, к сожалению, каждой войной, возникало много печальных случаев и недоразумений.

С началом наших военных неудач, подозрительность, естественно, увеличилась и захватила все больший и больший круг людей. Некоторые на этой подозрительности строили свою служебную карьеру, и я сам знавал одного очень крупного начальника, который, в период отступления русских войск из Галичины и Польши, хвастался, говоря: «Всякого инородца, которого я встречаю с лицом, обращенным к противнику, я рассматриваю как предателя России!..»

Особенно прославился своею жестокостью к инородцам начальник штаба Северного фронта генерал [М. Д.] Бонч-Бруевич.⁹⁸ Когда мне пришлось занять этот же пост после него, то первые недели едва ли не половину времени мне потребовалось употребить для разбора всякого рода жалоб на его деятельность. Этот Бонч-Бруевич слыл за антиправого, а его брат был известным большевиком, игравшим в начале революции большую роль. Впоследствии и правый Бонч-Бруевич оказался на службе большевиков. Недаром про него ходил пророческий рассказ, что во время маневров его суетливый начальник, терявший быстро голову, кричал: «Скачите, Бонч – направо, Бруевич – налево!» Такой способ двойного охвата всего обширного диапазона политических партий генерал Бонч-Бруевич и провел полностью в своей дальнейшей служебной карьере, пользуясь позицией, занятой его братом большевиком.

Разумеется, Ставка должна была дать в вопросе об отношении к инородцам соответствующую директиву, и обязанность эта лежала на начальнике штаба Верховного, в распоряжении которого имелась гражданская канцелярия для всех дел по части управления населением, проживавшим на территории военных действий. Но, к сожалению, здесь-то именно и проявился мало уравновешенный характер начальника штаба Верховного, человека мало опытного и не ведавшего, что неправильно, хотя и слегка только нажатая сверху кнопка отражается внизу всегда чрезвычайно болезненными явлениями. Несомненно, что он «горел» праведной ненавистью ко всякой возможности предательства и шпионажа. Но от этого «горения», вследствие его неуравновешенной системы управления, к сожалению, много страдали не только отдельные лица, но и целые группы населения.

Недоверие обуяло в этот период времени Русскую армию не только в отношении мирного населения. Оно распространялось также частично на офицерский состав. Печальный образец представляет собою, например, дело бывшего подполковника [С. Н.] Мясоедова,⁹⁹ преступление которого так и осталось не достаточно доказанным.

⁹⁸ **Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич** (1870–1956). Генерал-лейтенант (1944). В начале Первой мировой войны назначен генерал-квартирмейстером штаба 3-й армии; с сентября 1914 г. – генерал-квартирмейстер штаба армий Северо-Западного фронта. С апреля 1915 г. – в распоряжении Верховного главнокомандующего; с августа 1915 г. – исполняющий должность начальника штаба армий Северного фронта; с февраля 1916 г. – в распоряжении главнокомандующего армиями Северного фронта. После февраля 1917 г. кооптирован в состав Исполкома Псковского совета рабочих и солдатских депутатов, активно сотрудничал с советами. В ноябре 1917 г. после Октябрьского переворота назначен начальником штаба Главковерха. После расформирования Ставки в феврале 1918 г. вызван в Петроград; организатор обороны города и границ республики. Добровольно вступил в РККА. В марте – августе 1918 г. – военный руководитель Высшего военного совета, затем в распоряжение СНК. С 1923 г. в отставке.

⁹⁹ **Мясоедов Сергей Николаевич** (1865–1915). Полковник. Служил в 105-м пехотном Оренбургском полку; с 1892 г. – в Отдельном корпусе жандармов; с 1894 г. – помощник начальника железнодорожного жандармского отделения в Вержболове; в 1901–1907 гг. – начальник Вержболовского отделения. Поддерживал хорошие отношения с германскими пограничными властями, был знаком императором Вильгельмом II. В 1907 г. вышел в отставку; в 1909 г. познакомился с военным министром В. А. Сухомлиновым; в 1911 г. восстановлен на службе, перешел в военное министерство. В 1912 г. стрелялся на дуэли с обвинившим его в шпионаже депутатом Государственной думы А. И. Гучковым (статьи против Мясоедова появились в газетах «Вечернее время» и «Новое время»). После дуэли уволен в запас; расследование, проведенное по итогам скандала, не подтвердило обвинения. С началом Первой мировой войны как пехотный офицер мобилизован в армию; через некоторое время был назначен переводчиком в штаб 10-й армии. В феврале 1915 г. по инициативе генерал-квартирмейстера штаба армий Северо-Западного фронта генерала М. Д. Бонч-Бруевича и начальника контрразведки штаба фронта полковника Н. С. Батюшина был арестован по обвинению в шпионаже и мародерстве (главной уликой стали показания возвратившегося из плена в декабре 1914 г. подпоручика Я. П. Колаковского). Несмотря на слабую доказательную базу, военный суд приговорил Мясоедова к смерти (казнен 20 марта 1915 г.); командующий армиями Северо-Западного фронта генерал Н. В. Рузский не подписал приговор («ввиду разногласия судей»), однако он был лично утвержден Верховным главнокомандующим Великим князем Николаем Николаевичем. В дальнейшем, по этому делу было арестовано 19 человек; жертвой «дела Мясоедова» стал военный министр В. А. Сухомлинов, находившийся в хорошем знакомстве с казненным (в июне 1915 г. министр был отправлен в отставку). «Дело Мясоедова» привело к усилению подозрительности и «шпиономании» в русском обществе и сыграло значительную роль в «немецком погроме» в мае 1915 г. в Москве.

В дневнике одного из чинов штаба генерала Алексеева¹⁰⁰ имеется по поводу этого дела следующий абзац:

«[М. С.] Пустовойтенко¹⁰¹ (ближайший сотрудник генерала [М. В.] Алексеева) говорит, что, когда он прибыл с Алексеевым на Северо-Западный фронт, в разведывательном отделении штаба уже служил и работал прапорщик Владимир Григорьевич Орлов,¹⁰² призванный из следователей по особо важным делам округа Варшавской судебной палаты. Он тогда же потребовал у него доклад по делу шпиона Мясоедова и, якобы, оказалось, что во всем обширном деле не было ни одного документа, объективно доказывающего виновность повешенного. Все инкриминируемое Мясоедову было таково, что никоим образом не доказывало чего-нибудь неопровержимого...»

Подобные же суждения приходилось встречать в воспоминаниях и других лиц. Много доставалось начальникам с немецкими фамилиями, из которых некоторые, чувствуя себя давно русскими, спешили ходатайствовать, даже об изменении своих фамилий. Лиц немецкого происхождения обвиняли в том, что они сумели, опираясь на министра двора графа [В. Б.] Фредерикса,¹⁰³ (кстати, не немца по происхождению) образовать в армии и даже вокруг русского Престола, замкнутую цепь членов сочувствующих Германии. Дело дошло до того, что Верховному главнокомандующему Великому князю Николаю Николаевичу пришлось издать особо строгий приказ, имевший целью положить предел необоснованным обвинениям, которые вносили лишь смуту и разложение в армейскую среду.

Особенно разрослись беспорядки в ближайших войсковых тылах, во время отхода русских войск из Польши и Галичины. Великому князю, как Верховному главнокомандующему, и в этом вопросе пришлось самому вмешаться, напоминая телеграммами на имя главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Алексеева о бессистемности эвакуационных распоряжений и о неправильно создавшемся у войск представлении, что принимаемые меры являются «репрессиями». Телеграммой, например от 20 июня 1915 г., Великий

¹⁰⁰ Лемке М. [К.] 250 дней в Царской Ставке [25 сентября 1915–2 июля 1916 г.]. Пг., 1920]. С. 190. – Прим. автора.

¹⁰¹ **Пустовойтенко Михаил Саввич** (1865—?). Генерал-лейтенант (1916). С июня 1914 г. – помощник 1-го оберквартирмейстера Главного управления Генерального штаба и постоянный член Крепостной комиссии управления; позднее – 1-й оберквартирмейстер управления. С началом Первой мировой войны – генерал-квартирмейстер штаба армий Юго-Западного фронта; с апреля 1915 г. – генерал-квартирмейстер штаба армий Северо-Западного фронта. В августе 1915 г. после принятия императором Николаем II на себя Верховного главнокомандования назначен исполняющим должностью генерал-квартирмейстера Ставки Главковерха; ближайший сотрудник начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева в планировании операций. С декабря 1916 г. – начальник 12-й пехотной дивизии; с октября 1917 г. – командир 40-го армейского корпуса. В 1918 г. демобилизован; эмигрировал.

¹⁰² **Орлов Владимир Григорьевич** (1882–1941). Юрист, действительный тайный советник, прапорщик, профессиональный контрразведчик. Участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1912 г. – действительный статский советник, следователь по особо важным делам. С началом Первой мировой войны переведен в контрразведку; работал под началом начальника контрразведки штаба армий Северо-Западного фронта полковника Н. С. Батюшина; член Верховной следственной комиссии по делам военного министра В. А. Сухомлинова, полковника С. Н. Мясоедова, «сахарных спекулянтов» Д. Рубинштейна и А. Доброго (обвинялись в переводе денежных средств в Германию и Австро-Венгрию). После Октябрьского переворота по поручению генерала М. В. Алексеева устроился на работу в Петроградскую чрезвычайную комиссию; создал тайную антибольшевистскую организацию, наладил переброску офицеров из Петрограда в Добровольческую армию. В сентябре 1918 г. из-за угрозы провала бежал в Финляндию; с февраля 1919 г. в Одессе начальник контрразведывательного отделения начальника штаба Добровольческой армии Одесского района; с мая – в Добровольческой армии, в распоряжении генерал-квартирмейстера Вооруженных сил Юга России (ВСЮР); с декабря 1919 г. – начальник контрразведывательной части особого отделения Генштаба ВСЮР; в 1920 г. – руководитель контрразведки в Русской армии генерала П. Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции, проживал в Германии, где продолжил активную антисоветскую деятельность. Убит в 1941 г. нацистами.

¹⁰³ **Фредерикс Владимир Борисович** (1838–1927). Государственный деятель, генерал от кавалерии (1901), генерал-адъютант (1896); граф (с 1913). В 1875–1883 гг. – командир Лейб-гвардии Конного полка и (в 1881–1891) – 1-й бригады 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии; в 1891–1893 гг. – шталмейстер и управляющий придворной конюшенной частью; одновременно: в 1893–1897 гг. – помощник министра, в 1897–1917 гг. – министр Императорского двора Российской империи; в 1897–1917 гг. – канцлер Российских императорских и царских орденов; в 1898–1917 гг. – командующий Императорской главной квартирой; член Государственного совета (с 1905). С марта 1917 г. в отставке. В 1924 г. эмигрировал в Финляндию.

князь напоминает: 1) что удаляться и уничтожаться должно лишь то имущество, которое может *непосредственно* служить на пользу противнику, или препятствовать нашим военным действиям; 2) что при уничтожении, по распоряжению военных властей имущества, должны непременно составляться требуемые законом акты; 3) что население, при отсутствии крайней необходимости, не должно подлежать принудительному выселению и не должно лишаться необходимых запасов продовольствия; 4) что лицам, добровольно покидающим свой кров, должна *облегчаться* возможность выбора временного места жительства и 5) что члены одной семьи ни в коем случае не должны разделяться по различным пунктам.

Меры эти надлежало применять, разумеется, в одинаковой мере ко всем слоям населения безразлично. Но Верховный главнокомандующий принимал и более строгие меры к уничтожению тыловых безобразий. Так, например 6 июня 1915 г. Великий князь телеграфировал о необходимости предания военно-полевому суду командиров тех полков, «чины которых будут избличены в учинении погромов!»

К сожалению, «шпиономания» внедрилась глубоко не только в армии, но и в народе, не исключая и царских дворцов. В придворных сферах в предательстве, и даже измене, тайком обвиняли даже Верховного главнокомандующего и его сотрудников, в народе же и в армии напротив, – подозрения в измене шли в царские покои. Все объясняли изменой. Это обвинение являлось простейшим способом облегчить свое личное неудовольствие, и в некоторых случаях оправдать неудачу. Чего проще: «Измена кругом!». В этом общем стоне только и проявлялось уродливое единение и общность настроений фронта и тыла, армии и народа. И если на фронте указанное настроение в силу дисциплинированности войск не давало еще вспышек, то в сердце России, в Москве, оно разразилось в июне 1915 г. огромными беспорядками, заставившими, наконец, Царя и правительство призадуматься над охватившим всех настроением.

3. 14 (27) июня 1915 г. В Ставке

Уже почти два месяца наши войска, не выдержав стремительного удара Макензена у Горлице и Тарнова, – находились в отступлении из Галичины. Попытки зацепиться за Вислоку и позднее за реку Сан не удались. Врагу был отдан обратно Перемышль и Львов, и уже недалеким казалось время, когда ужасы войны должны были коснуться наших собственных пределов.

Россия, оскорбленная военными неудачами, глухо волновалась. Слово «измена», как читатель уже знает, ходило кругом. Но и других поводов для недовольства было не мало. Наша центральная власть уже давно стала терять доверие широких общественных кругов и народных масс. Не Горемыкину, конечно, незадолго до войны назначенному на пост председателя Совета министров, было под силу, хотя бы временно, на период войны, смягчить те причины, которые отделили власть от народа.

Все качества этого застывшего в своих воззрениях старца, не только внутренние, но и просто внешние находились в ярком противоречии с требованиями того трудного времени, которое надвинулось на Россию. Нужны были широкий государственный ум, железная воля, кипучая энергия. Наблюдая же Горемыкина во время мимолетных наездов в Ставку, я лично всегда выносил впечатление о нем, как о человеке, переутомленном жизнью и больше всего сосредоточенном на себе.

В таких условиях, внутри России, в ее сердце – Москве – накопившиеся нездоровые настроения разразились в начале июня 15-го года серьезными народными беспорядками. Полиция вначале бездействовала, и дала уличной толпе «разойтись». Сперва подверглись разгрому магазины, принадлежавшие лицам немецкого происхождения, а затем и вообще – носившие вывески с иностранными фамилиями. Возбужденные погромом люди стали, в

конце концов, врываются в частные квартиры и громить находившееся в них имущество. Были случаи побоев и даже отдельных убийств. Постепенно беспорядки в городе разрослись и приняли кое-где враждебные правительству формы. Властям пришлось вызвать войска и прибегнуть к силе оружия. Только уступая этой силе, народные толпы, производившие волнения, рассеялись, и в Москве установился наружный порядок.

Причины волнений и погрома, происходивших в первопрестольной, объяснялись в то время различно. Наиболее простым было приписать беспорядки раздражению столичного населения против немцев. Они нас бьют на фронте, зато им здесь расправа в тылу. Взрыв оскорбленного народного чувства, – буйного, разнузданного, – но все же в основе своей имеющего нечто от патриотизма!

Такова была официальная версия местных московских властей по сведениям, дошедшим до Ставки. Но уже за границей наши союзники взглянули на московскую вспышку более широко. Там в ней увидели проявление народного негодования и раздражения не только против немцев – наших военных противников, но и против союзников, оставивших нас одинокими в трудный период отхода из Галичины.

– За последнее время, – доносил телеграммой от 12 (25) июня наш посол в Париже – французское правительство и военные круги озабочены известием о неблагоприятном по отношению к Франции настроении общественного мнения, обвиняющего французскую армию в бездействии. Даже в недавних погромах в Москве – добавляет А. П. Извольский – здесь склонны видеть враждебное отношение русского народа не только к немцам, но и вообще к иностранцам.

– Во Франции обвиняют в создании такого настроения военную цензуру, давившую на прессу и не дававшую ей возможности говорить о потерях союзников в операциях у Арраса, предпринятых в начале мая, с понятной целью помочь нам. Операции эти, как известно, тянулись с перерывами до второй половины июня, но не сопровождались какими-либо заметными результатами.

В наших правящих кругах, люди, хорошо знавшие внутренние настроения народных масс взглянули на московские события с еще более общей точки зрения. Военные неудачи и одиночество России могли, конечно, служить «поводом», для взрыва, но столь бурное проявление народного гнева могло случиться лишь в обстановке крайнего раздражения внутренним положением в стране. Оскорбительные и грозные речи слышавшиеся по адресу царской семьи и гремевшего на всю Россию Распутина, были тому ярким доказательством.

Шутить с этими настроениями, да еще в условиях тяжелой войны – не приходилось.

События в Москве дали, поэтому, новый толчок тому течению, которое давно уже образовалось в среде Совета министров из более передовых его членов. Это течение, по сведениям Ставки, возглавлялось А. В. Кривошеиным¹⁰⁴ – главноуправляющим земледелием и

¹⁰⁴ **Кривошеин Александр Васильевич** (1857–1921). Государственный и политический деятель. В 1884–1885 гг. служил в Министерстве юстиции; с 1887 г. – в Земском отделе Министерства внутренних дел; с 1891 г. – делопроизводитель отдела; в 1896–1904 гг. – заместитель начальника, в 1904–1905 гг. – начальник переселенческого управления МВД. Ближайший сотрудник председателя Совета министров П. А. Столыпина по проведению аграрной реформы, заселению и освоению Сибири и Туркестана. В 1905–1906 гг. – товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием; в 1906–1908 гг. – товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским банками; в 1908–1915 гг. – главноуправляющий землеустройством и земледелием. Член Государственного совета (с 1906). В годы Первой мировой войны возглавлял в правительстве группу либеральных министров, указывавших необходимыми опорами власти на либеральную общественность и представительную власть; летом 1915 г. добился отставки ряда консервативных министров (В. А. Сухомлинова, И. Г. Щегловитова, Н. А. Маклакова, В. К. Саблера) и назначения в Совет министров более приемлемых для думского Прогрессивного блока лиц; выступил против увольнения Великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего. В октябре 1915 г. отправлен в отставку из-за глубокого конфликта с председателем правительства И. Л. Горемыкиным. Весной 1918 г. возглавил в Москве подпольный антибольшевистский Правый центр, в который вошли консервативные политики; в 1918 г. бежал в Киев, где стал одним из основателей антисоветского Совета национального объединения России; с 1919 г. – председатель этой организации. Участник Белого движения на Юге России; в декабре 1919 – феврале 1920 г. – начальник Управления снабжения правительства при Главнокомандующем ВСЮ. А. И. Деникине; с мая

поддерживалось С. Д. Сазоновым и некоторыми другими членами Совета министров. Все они настойчиво выдвигали необходимость правительству в своих действиях опереться на общественные силы и вообще, как говорили тогда, «открыть клапан сверху», дабы уже существовавшийся революционный вихрь не взорвал всей государственной машины изнутри.

Верховный главнокомандующий горячо сочувствовал этому движению и в Ставке были очень обрадованы известием о подробном и настойчивом докладе Императору Николаю II мнения названной группы министров, сделанном А. В. Кривошеиным. Император Николай II вообще не любил, чтобы отдельные министры затрагивали вопросы, касающиеся общей политики государства. Однако, при отсутствии у Совета министров принятой всеми его членами единой программы и при окаменелости председателя, такие доклады являлись, в сущности, единственным средством доводить до сведения верховной власти об опасностях, которые ясно видели одни и не желали видеть другие члены высшего правительственного аппарата.

Точка зрения группы А. В. Кривошеина была поддержана Верховным главнокомандующим и в Ставке, как только в нее прибыл Государь, через несколько же дней после московских событий. К новой предполагавшейся программе, не шедшей, впрочем, далее увольнения некоторых наиболее дискредитированных министров и привлечены к делу обороны общественных сил, в Ставке добавляли еще необходимость обеспечения более тесной связи между фронтом и тылом, для начала которой Великий князь предложил собрать соединенное совещание из членов правительства и главного командования.

Вокруг верховной власти работали, конечно, и другие течения, но на сей раз Император, по-видимому, склонялся на сторону тех советчиков, которые являлись отголоском общественных желаний. Вначале были намечены более решительные перемены в составе правительства. Предусматривался уход Горемыкина, причем кандидатом на пост премьера называли в Ставке либо Кривошеина, либо Сазонова. Этого, однако, не случилось: Император не пожелал расстаться с «милым стариком», как Горемыкина называла Императрица. Должны были также оставить свои посты министр внутренних дел Маклаков (Н. А.),¹⁰⁵ военный – генерал [В. А.] Сухомлинов, юстиции – [И. Г.] Щегловитов,¹⁰⁶ и обер-прокурор Синода – [В. К.] Саблер.¹⁰⁷ Эти лица и в самом деле были постепенно уволены и заменены новыми

1920 г. – исполняющий обязанности председателя (с июня – председатель) сформированного в Крыму Правительства Юга России; помощник Главнокомандующего Русской армией генерала П. Н. Врангеля. Под его руководством на территории подконтрольной белым была проведена аграрная реформа, предусматривавшая наделение крестьян землей за счет раздела крупных поместий за определенную плату. С осени 1920 г. в эмиграции.

¹⁰⁵ **Маклаков Николай Алексеевич** (1871–1918). Государственный и политический деятель. В 1900–1909 гг. – служил в министерстве финансов; в 1909–1912 гг. – Черниговский губернатор. С декабря 1912 г. – управляющий Министерства внутренних дел (в феврале 1913 г. утвержден в должности министра). Неоднократно выступал за роспуск Государственной думы (в 1913 г. направил несколько писем об этом Николаю II). После начала Первой мировой войны внес в ноябре 1914 г. в Совет министров «записку», в которой настаивал на ограничении деятельности Земского и Городского союзов исключительно делом «помощи больным и раненым». Член Государственного совета (с 1915). В июне 1915 г. уволен с должности министра. В ноябре 1915 г. избран в состав Совета монархических съездов. В феврале 1917 г. арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства; после Октябрьского переворота летом 1918 г. был отправлен в Москву; в октябре с объявлением красного террора расстрелян ВЧК.

¹⁰⁶ **Щегловитов Иван Григорьевич** (1861–1918). Государственный и политический деятель. С 1881 г. служил по Министерству юстиции; с 1898 г. – товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, с 1898 г. – в Первом департаменте Сената; в 1900–1903 гг. – вице-директор Первого департамента Министерства юстиции; в 1903–1905 гг. – обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената; с 22 апреля 1905 г. глава Первого департамента Министерства юстиции; с февраля 1906 г. – товарищ министра юстиции. В апреле 1906 – по июль 1915 г. – министр юстиции. Член Государственного совета (с 1907), с января 1917 г. его председатель. Председатель Совета монархических съездов (с 1915). В феврале 1917 г. арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства; летом 1918 г. отправлен в Москву; в октябре с объявлением красного террора расстрелян ВЧК.

¹⁰⁷ **Саблер Владимир Карлович** (1847–1929). Государственный деятель, юрист. В 1872–1873 г. читал уголовное судопроизводство в Московском университете. С 1873 г. – служил в Министерстве юстиции; с 1881 г. – в Синоде (юрисконсульт; в 1883–1892 гг. – управляющий канцелярией); с 1885 г. – помощник председателя при Синоде для заведования церковно-приходскими школами; с 1892 г. – товарищ обер-прокурора Синода; сенатор (1896); член Государственного совета

министрами. Преемниками их соответственно явились: князь Н. Б. Щербатов,¹⁰⁸ генерал А. А. Поливанов,¹⁰⁹ А. Н. Хвостов¹¹⁰ и А. Д. Самарин.¹¹¹

Среди новых министров были не просто «новые» люди: большинство их были подобраны с известным символическим значением. Князь Щербатов довольно хорошо был известен в земских кругах; его лично знал и Великий князь, у которого брат нового министра полковник князь [П. Б.] Щербатов¹¹² состоял одним из адъютантов. Генерал Поливанов слыл опытным военным и администратором и пользовался особым доверием в среде членов Государственной думы; А. Д. Самарин – московский губернский предводитель дворянства выдвигался московскими общественными кругами и лучшею частью православного духовенства.

Соглашаясь на эти назначения, Император Николай поступался даже собственными симпатиями и симпатиями Императрицы. Генерала Поливанова, например, царская чета не любила именно за его близость к думским кругам; с именем же Самарина связывалось представление, как о лице, готовым пойти на решительные меры по оздоровлению высшего церковного управления и по борьбе с распутинским влиянием.

– Самарин пойдет против нашего друга и будет заступаться за епископов, которых мы не любим, – так писала о нем Императрица в одном из своих писем.

(1905). В 1905 г. ушел с должности товарища обер-прокурора из-за разногласий с К. П. Победоносцевым. В 1911–1915 гг. – обер-прокурор Синода. После Октябрьского переворота в 1918–1925 гг. неоднократно арестовывался; в 1926 г. отправлен в ссылку в Тверь.

¹⁰⁸ **Щербатов Николай Борисович** (1868–1943). Князь, государственный и политический деятель. Окончил Пажеский корпус, с 1889 г. служил в 44-м драгунском Нижегородском полку; с 1892 г. в отставке. В 1895–1897 гг. – на службе по Министерству государственных имуществ. В 1905 г. избран членом Совета Объединенного дворянства; с 1907 г. – Полтавский губернский предводитель дворянства. Член Государственного совета от Полтавского земства (с 1912). С июня 1915 г. – управляющий Министерством внутренних дел, шеф Отдельного корпуса жандармов; в июне – сентябре 1915 г. – министр внутренних дел. После Октябрьского переворота в эмиграции, проживал в Германии.

¹⁰⁹ **Поливанов Алексей Андреевич** (1855–1920). Военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1911). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). С 1905 г. – начальник Главного штаба; с 1906 г. – помощник военного министра. Член Государственного совета (с 1912). По настоянию военного министра генерала В. А. Сухомлинова в апреле 1912 г. отчислен от должности помощника министра. С началом Первой мировой войны принимал активное участие в работе принца А. П. Ольденбургского по эвакуации раненых. С июня 1915 г., после отставки В. А. Сухомлинова, – управляющий делами военного министерства; в сентябре 1915 – марте 1916 г. – военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства. После февраля 1917 г. – председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах и Комиссии по улучшению быта военных чинов. После Октябрьского переворота в июле 1918 г. арестован ВЧК, освобожден. С лета 1920 г. в РККА; член Особого совещания при Главкоме и член Военно-законодательного совета РСФСР; военный эксперт во время советско-польских мирных переговоров в Риге; умер во время переговоров от тифа (по другой версии – застрелился).

¹¹⁰ **Хвостов Алексей Николаевич** (1872–1918). Государственный и политический деятель. С 1893 г. служил чиновником Министерства юстиции. В 1904 г. – Минский, затем Тульский вице-губернатор, с 1906 г. – Вологодский, с 1910 г. – Нижегородский губернатор. В 1912–1913 гг. депутат Государственной думы, председатель фракции правых (с 1915 г. – в беспартийной группе). В сентябре 1915 – марте 1916 г. – министр внутренних дел; уволен в связи с подготовкой заговора против Г. Е. Распутина. В феврале 1917 г. арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства; летом 1918 г. перевезен в Москву; расстрелян ВЧК в октябре 1918 г. после объявления о начале красного террора.

¹¹¹ **Самарин Александр Дмитриевич** (1868–1932). Государственный, общественный и церковный деятель. В 1908–1915 гг. – Московский губернский предводитель дворянства; с 1910 г. – егермейстер Двора Его Императорского Величества. С 1912 г. – почетный опекун опекунского совета учреждений Императрицы Марии. Член Государственного совета (с 1912). С началом Первой мировой войны назначен главноуполномоченным Российского общества Красного Креста по эвакуации во внутренние районы империи. В июле – сентябре 1915 г. – обер-прокурор Святейшего Синода. После отставки вернулся к работе в Красном Кресте. В 1917–1918 гг. – член Всероссийского Поместного собора. После Октябрьского переворота неоднократно арестовывался, умер в заключении.

¹¹² **Щербатов Павел Борисович** (1871–1951). Князь, полковник (1910). В 1905 – июле 1914 г. – адъютант Его Высочества Великого князя Николая Николаевича; с июля 1914 г. – адъютант Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича (оставался адъютантом после перевода Великого князя на Кавказ). Участник Белого движения на Юге России в рядах Вооруженных сил Юга России и Русской армии. В эмиграции в Бельгии.

Поступаясь собственными симпатиями, Государь как бы этим самым доказывал искренность своих намерений стать на примирительную по отношению к общественным кругам позицию. В интересах сближения работы фронта с работой тыла и для обсуждения программы ближайших мероприятий, Император Николай II согласился собрать в Ставке под своим председательством соединенное совещание, почему Совет министров в обновленном виде выехал в Ставку в Барановичи, к 27 июня н. ст.

Это была с начала войны первая встреча Совета министров в его почти полном составе с Верховным главнокомандующим и его начальником штаба. Правда, в отдельности, председатель совета и некоторые министры навещали Ставку и раньше, но беседы с И. Л. Горемыкиным, в силу его известной политической предвзятости и старческой немощности, не могли иметь решающего значения; с отдельными же министрами официально обсуждались в Ставке лишь вопросы частного характера. Фронт и тыл до того времени были разъединены взаимным недоверием и каким-то особенно упорным нежеланием признать необходимость общей согласованной работы для достижения конечного успеха.

Наша тихая и скромная Ставка, расположенная в обширном сосновом лесу близ станции Барановичи, приняла уже накануне совещания праздничный вид. Появились министерские вагоны. Необычно загудели автомобили, развозившие по Ставке приехавших из столицы лиц, которые своими белыми, свежими кителями, резкими пятнами выделялись на общем серо-зеленом фоне. Прибывавшие министры оставались жить в тех же вагонах, в которых они приехали из столицы. Такое размещение вызывалось тем, что сама Ставка в период своего пребывания в Барановичах продолжала тесниться в вагонах.

В императорском же поезде оставался жить и Государь со своей свитой, в периоды довольно частых, хотя непродолжительных наездов его в Ставку. Для царского поезда была устроена своя особая ветка в нескольких стах шагах от ветки к Ставке. К Царскому поезду была проложена также своя автомобильная дорога. Зимой Государь принимал приглашаемых к нему лиц в вагоне-столовой, передняя часть которого служила небольшой гостиной. Вагон этот впоследствии стал историческим, так как в нем Император Николай II подписал акт о своем отречении от Престола.

Летом, в виду жары, на лесной полянке подле царского поезда был раскинут просторный шатер-столовая. В этом шатре и было назначено намечавшееся совещание. Чрезвычайно трудно, после длинной цепи пережитых разочарований, передать то торжественно-светлое настроение, которым была охвачена Ставка в день 27 июня 15-го года! Чувствовали приток свежих сил и чудился поворот к лучшему будущему!

День по погоде выдался на славу. Солнце с утра заблестало ярко и облипало всех своими светлыми радостными лучами. По случаю воскресного дня, наша походная церковь, устроенная в деревянном бараке и украшенная старинными иконами, наполнилась утром до отказа. Вдохновенно служил протопресвитер военного и морского духовенства о. Георгий Шавельский, в сослужении нескольких военных священников и монахов, привезших из дальних монастырей особо почитаемые иконы. Одна из них была немой свидетельницей Бородина. Трогательно пел небольшой, но прекрасный мужской хор певчих.

Император Николай II и рядом с ним Верховный главнокомандующий русской действующей армией!.. Оба фанатично религиозные они занимали свои обычные места в церкви на левом клиресе. Их почти не было видно: только в короткие периоды коленопреклонений, педантично ими выполнявшихся, вырисовывались их силуэты. Вся середина церкви была занята белой группой приехавших министров, окруженных чинами Ставки, в их серых рабочих кителях. У всех торжественно-серьезные лица, отвечавшие внутреннему настроению радостного ожидания...

После завтрака, в 2 часа дня, началось совещание. Как я уже сказал, оно происходило под председательством Государя. Первым докладывал приглашенный в Ставку главноко-

мандующий в Москве князь [Ф. Ф.] Юсупов¹¹³ о недавних событиях в первопрестольной. Доклад этот и послужил основанием для суждений о внутреннем состоянии России. СовеЩание в своем большинстве решительно высказалось за скорейший созыв Государственной думы и за необходимость обращения Императора Николая II к русскому народу с призывом проявить, совместно с правительством, усилие для доведения войны до победного конца. Все эти меры искренно поддерживались Великим князем Верховным главнокомандующим. Затем совещание перешло к вопросу о средствах к коренному обновлению нашей армии и к улучшению условий ее пополнения и снабжения. Решено было произвести досрочный призыв новобранцев, а для улучшения условий снабжения армии – призвать общественные элементы к тесному сотрудничеству с властью и в этой области.

Проект обращения Царя к народу был тут же в совещании прочитан А. В. Кривошеиным. Составленный в виде особого рескрипта на имя председателя Совета министров, он говорил о том, что затянувшаяся война требует для доведения ее до благополучного конца дальнейших напряжений, и что в виду этого правительство, общественные учреждения, русская промышленность и весь русский народ, без различия взглядов и положения, призываются к сплоченной дружной работе для потребностей войны.

«Образовав по вопросам снабжения армии особое совещание, с участием членов законодательных учреждений и представителей промышленности, – говорилось от лица Государя в рескрипте, – я признаю необходимым приблизить и время созыва законодательных учреждений, дабы выслушать голос земли русской».

Затем совету министров указывалось ко времени созыва Государственной думы разработать законопроекты, «вызванные потребностями военного времени»... По окончании совещания участники его получили приглашение к торжественному высочайшему обеду, причем перед обедом члены обновленного совета министров были сняты в общей группе, с Государем в центре, как бы в удостоверение нового курса правительственной политики. Обед, в общем, прошел в столь же повышенном настроении и только мой сосед – А. Д. Самарин – относился пессимистически к будущему. Затем вечером, по окончании обеда, часть министров, с А. В. Кривошеиным во главе, прошли в мой рабочий кабинет, чтобы выслушать доклад о положении дел на фронте. К сожалению, я не мог их порадовать какими-либо утешительными сведениями с фронта, и, напротив, счел себя обязанным предупредить о вероятном оставлении нами в будущем Варшавы. Тем не менее, хотелось верить и верилось, что в задуманном общении Ставки, правительства и всего русского народа найдутся новые силы для выправления трудной обстановки того времени.

Увы! «Не вливают нового вина в старые мехи». Одно оставление на высоком, ответственном посту И. Л. Горемыкина – должно было подорвать доверие к прочности нового курса.

Открытие Государственной думы затягивалось и было выполнено лишь ко дню годовщины объявления войны. Правительство, в конце концов, не приняло программы образовавшегося в думе Прогрессивного блока,¹¹⁴ который предложил ему свою поддержку, и отказало в образовании кабинета «пользующегося доверием страны». Постепенно наиболее передо-

¹¹³ **Юсупов Феликс Феликсович** (1887–1967). Князь, граф Сумароков-Эльстон. После начала Первой мировой войны записался на офицерские курсы при Пажеском корпусе; впоследствии отказался от отправки в действующую армию. Широко известен как один из организаторов заговора с целью убийства Г. Е. Распутина. С 1917 г. в эмиграции. Автор воспоминаний «Конец Распутина» (1927) и «Мемуары» (1953).

¹¹⁴ Прогрессивный блок. Сформировался в августе 1915 г. из депутатских фракций IV Государственной думы и Госсовета Российской империи. В его состав вошли в основном члены шести парламентских партий из числа прогрессистов, кадетов, октябристов и «прогрессивных русских националистов» и др.; создание блока объяснялось тревогой политических партий и общества в целом, вызванной «великим отступлением» Русской армии весной – летом 1915 г. После Февральской революции 1917 г. лидеры Прогрессивного блока вошли в состав Временного правительства.

вые министры, мечтавшие о примирении и совместной работе с Государственной думой, принуждены были оставить свои посты.

Русская армия продолжала отступление. Война была перенесена на родную территорию, и над Россией стали сгущаться темные сумерки...

Отношения Великого князя Николая Николаевича, как Верховного Главнокомандующего, к различным вопросам военно-дипломатического характера

Россия вела против союза Центральных держав коалиционную войну, и эти сложные условия в значительной мере требовали привлечения Главнокомандующего русскими вооруженными силами к участию в решении разного рода возникавших дипломатических вопросов. Русский министр иностранных дел С. Д. Сазонов был человеком либерально-прогрессивного направления; он не замкнулся в кругу собственного ведомства и ясно понимал важность и целесообразность тесного взаимодействия дипломатии и обнажившегося меча, почему допускал довольно широкий обмен мнениями между чинами своего министерства и Ставкой. К тому же, ко времени начала войны та холодность отношений, которая существовала раньше у Сазонова по отношению к Великому князю Николаю Николаевичу, из-за эгоистической балканской политики родственников последнего по жене, совершенно изгладились, под впечатлением тактичности и выдержки в том же вопросе самого Великого князя.

Впрочем, и по Положению о полевом управлении войск в военное время министр иностранных дел обязан был ставить Верховного главнокомандующего в известность о всех важнейших и могущих иметь значение для войны дипломатических договорах с иностранными державами, а Верховному главнокомандующему, в случае нахождения вооруженных сил на территории союзных государств, принадлежало право определения отношений войск к правительственным учреждениям и к местному населению этих государств, руководствуясь соответствующими соглашениями и договорами русского правительства.

С целью облегчения сношений по дипломатической части, при начальнике штаба состояла особая дипломатическая канцелярия, во главе которой стоял князь Н. [А.] Кудашев¹¹⁵ – бывший советник российского посольства в Вене, а в виду его запоздалого прибытия и частых отлучек, по службе в Петербург – Н. А. Базили,¹¹⁶ исполнявший обязанности вице-директора. Оба названных лица, и в особенности Н. А. Базили, сумели своим тактом и выдержкою приобрести большое доверие старших военных чинов Ставки, чем в значительной степени сглаживали возникавшие деловые разногласия и облегчали общую работу министерства иностранных дел и Ставки, на пользу России и ее союзников.

Ниже характеризуется отношение Великого князя ко всем главнейшим военно-дипломатическим вопросам, возникавшим в период пребывания его на посту Верховного главнокомандующего.

1. Польский вопрос и взгляд Великого князя Николая Николаевича на управление завоеванной Галичиной

В вопросе о покровительстве России западным славянам, русскому правительству всегда давали понять, что ее внутренняя политика по отношению к подвластной ей части

¹¹⁵ **Кудашев Николай Александрович** (1868–1925). Князь, дипломат. С 1902 г. – первый секретарь российского посольства в Токио; в 1905 г. – член российской делегации на мирной конференции в Портсмуте; с 1906 г. – первый секретарь российского посольства в Константинополе; в 1910–1913 гг. – временный поверенный в делах России в США. В годы Первой мировой войны с 1914 по 1916 гг. – директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного Главнокомандующего; осуществлял координацию деятельности Ставки и МИДа. В 1916–1917 гг. – посол в Китае.

¹¹⁶ **Базили Николай Александрович** (1883–1963). Дипломат. С 1903 г. служил в МИДе; в 1905–1908 гг. – при канцелярии МИДа; с 1908 г. – 2-й секретарь российского посольства во Франции; в 1912–1916 гг. – вице-директор канцелярии МИД. С началом Первой мировой войны сотрудник, а в 1916–1917 гг. – директор Дипломатической канцелярии МИДа при Ставке Верховного главнокомандующего; с апреля 1917 г. – советник российского посольства во Франции. Умер в эмиграции.

Польша не дает уверенности в том, что прочие славянские народы, подпав под влияние русской монархии, не подвергнутся насильственной «русификации», совершенно для этих народов неприемлемой. Поэтому, когда началась война с Центральными державами, которая по существу в отношении австрийских славян являлась войной «освободительной», то для приобретения симпатий и доверия тех миллионов населения средней Европы и Балканского полуострова, которые так или иначе связаны со славянством, явилась необходимость дать, прежде всего, яркое доказательство уступчивости России в вопросе о внутренней свободе поляков.

На почве этих соображений, в министерстве иностранных дел родилось предположение о необходимости издания особого воззвания к полякам, которым закреплялось бы их будущее национальное развитие. Эта мысль в полной мере разделялась Великим князем Николаем Николаевичем, призванным к тому времени на высокий пост русского Верховного главнокомандующего. Великий князь ясно понимал необходимость такого шага для привлечения на русскую сторону сердец тех, которые с надеждою взирали на Россию, но с некоторым недоверием относились к правительству, стоявшему до войны во главе русского народа.

К тому же Великий князь, по своим настроениям, сложившимся под влиянием частых поездок в Польшу на воинские маневры или просто для развлечения охотой, искренно симпатизировал населению этого края; он хорошо его знал и имел в нем многочисленных друзей и почитателей, особенно среди польской знати. Скерневицы и Беловеж, обилием разного рода дичи, часто привлекали его в осеннее охотничье время, а обширные знакомства в польском обществе, и редко импозантная фигура Великого князя, создали ему широкую в крае популярность. Одно время Император Николай II даже как будто подумывал о назначении его (после генерала [М. И.] Черткова¹¹⁷) в Варшаву своим наместником. В общем, Великий князь являлся, безусловно, скорее другом, чем врагом раскрепощения внутренней свободы польского народа.

По поручению министра иностранных дел, один из сотрудников С. Д. Сазонова князь граф [Г. Н.] Трубецкой,¹¹⁸ совместно с членом Государственного совета графом С. [А.] Велепольским,¹¹⁹ составили проект соответствующего воззвания к полякам, который затем был одобрен Великим князем и им подписан. В таком виде воззвание это было представлено Государю. Однако Император Николай II выразил мысль, не следует ли данному воззванию, для большей его значительности, придать форму манифеста от Высочайшего Имени. Вопрос вследствие этого затянулся и, не дождавшись окончательного решения его, Великий князь уехал из Петербурга в Ставку.

С. Д. Сазонов не придавал особого значения той или иной форме воззвания, но в некоторых правительственных и особенно дворцовых кругах, опасавшихся всякого решитель-

¹¹⁷ **Чертков Михаил Иванович** (1829–1905). Военный и государственный деятель, генерал от кавалерии (1883), генерал-адъютант (1869). Участник Крымской (1853–1856) и Кавказской войн (1829–1864). В 1861–1864 гг. – Воронежский военный губернатор и управляющий гражданской частью; в 1864–1867 гг. – Волынский военный губернатор и управляющий гражданской частью; в сентябре 1877 – январе 1881 г. – временный Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа. Член Государственного совета (с 1881). С марта 1901 г. Варшавский генерал-губернатор, командующий войсками Варшавского военного округа.

¹¹⁸ **Трубецкой Григорий Николаевич** (1874–1930). Князь, государственный и политический деятель, дипломат, публицист. В 1896–1906 гг. занимал дипломатические посты в Вене, Берлине и Константинополе; в 1906 г. вышел в отставку. В 1910 г. приглашен министром иностранных дел С. Д. Сазоновым возглавить ближневосточный отдел МИДа; в 1914–1915 гг. – посланник в Сербию. В 1917–1918 гг. – участник Всероссийского Поместного собора. Участник Белого движения; в декабре 1917 г. отправился в Новочеркасск в Добровольческую армию; в январе 1918 г. вошел в состав Особого совета при командовании Добрармией; с уходом армии в Первый Кубанский поход в феврале вернулся в Москву; один из организаторов Правого центра. С лета 1919 г. – начальник Управления по делам исповеданий Особого совещания при главкоме ВСЮ. А. И. Деникине; в 1920 г. в составе Правительства Юга России генерала П. Н. Врангеля замещал отсутствующего П. Б. Струве, отвечавшего за внешние сношения. С 1920 г. в эмиграции.

¹¹⁹ **Велепольский Сигизмунд Александрович** (1863–1919). Граф, управляющий княжеством Ловичским, член Государственного совета по выборам от западных губерний.

ного и бесповоротного шага, намерение Государя было встречено с большими сомнениями. Чтобы лучше понять возможность этих разногласий, необходимо припомнить, что в довоенной России не существовало объединенного правительства. Министры назначались непосредственной волей Государя, считали себя ответственными только перед верховной властью и в своем министерстве проводили ту политику, которая считалась ими наилучшей. Поэтому, наряду с министерствами более либерального оттенка, могли существовать другие министерства, для которых охранение государственной рутины и косности было непререкаемым лозунгом.

– Я не сомневаюсь в том, – говорил дряхлый, отяжелевший председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, – что Польша созрела до автономии или самоуправления, но я очень сомневаюсь в том, будет ли полезно для России дарование внутренней свободы польскому народу.

И в этом направлении Горемыкин шел до логического конца:

– Не будет ли польская автономия служить заразительным примером для других народов России и не выгоднее ли в таком случае вовсе отказаться от Царства Польского?

С точки зрения близорукой внутренней охранительной политики того времени, доводы «милого старика» являлись убедительными и потому нельзя удивляться, что ими мог проникнуться Император Николай. Последний предпочел отказаться от первоначальной своей мысли, вследствие чего 11 августа известное воззвание к полякам появилось в печати за подписью Великого князя Верховного главнокомандующего.

«Поляки, – говорилось в нем. – Пробыл час, когда мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жива надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения ее с Великой Россией.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере и языке, в самоуправлении».¹²⁰

С изданием этого возвания настойчиво торопил Велепольский, по-видимому, опасавшийся возможности полной перемены настроений в русских правительственных кругах.

– Почему воззвание вышло за мою подпись, – спросил у Н. А. Базили, назначенного до приезда князя Кудашева состоять при Ставке для ведения дипломатической переписки, Великий князь Верховный главнокомандующий, узнавший об этом факте уже в пути, в Лиде, где временно соединился поезд Верховного с поездом состоявшего при нем штаба.

– Не могу точно доложить Вашему Императорскому Высочеству. По-видимому, таково было решение Государя Императора, – ответил Н. А.

Этим ответом для Великого князя весь вопрос исчерпывался.

Воззвание Великого князя не произвело ожидавшегося впечатления среди поляков. Как левые группы, придерживавшиеся по преимуществу австрофильской ориентации, так и умеренно-правые объединения, более склонные к сговору с Россией, нашли это воззвание составленным в слишком неопределенных и малосодержательных выражениях. В этом успели убедиться уже из ответа министра иностранных дел, на запрос русского посла в Париже А. П. Извольского, по поводу выражения «самоуправление», употребленного в воззвании Великого князя и переведенного агентством Гавас¹²¹ словом «autonomie».¹²² С. Д.

¹²⁰ Полный текст манифеста см. в этой книге в разделе документы (С.??).

¹²¹ Французское информационное агентство «Гавас» («Agence Navas») – старейшее информационное агентство; основано в 1835 г. парижским переводчиком Шарлем-Луи Гавасом; в 1940 г. закрыто правительством Виши. На его базе в 1944 г. создано агентство «Франс Пресс» («Agence France-Presse»), крупнейшее французское информационное агентство.

Сазонов, на сделанный ему запрос, принужден был ответить, указывая, что не настало еще время облекать «общие обещания» в более конкретные формы. Полякам рекомендовалось проявить «доверие» к сделанным заявлениям и «терпение» в отношении времени их осуществления. Базируясь на недостаточности данных обещаний, представитель левых политических группировок [Ю.] Пилсудский,¹²³ со своими легионерами, боявшийся растворения этих «кадров будущей польской армии» в австрийских имперских войсках, немедленно после воззвания выступил с ними самостоятельно против России. Что касается более правых кругов, мечтавших лишь о федеративном устройстве, но в пределах России, с которой у Польши существовали крепкие экономические узы, то они сначала отозвались на воззвание и лишь впоследствии постепенно пришли к заключению, что воззвание Великого князя стоит совершенным особняком от общих настроений правительственных и правящих сфер.

Опираясь на личные чувства симпатии к Великому князю, некоторые влиятельные представители этих кругов довели до его сведения, что, веря в военный успех русского оружия, они выражают готовность выставить при помощи американских соплеменников до полумиллиона польских войск и взять на себя расходы по их снабжению. При этом они ставили условием только снабжение этих войск офицерским составом, очевидно, рассчитывая на офицеров-поляков, служивших в русских войсках, и предоставление права ношения польскими войсками какого-либо внешнего признака их национальности.

Исходя из соображений осторожности и зная настроение правящих сфер, Великий князь Николай Николаевич ответил полякам в том смысле, что возбуждаемые ими вопросы, вообще говоря, выходят за пределы его компетенции, как Верховного главнокомандующего. Чтобы несколько смягчить эту пилюлю, полякам, вместе с тем, было сообщено, что всякая помощь в борьбе, оказываемая нам поляками, не может быть принята иначе, как с благодарностью. Вместе с тем, Великим князем был сделан намек польским представителям, что образование «отдельных» польских войск может встретить затруднение в том, что мы отказались признать за австрийскими сокольскими организациями характер комбатантов, но что полякам предоставляется полная возможность партизанских действий в тылу неприятеля за свой собственный риск.

Переговоры эти не получили дальнейшего развития, хотя начальник Штаба Верховного главнокомандующего после неудачи русского наступления в Восточную Пруссию и продолжал от своего имени вести конфиденциальные переговоры с поляками о призыве в русской Польше ополчения, в количестве даже нескольких сот тысяч человек. Думается, однако, что каждому лицу, трезво смотревшему на условия обстановки, должна была быть совершенно очевидна несерьезность этих переговоров.

В дальнейшем, на имевших место русско-польских совещаниях, председатель Совета министров П. Л. Горемыкин ясно подчеркивал свою точку зрения о том, что заявления, сделанные в воззвании Верховного главнокомандующего, даны лишь на случай объединения Польши в одних границах.

¹²² Автономия (фр.).

¹²³ **Пилсудский Юзеф** (1867–1935). Польский государственный и политический деятель, маршал Польши (1920), первый глава возрожденного после перерыва польского государства. С 1892 г. – член Польской социалистической партии (ее националистического крыла), создавал террористические боевые группы. В преддверии начала Первой мировой войны занимался созданием польских военизированных группировок в Галиции; в 1913 г. организовал в Струже офицерские курсы Стрелецкого союза; при покровительстве австрийских властей из военно-спортивных организаций «Стшелец», «Сокол» и других формировались Польские легионы. В годы Первой мировой войны командовал созданными частями, сражавшимися на Восточном фронте против России на стороне Австро-Венгрии и Германии. С 1918 г. – диктатор (временный начальник) Польши, с 1926 г. – военный министр и генеральный инспектор вооруженных сил; в 1926–1928 гг. и в 1930-е гг. – премьер-министр.

– Есть Познань и т. д. – есть и автономия, нет Познани – нет и автономии, – так приблизительно поняли польские члены этого совещания слова Горемыкина. Возникали также горячие споры вокруг точного значения слова «автономия» и «самоуправление».

Главными заботами Горемыкина на этих заседаниях было выяснение двух вопросов: какую форму правления – монархическую или республиканскую – избрала бы Польша в случае отделения от России, и не сделалась ли бы она орудием Германии против России?

Создавалось впечатление, будто правительство того времени действительно предпочло бы потерять Польшу, чем согласиться на ее федерирование с Россией. Могла ли, при таких условиях, крепнуть идея широкой и свободной всеславянской федерации после победной войны?

Я не имею в данном очерке в виду ни доказывать, ни отвергать поставленный вопрос. Ограничусь лишь указанием на то, что почва к образованию славянского единения в начале войны существовала. Созданию благоприятных условий для такого единения послужило вторжение в пределы Австро-Венгерской монархии, являвшейся главным врагом западных славян, при открытии военных действий огромных русских сил. До 50 пехотных дивизий получили своей задачей разгром вооруженных сил Дунайской лоскутной монархии, долженствовавший привести к возбуждению в австрийских славянах центробежных устремлений в отношении Австрии и центростремительных – по отношению к России.

Вторжению русских войск в пределы империи Габсбургов предшествовало обращение ко всем славянским народам, находившимся под австрийским владычеством, русского Верховного главнокомандующего. В этом обращении Великий князь Николай Николаевич призывал славянские народы встать на борьбу за свою свободу и оказать содействие успехам русских войск, видя в этих войсках своих освободителей. Усилия русских войск увенчались как известно, значительным успехом. 3 сентября 1914 г. русские войска заняли Львов, а к середине того же месяца они стояли уже на пути к Кракову. Разгромленные австро-венгерские армии уходили за Карпаты. Целые славянские полки передавались на русскую сторону и в короткое время за Юго-Западным фронтом Русской армии скопилось несколько сот тысяч австро-венгерских военнопленных, среди которых большинство принадлежало к славянам.

Из всех завоеванных местностей Восточной Галичины распоряжением Верховного главнокомандующего было образована особое генерал-губернаторство. К сожалению, в соответствии с Положением о полевом управлении войск в военное время генерал-губернатор Галичины был непосредственно подчинен главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта, генералу Иванову, который слишком прислушивался к настроениям, господствовавшим при дворе, и в соответствии с этими настроениями подбирал необходимый для административного устройства края личный персонал.

Впрочем, ответственный пост военного генерал-губернатора Галичины, с согласия Великого князя, был вверен генералу графу Г. А. Бобринскому – человеку лично вполне достойному, но слабому волей и недостаточно подготовленному к выполнению сложных и многотрудных обязанностей по управлению занятым краем. В начале своей службы – строевой офицер одного из гвардейских кавалерийских полков, он перед назначением в Галичину состоял в чине генерала при военном министре. Я думаю, что при назначении его на последнюю роль сыграли родственные связи его с графом [А. А.] Бобринским¹²⁴ известным членом Государственной думы, специально изучавшим положение славянского вопроса в Австрии. Как бы то ни было, но при графе Г. А. Бобринском началась, под влиянием прибывшего из

¹²⁴ **Бобринский Алексей Александрович** (1852–1927). Граф, русский политический и государственный деятель, археолог. В 1906–1912 гг. – председатель Совета объединенного дворянства, депутат III Государственной думы. Член Государственного совета (с 1912). В 1916 г. заместитель министра внутренних дел, затем министр земледелия. В 1886–1917 гг. – председатель Археологической комиссии. После Октябрьского переворота входил в монархический Совет государственного объединения России; с 1919 г. в эмиграции.

России реакционного чиновничества, та несчастная роковая политика, которая на всю войну скомпрометировала русское дело среди австрийских славян.

Разного рода угнетения и мелкие раздражавшие придирки начались в области религии, прессы, свободы передвижения и внутренней жизни местного населения, привыкшего, даже в период австрийского владычества, к известной свободе. При этом борьба населения с чинившимися ему притеснениями мелкого чиновничества и всякого рода взяточничеством, возводилась, к сожалению, администрацией на степень борьбы с Россией.

Глубоко печальна была политика русской церковной администрации в области религии. С целью распространения православия, к местному униатскому населению стремились применить суровое положение об «упорствующих», изданное по отношению к русским униатам при Императоре Николае II. Особое возбуждение вызвано было высылкой из Галичины униатского митрополита Шептицкого.¹²⁵ Хотя мера эта была мотивирована политической деятельностью названного лица, в которой местные власти усмотрели агитацию, направленную к отторжению Украины от России, но население почувствовало себя оскорбленным в религиозном отношении, лишившись главы исповедуемой им церкви.

Равным образом и в области свободы слова преследовалось все то, что так или иначе служило защите самоуправления и из газет разрешены были только те, которые стояли за скорейшее слияние края с центральными районами России.

В установлении столь тяжкого для местного населения режима не приходится возлагать вину на Великого князя Николая Николаевича, который, по званию Верховного главнокомандующего, имел крайне ограниченное влияние на дела внутренней политики, не имея даже своего представителя в Совете министров. Таковым мог бы быть, конечно, в порядке неофициального военный министр, но, при недостаточно доверчивых отношениях между Великим князем Николаем Николаевичем и генералом Сухомлиновым, комбинация эта являлась неосуществимой.

Русское Положение о полевом управлении войск в военное время, как я уже отмечал, было приноровлено к предположению, что во главе действующих войск будет находиться Государь Император. В этом случае одному и тому же лицу были бы подчинены начальник Штаба действующих армий и все вообще министры, во главе с председателем Совета министров. Объединение деятельности на фронте и в тылу, при подобной схеме, легко могло бы быть осуществляемо. Но, с назначением особого Верховного главнокомандующего, связь фронта с тылом порывалась, а при подозрительном отношении придворных сфер к возроставшей популярности Великого князя, проведение взглядов Ставки, в особенности противоречащих установившимся взглядам на управление окраинами, являлось делом крайне трудным и деликатным.

Великий князь Николай Николаевич отчетливо понимал, что нарушение привычных порядков в стране лишь оккупированной, в результате военного успеха (каковой по существу только и была Галичина), создает в ней крайне раздражающее впечатление и может лишь серьезно повредить престижу России во всех остальных славянских землях. Центральное же правительство России смотрело на дело иначе: оно верило в прочность присоединения восточной Галичины к России и считало необходимым скорейшее введение в ней общерусских приемов управления. Доказательством правильности этих слов может служить пожа-

¹²⁵ Митрополит Андрей (в миру – граф Роман Мария Александр Шептицкий) (1865–1944). Предстоятель Украинской грекокатолической церкви в 1900–1944 г. С 1900 г. – митрополит Галицкий, архиепископ Львовский и епископ Каме-нец-Подольский; занимался политикой, был депутатом Галицийского сейма, австрийской Палаты господ. Во время Первой мировой войны, когда после Галицийской битвы Львов был занят русскими войсками, остался во Львове со своими прихожанами; в сентября 1914 г. был арестован русскими военными властями за антирусские проповеди. Отправлен в ссылку в Россию; после февраля 1917 г. освобожден Временным правительством, вернулся во Львов. Активно поддерживал создание Западно-Украинской народной республики, позднее сотрудничал с польскими властями. В годы Второй мировой войны занимал антисоветскую позицию.

лование Верховному главнокомандующему почетной шашки с надписью: «За освобождение Червонной Руси»¹²⁶ и вся обстановка поездки Императора Николая II в Галичину в апреле 1915 г.

Угодничеством местной власти было придано пребыванию Государя во Львове и отчасти в Перемышле впечатление триумфального въезда русского Царя в историческую вотчину потомков Галичских князей, что было сделано несмотря на твердо выраженное Великим князем требование о придаче этой поездке характера лишь простого посещения Верховным главой Русской армии некоторых войсковых частей в занятом по праву войны участке фронта. Что мог сделать при таких условиях Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич?

Осведомленный о роковой политике русской администрации в завоеванной области, Великий князь с особым сочувствием согласился на предложенное ему осенью 1914 г. министром иностранных дел командирование во Львов, с информационными целями, состоявшего при Ставке вице-директора канцелярии министерства иностранных дел Н. А. Базили. Поездка эта окончилась, однако, весьма печально. Прибыв во Львов и ознакомившись на месте с положением дел, Н. А. Базили послал в Ставку телеграмму с рядом пунктов, в которых были изложены бестактности и несправедливости, чинимые чиновничеством, по мнению автора, населению. Содержание этой телеграммы сделалось, конечно, немедленно известным генералу Иванову, главнокомандующему войсками Юго-Западного фронта, человеку, как я уже сказал, крайне угодливому и очень примитивной складки. Чувствуя под собою в данном вопросе наличие правительственной поддержки, он, на следующий день, письменно предложил Н. А. Базили оставить пределы Галичины. Формально, – это было в его правах.

По возвращении в Ставку Н. А. Базили и подробном докладе Великому князю всего им виденного, Верховный главнокомандующий распорядился известить председателя Совета министров подробным письмом о несоответственном направлении внутренней политики принятой администрацией в завоеванном крае, на том дело и кончилось. Н. А. Базили имел личный доклад по этому вопросу у Горемыкина, но ничто не указывало, чтобы этот доклад имел какой-либо практический результат. Правда, в январе 1915 г. граф Бобринский был вынужден особым распоряжением рекомендовать своей администрации полную веротерпимость и прекращение каких-либо враждебных выступлений в области церковно-религиозной, но насколько этим указаниям прониклись на местах – сказать очень трудно.

¹²⁶ Высочайший рескрипт на имя Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича гласил: «Ваше Императорское Высочество! Неуклонно следуя предначертаниям Моим, ведущим к осуществлению славных заветов наших предков – освобождению славянства от ига вражеского, благодаря непоколебимой твердости и настойчивости Вашей воли при самых серьезных обстоятельствах тяжелой брани завоевали вверенными Мною мудрому Вашему предводительству российскими войсками родственную России Червонную Русь и ныне успешно продолжаете отторжение подъяремной Руси. Этот великий подвиг беззаветно храброго российского воинства под Вашим опытным водительством навсегда останется запечатленным светлой страницей в истории нашей могучей Родины. Ныне лично посетив освобожденную от австрийского владычества Галичину и убедившись в блестящем порядке и заботливости положенных в основание правления завоеванного нами края, Я, глубоко ценя Вашу деятельность, равно крупные заслуги Ваши перед Престолом и Россией, желая явить Вам новое доказательство душевной Моей признательности, жалую при сем препровождаемую Георгиевскую саблю бриллиантами, оснащенную с надписью “За освобождение Червонной Руси”. Да благословит Вас и вверенные Вам Мною войска Всемогущая десница Всевышнего на новые подвиги во славу Российского оружия и на победу над дерзким и упорным врагом России. Пребываю к Вам всегда и неизменно благосклонный. На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою начертано “Глубоко Вас любящий и благосклонный НИКОЛАЙ”. Ст. Броды. 12 апреля 1915 г.» (РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 13. Л. 324–326).

2. Турция и вопрос о проливах

В самом начале войны в русском министерстве иностранных дел получена была телеграмма М. Н. Гирса,¹²⁷ нашего посла в Константинополе, из которой было видно, что при свидании Энвер-паши,¹²⁸ назначенного только что главнокомандующим мобилизовавшейся турецкой армии, с генералом [М. Н.] Леонтьевым,¹²⁹ русским военным агентом в Турции, Энвер сделал ряд предложений, касающихся поведения Турции в начавшейся войне.

За известные компенсации и оборонительный союз с Россией на 5–10 лет Энвер-паша предлагал:

1. Отозвать турецкие войска с Кавказской границы.

2. Предоставить в распоряжение России турецкую армию во Фракии, могущую действовать против любого балканского государства, в том числе и против Болгарии, если она пойдет против России.

3. Удалить из пределов Турции всех германских инструкторов.

С. Д. Сазонов, сомневавшийся в искренности предложений Энвер-паши, тем более, что последний медлил передать свой разговор с генералом Леонтьевым великому визирю, запросил по данному вопросу мнение Делькассе, который в это время был накануне вступления в управление французским министерством иностранных дел, и со времени пребывания его послом в Петербурге пользовался большим авторитетом в русских дипломатических сферах.

Наш посол в Париже, А. П. Извольский, служивший в этом вопросе посредником, телеграфно ответил в Петербург, что Делькассе не думает, чтобы переговоры с Турцией могли бы к чему-нибудь привести. Поэтому он считал более целесообразным обеспечить, не теряя времени, восстановление Балканского блока, направив его против Турции. Такая политика, по мнению Делькассе, соответствовала бы в более значительной степени французской¹³⁰ и английской точке зрения на данный вопрос.

¹²⁷ **Гирс Михаил Николаевич** (1856–1932). Государственный деятель, дипломат. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). С 1894 г. – младший советник Министерства иностранных дел; с 1897 г. – посланник в Бразилии; в 1898–1901 гг. – посланник в Китае; с 1902 г. – в Баварии, в 1903–1911 гг. – в Румынии. В 1911–1914 г. – чрезвычайный и полномочный посол при султани в Константинополе. После вступления Османской империи в войну в 1915 г. занял пост посла России в Италии. После Октябрьского переворота остался за рубежом; в эмиграции возглавил совет бывших послов, входил в состав Русского политического совещания; представитель генерала П. Н. Врангеля при командовании союзников.

¹²⁸ **Исмаил Энвер** (Энвер-паша или Энвер-бей) (1881–1922). Турецкий военный и политический деятель. Активный деятель Младотурецкой революции 1908 г., один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс». В январе 1913 г. провел государственный переворот, вошел в неофициальный триумvirат, сосредоточивший в своих руках всю власть в стране. Инициатор заключения Турцией военного союза с Германией и последующего вступления в Первую мировую войну; один из главных идеологов пантюркизма и панисламизма. В годы Первой мировой войны занимал пост заместителя главнокомандующего (формально главнокомандующим числился султан) турецкой армии. Вместе с Талаат-пашой и Джемаль-пашой был одним из главных организаторов геноцида армян. В сентябре 1918 г. в нарушение Брест-Литовского договора 1918 г. начал интервенцию в Закавказье. В конце 1918 г. после подписания Турцией Мудросского перемирия бежал в Германию; позднее некоторое время находился на территории Советской России; неудачно пытался проникнуть в Анатолию с целью возглавить борьбу против Атаатюрка. В конце 1921 г. принял участие в антисоветском басмаческом мятеже в Средней Азии; убит в бою с частями Красной армии.

¹²⁹ **Леонтьев Максим Николаевич** (1871–1948). Генерал-майор (1913). В 1901 г. – помощник военного агента (атташе) в Константинополе; в 1901–1905 гг. – военный агент в Румынии; в 1905–1911 гг. – военный агент в Болгарии; с 1911 г. – военный агент в Константинополе. Участник Первой мировой войны; с ноября 1914 г. исполняющий должность генерал-квартирмейстера Генерального штаба; с июля 1916 г. – командующий 4-й Особой пехотной бригадой, отправленной во Францию, а затем на Салоникский фронт; с июля 1917 г. – в распоряжении начальника Генерального штаба; в 1917 г. назначен военным агентом в Греции. В начале 1918 г. выехал во Францию как представитель Временного правительства; в 1920 г. – военный агент и представитель Русской армии генерала П. Н. Врангеля в Праге.

¹³⁰ Делькассе был назначен французским министром иностранных дел 27 августа 1914 г. – *Прим. автора.*

Параллельно с этим, нашему послу на Quai d'Orsay¹³¹ дано было понять, что для дела Держав согласия, быть может, было бы даже выгоднее допустить Турцию в состав противной стороны, дабы, в случае победы, покончить с нею, как с европейской державой, раз навсегда.

Так как в случае враждебного выступления против Держав согласия Турции, главную опасность представляла ее армия, сосредоточенная на европейском театре, а не на азиатском, то, зная вероломство турецкой политики, представлялось бы чрезвычайно рискованным дать Турции возможность беспрепятственно собрать ее 200-тысячную армию во Фракии, при каком положении она могла оказаться хозяином положения на всем Балканском полуострове. Это соображение должно было иметь тем большее значение, что русский посол в Константинополе, Гирс, высказывавшийся вообще за скорейшее принятие предложения Энвера, в целях отрыва Турции от сближения с Германией, вместе затем сообщал, что в его руках имеются определенные свидетельства наличия секретных переговоров между Турцией и Болгарией, касательно общности действий в наступившем кризисе, опираясь на Австрию и Германию. Хотя и существовало мнение, что Турция еще не окончательно связана с союзом Центральных держав, но позиция Германии, занятая ею в Константинополе со времени вступления императора Вильгельма II на престол, и наличие в Турции германской военной миссии ясно доказывали, что оттоманское правительство давно уже перестало быть свободным в выборе союзников.

Еще в 1910 г., в бытность нашего министра иностранных дел в Германии, С. Д. Сазонов имел случай беседовать с императором Вильгельмом в Потсдаме по вопросу об отношениях Германии и Турции. В этой беседе русский министр коснулся роли Германии в развитии панисламистского движения.

– Пока пропаганда эта оставалась исключительно на религиозной почве, – сказал С. Д. Сазонов, – т. е. служила проявлением лишь духовной идеи халифата, Россия могла еще относиться к ней без особой тревоги. Но с тех пор, как пропаганда панисламизма приняла характер политический, наше отношение к ней, – сказал русский министр, – должно измениться. Выступление германского императора в роли покровителя мусульман не может не внушать нам немало беспокойства. Появление нового халифата – «берлинского» – естественно должно беспокоить Россию, насчитывающую свыше 20 миллионов мусульманских подданных, и вызывать ее недоверие.

В силу всех этих соображений, предложение Энвера, естественно, не могло не вызвать к себе подозрений и поэтому Великий князь Верховный главнокомандующий не считал желательным давать турецкому правительству право делать заключение о важности для России отвода от нашей кавказской границы войск 9-го и 11-го пограничных корпусов. В самом деле, в политическом отношении такая позиция могла бы быть истолкована как признак слабости России; в действительности же, Турция, с военной точки зрения, по тогдашней оценке, не представляла русской кавказской границе особой угрозы. Гораздо более важной задачей представлялось препятствование Турции сосредоточить ее силы во Фракии.

Телеграмма русского консула в Дарданеллах о том, что германские военные суда «Гебен»¹³² и «Бреслау»¹³³ входят в пролив, прервала обсуждение предложений Энвера, хотя и встречавших, по-видимому, сочувствие у великого визиря, но далеко не вызывавших среди членов правительства полного единства. По мнению Верховного главнокомандующего, факт пропуска немецких боевых судов через проливы являлся решающим в отношении дальней-

¹³¹ Набережная Орсе (фр.). Имеется в виду позиция, озвучиваемая русским послом во французском МИДе.

¹³² «Гебен» – германский линейный крейсер типа «Мольке» (введен в строй в 1912). В 1914–1917 гг. в составе турецкого флота под именем «Султан Селим Грозный» вел боевые действия против русского Черноморского флота. Был флагманом ВФМ Турции до 1950 г.; в 1973 разрезан на металл.

¹³³ «Бреслау» – германский легкий крейсер типа «Магдебург». В 1914 г. передан Турции; в годы Первой мировой войны вместе с крейсером «Гебен» вел операции на Черном море; в январе 1918 г. подорвался на минах и затонул.

шей позиции Турции. Никакие уверения о покупке этих судов у Германии не могли, конечно, изменить впечатления грубейшего нарушения нейтралитета Турции в пользу Германии. Русский министр иностранных дел в своей телеграмме на имя посла в Константинополе свидетельствовал, что статьей 56-й Лондонской морской декларации 1909 г., хотя и не ратифицированной, но уже применявшейся державами и потому приобретшей характер обычного международного морского права, признается переход под нейтральный флаг неприятельского торгового судна после открытия военных действий ничтожным. Тем с большим основанием, – добавлял С. Д. Сазонов, – положение это должно быть применимо к военным судам.

Тем не менее, несмотря на этот протест, окончательного разрыва с Турцией не произошло. Прибывшие в Константинополь германские военные суда, между тем, продолжают свое вызывающее поведение; они бросают якорь у входа, против Буюк-Дерэ, в виду летней резиденции, занимавшейся русским послом. Последнему ясно слышны звуки немецкого гимна «Deutschland über Alles»,¹³⁴ ежедневно исполняемого на борту названных крейсеров. В дальнейшем, чтобы симулировать продажу Турции крейсеров, немецкий флаг на них заменяется турецким, названия судов переделываются на турецкий лад, а команды, оставшиеся на судах, довершают маскарад заменой своих немецких головных уборов на фески.

Прибытие в Константинополь немецких военных судов вызвало в населении турецкой столицы взрыв энтузиазма. М. Н. Гирс сообщает в Петроград 14 августа: «Здесь упорно держится слух о возможности прихода двух австрийских военных судов, крейсирующих в Эгейском море. Их появление окончательно вскружит голову туркам...»

И в самом деле. Усиление турецкого военного флота двумя крупными боевыми судами из состава германских морских сил делало уже возможным выход наших противников в Черное море. К тому же во главе этого соединенного флота становится энергичный немецкий адмирал [В.] Сушон,¹³⁵ который, как до нас дошли слухи, по указанию германского посла барона [Г.] фон Вангенгейма,¹³⁶ и выполняет в конце октября 1914 г. набег на русские черноморские берега, явившийся началом открыто-враждебного выступления Турции против России.

По сообщению русского посла в Константинополе, хорошо знавшего нравы Порты, не будь эта развязка дана самими немцами, неопределенное поведение Турции в отношении России – не мир и не война – могло бы продлиться еще довольно долго. Но Германия была как раз в это время весьма заинтересована созданием возможных затруднений России в виду развития армиями последней широкого наступления на левом берегу реки Вислы, в направлении Силезии.

Впоследствии выяснилось намерение со стороны наших военных противников объяснить нападение на русские прибрежные пункты репрессией за минную атаку русских миноносцев турецкой эскадры, якобы мирно упражнявшейся в Черном море, вблизи Босфора, в учебной стрельбе. Однако С. Д. Сазонов немедленно и вполне категорически отверг

¹³⁴ Германия превыше всего (нем.).

¹³⁵ **Сушон Вильгельм Антон** (1864–1946). Германский адмирал. В 1896–1900 гг. служил в Главном командовании ВМФ; в 1902–1904 гг. – в Адмирал-штабе; во время Русско-японской войны (1904–1905) – начальник штаба крейсерской эскадры в Восточной Азии; в 1906–1907 гг. – в Имперском морском управлении; в 1909–1912 гг. – начальник штаба ВМС на Балтике. В октябре 1913 г. возглавил германскую Средиземноморскую эскадру (линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау»). В августе 1914 г. привел эскадру в Черное море, что ускорило вступление Турции в войну на стороне Четверного союза; номинально эскадра была включена в состав турецкого флота, фактически сохраняла самостоятельность. Командовал турецким флотом в бою у мыса Сарыч и других операциях на Черном море. В 1917 г. вернулся в Германию, возглавил 4-ю эскадру линейных кораблей Флота Открытого моря; в октябре 1918 г. назначен начальником морской базы Балтийского моря; с 1919 г. в отставке.

¹³⁶ **Вангенгейм Ганс фон** (1859–1915). Германский дипломат. В 1912–1915 гг. – посол Германии в Турции, сыгравший значительную роль в ее подчинении германскому влиянию и вовлечению в Первую мировую войну.

факт враждебной против Турции инициативы со стороны нашего Черноморского флота. Через некоторое время была обнаружена высадка с шаланды небольшой турецкой партии на пустынном Бессарабском берегу. Эти смельчаки, под руководством турецкого офицера, совершили довольно глубокий рейд, по-видимому, надеясь поднять восстание или произвести панику в южных уездах Бессарабии. Затея их, конечно, не удалась: они были переловлены и объявлены военнопленными.

Для Верховного главнокомандующего совершившийся разрыв с Турцией, конечно, не был неожиданностью. Великий князь, будучи назначен на пост Верховного главнокомандующего, в один из первых же докладов ему, утвердил предположение Главного управления Генерального штаба, разработанное еще в мирное время, о переброске в период начального развертывания Русской армии на западе, значительной части кавказских войск против Центральных держав. Для прикрытия же границ на Кавказе, на случай угрозы со стороны Турции, были оставлены самые небольшие силы, которые должны были быть впоследствии усилены подкреплениями из состава войск Туркестанского и Омского военных округов.

Несмотря на крайнюю недостаточность этого количества войск, состоявшееся выступление Турции не вызвало поэтому сколько-нибудь существенной обратной переброски войск на Кавказ. Туда была возвращена с запада только Кавказская кавалерийская дивизия, полки которой сроднились с Кавказом и приобрели там в прежние войны с Турцией неувядаемую боевую славу.

Нужно было все же обладать ясным сознанием недопустимости ослабления войск, собранных на главном польском театре, где разыгрывалась Лодзинская операция, в пользу усиления театра второстепенного, каким по существу являлось Закавказье. Нужно было также проявить со стороны Великого князя много твердой решительности и веры в доблесть оставленных на Кавказе войск, чтобы не поддаваться всем многочисленным ходатайствам о помощи войсками нашей окраине, подвергшейся неприятельскому вторжению, которое к тому же сопровождалось призывами турецких эмиссаров местного магометанского населения к священной войне.

Выдержка эта дала свои конечные плоды. В жестоких боях под Ардаганом и Сарыкамышем, закончившихся в начале января 1915 г., турки, предводимые Энвером-пашей и руководимые его начальником штаба германским полковником Бронсар фон Шеллендорфом,¹³⁷ были разбиты на голову и отброшены назад в горы, где бездорожье и лютые морозы довершили полный развал всей наступавшей турецкой армии.

Впечатление от этого разгрома было столь сильным, что Кавказ оказался надолго обеспеченным от новой угрозы нашествия. Русские войска, напротив того, сумели сами в дальнейшем перенести войну на турецкую и персидскую территории. В Малой Азии они упрочили свое положение взятием в 1916 г. Эрзерума и Трапезунда, когда Великий князь Николай Николаевич стоял уже во главе кавказских войск; со стороны же Персии, где в том же 1916 г. разыгралась жестокая военно-политическая борьба, нашим войскам удалось установить даже связь с английскими войсками, наступавшими в Месопотамии, вверх по реке Тигру, на Багдад.

Вполне очевидно, что актом вероломного нападения на русские берега должен был почитаться для Держав согласия нарушенным в корне догмат неприкосновенности Оттоманской империи. Уже 3 ноября на рассвете англо-французская эскадра произвела бомбардировку Дарданелльских укреплений. Последние отвечали слабо, и если бы эта морская

¹³⁷ **Шеллендорф Вальтер Бронзарт фон** (1833–1914). Германский военачальник и государственный деятель. Сын германского военного министра Пауля Бронзарта фон Шеллендорфа (1832–1891). В 1914 г. – начальник турецкого Генерального штаба; погиб в бою во время отражения атаки русских войск.

демонстрация сочеталась с десантом, то возможно, что Дарданелльский пролив без особых затруднений мог бы оказаться в руках союзников.

Но этого не случилось. Из телеграммы русского посла в Париже от 7 ноября было видно, что во французском министерстве иностранных дел не имелось никаких сведений, указывавших на намерение английского флота продолжать начатую атаку и что вообще, по мнению французского министра иностранных дел, следовало бы, в виду громадной сложности интересов держав в Турции, установить, прежде всего, «общий план действий...». Однако «общего плана», о котором говорили французы, так и не было выработано до конца. Действия союзников против Турции отличались в течение всей войны не только наибольшей «безпланностью», но они были насквозь пропитаны чувством взаимного друг к другу недоверия. Удивляться этому нечего, ибо такова природа всякой коалиционной войны, в которой стратегия почти всегда оказывается в плену у дипломатии.

Россию, конечно, больше всего и прежде всего, интересовало в Турецком вопросе то решение, которое, в случае победоносной войны, будет принято в отношении проливов. Обходя все исторические притязания, которые лежат от нас в далеком прошлом, достаточно здесь привести в доказательство важности этого вопроса для нашего отечества, что за десятилетие 1903–1912 гг. 37 % вывоза из России происходило через Дарданеллы. Притом, морская перевозка грузов, вывозившихся через пролив, не могла быть заменена сухопутным транзитом, так как последний обходился в среднем в 25 раз дороже перевозки морем. Вывоз же русских грузов из Черного моря состоял из зерна и вообще сырья, т. е. грузов, не выдерживавших высоких фрахтов. Подтверждение этого последнего обстоятельства можно найти в том факте, что временное закрытие Турцией проливов в 1912 и 1913 гг., по случаю Итало-турецкой и Балканской войн 1911–1913 гг., нанесло экономической России тяжелый ущерб, исчислявшийся не менее чем в 30 миллионов рублей. Тем не менее, мнение военного министерства, к которому всецело примкнул Великий князь Верховный главнокомандующий, было таково, что к благоприятному решению вопроса о проливах, путем непосредственного занятия их вооруженной рукой, Россия, ко времени мировой войны, готова не была. Поэтому эта задача никогда серьезно и не входила в предположения Верховного главнокомандования в период пребывания во главе его Великого князя.

На возражение же, высказанное однажды С. Д. Сазоновым мне через своего представителя в Ставке, князя Кудашева, что он считает крепко приобретенным только то, «что добыто нами самими, нашей кровью», и на вопрос, определенно поставленный министром иностранных дел в конце декабря 1914 г.: «можем ли мы рассчитывать самостоятельно осуществить операцию завладения проливами», Верховный главнокомандующий столь же определенно ответил: «Одни мы захватить проливы не можем ни под каким видом». В военной среде ясно понималось, что кроме слабости русского военного флота в Черном море и отсутствия достаточного количества транспортных средств, на пути осуществления этой задачи стояли препятствием Германия и Австрия, вооруженные силы которых должны были быть предварительно разбиты.

В одном из секретных совещаний, происходивших еще до войны, мне пришлось по этому вопросу настойчиво повторить известную фразу князя Паскевича о том, что «кратчайшее и безопаснейшее операционное направление на Константинополь лежит через Вену» и «Берлин», – добавил я от себя.

Совершенно неосновательна попытка некоторых немецких исследователей доказать стремление России захватить в минувшую войну вооруженной рукой проливы, ссылкой на составленную в конце ноября 1914 г. записку, принадлежащую перу Н. А. Базили. Записка эта была составлена при моем содействии, как генерал-квартирмейстера армии, и при участии некоторых других лиц, принадлежавших к составу Ставки. Она действительно имела целью доказать, что только фактическое утверждение в проливах России может гаранти-

ровать ее интересы и что всякое другое решение будет не более как полумерой. Но вместе с тем ею доказывалось, что это владение может быть достигнуто, по условиям местности, утверждением не только на обоих берегах Босфорского и Дарданелльского проливов, но и овладением лежащей впереди Дарданелльского пролива группой Эгейских островов – Тенедос, Имброс, Лемнос и Самофракия. Разрешение же задачи в таких обширных рамках, вследствие уязвимости сухопутных позиций, представлялось связанным со столь крупными затратами сил и средств, что надлежало даже предварительно поставить вопрос, оправдываются ли эти жертвы ценностью приобретения и соразмеримы ли эти жертвы вообще с силами и средствами России? Вопрос представлялся далеко не праздным еще и потому, что задача обороны проливов остается для России все же частною в общей системе обороны государства и что владение проливами не позволит уменьшить количества войск, обычно содержавшихся Россией в Одесском военном округе и на Кавказе, в виду соседства Румынии и близости к кавказской границе Турции и Персии. Наличие же новых уязвимых мест на Босфоре и в Дарданеллах потребовало бы также содержания довольно многочисленного военного и транспортного флота в Черном море.

Во всяком случае, как бы ни разрешался этот вопрос с общегосударственной точки зрения, Великий князь и Ставка твердо стояли на том, что операция по овладению проливами мыслима лишь в виде отдельной экспедиции, после достижения решительного успеха над Германией и что она потребует для своей безопасности до 8–10 свободных корпусов. Ранее же достижения решительного успеха над Германией, выделение такого большого количества корпусов, даже в случае заключения сепаратного мира с Австрией, русской Ставке представлялось совершенно невозможным.

По силе всех этих соображений, Великий князь считал, что министру иностранных дел следовало бы в своих политических шагах считаться с этими обстоятельствами и довольствоваться заявлениями союзников относительно соблюдения наших интересов при разрешении вопроса о проливах и Константинополе. Говоря о приступе к Дарданелльской экспедиции, необходимо разрушить еще другую легенду, рожденную в Великобритании и заключающуюся в утверждении, будто начатая англо-французами 19 февраля 1915 г. операция против Дарданелл, завершенная высадкой на Галлиполийском полуострове, в конце апреля того же года, сухопутного десанта, была выполнена под влиянием тяжелого положения русских войск на Кавказе. Правда состоит в том, что в конце декабря 1914 г., когда перед вторгнувшимися в Закавказье турецкими войсками открывались пути к столице края – Тифлису, в котором начиналось паническое настроение, Верховный главнокомандующий Великий князь, в личной беседе с представителем великобританской армии при русской Ставке генералом Вильямсом, упомянул, что данная опасность могла бы быть смягчена воздействием союзников на Турцию в одном из наиболее уязвимых мест, которых у Турции много.

– Я особенно подчеркиваю, – добавил Великий князь, – что ничего и ни о чем не прошу у союзников, и лишь считаю необходимым, ориентировать их в складывающейся обстановке.

Заявление это, переданное в Лондон, было там встречено по-разному. Британский военный министр лорд [Г.] Китченер¹³⁸ прямо указал на отсутствие у него свободных сухо-

¹³⁸ Китченер Горацио Герберт (1850–1916). Граф (1914), английский военный деятель. С 1866 г. – в британской армии; на стороне Франции добровольцем участвовал во Франко-прусской войне (1870–1871). В 1886–1889 гг. – губернатор Восточного Судана; с 1888 г. – генерал-адъютант египетской армии, затем в составе британских колониальных войск в Судане; в 1895–1898 гг. командующий англо-египетскими войсками, руководил подавлением восстания махдистов; в 1899 г. – генерал-губернатор Судана; с декабря 1899 г. – начальник штаба, а в 1900–1902 гг. – главнокомандующий британскими войсками в Англо-бурской войне; в 1902–1909 гг. – главнокомандующий британскими войсками в Индии; с 1911 г. – британский агент и генеральный консул Великобритании в Египте (фактический правитель страны). В годы Первой мировой войны с августа 1914 г. назначен британским военным министром. Летом 1916 г. отправился с визитом в Россию; погиб

путных войск для расширения зоны английских действий. Напротив того, первый лорд британского адмиралтейства Черчилль, схватился за этот предлог и сообщил, что адмиралтейство решило «попытаться, путем морской демонстрации форсировать проход через Дарданеллы».

После предупредительной бомбардировки Дарданелльских укреплений англо-французским флотом 3 ноября 1914 г. и лихорадочной свыше трехмесячной работы германских офицеров над усилением обороны входа в проливы, могли ли считаться Дарданеллы «одним из наиболее уязвимых мест» Турции, если бы в основе этого решения не было бы каких-либо особых соображений? Крайне важно сверх того отметить, что заявление об этой «попытке» было сделано нашему правительству только 20 января, к самому же осуществлению «форсирования» было приступлено лишь 19 февраля, когда положение русских на Кавказе, победами начала января, было уже вполне упрочено самостоятельной доблестью русских войск.

Будет поэтому гораздо вернее приписать то решение, которое приняли англичане в Дарданелльском вопросе, нежеланию их придти на помощь России, а чувству необходимости взять в руки «первую скрипку» во враждебном Турции оркестре Держав согласия и стремлению англичан во что бы то ни стало отвлечь внимание турок от Египта и Суэцкого канала, которым одновременно стали угрожать турецкие войска, руководимые германцами. То внимание, которое англичане уделяли в то время египетскому вопросу, может быть, например, легко усмотрено из сообщения сэра [Д.] Бьюкенена,¹³⁹ английского посла в Петрограде, с которым он 18 февраля обратился к С. Д. Сазонову. В этом сообщении русское правительство ставилось в известность, что Англия имеет намерение присоединить Египет к себе, так как, *при создавшемся положении*, только такое присоединение может обеспечить английские интересы. Как бы то ни было, английское начинание разрослось в весьма большую десантную операцию, закончившуюся, как известно, довольно бесславно для Держав согласия полной эвакуацией Галлиполийского полуострова в первых числах января 1916 г.

Русский Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич, как уже выяснено, считал для России вообще невозможным непосредственные военные действия в отношении проливов. Этому, как уже выяснено, препятствовали: отсутствие свободных войск, недостаточность в Черном море транспортных средств и общая слабость черноморской боевой эскадры. Поэтому к первоначальным действиям англо-французского флота Великий князь отнесся с полным скептицизмом, не допуская к тому же успеха действий флота против берега. Известна фраза,¹⁴⁰ однажды сказанная по поводу таких действий адмиралом [Г.] Нельсоном.¹⁴¹

на корабле, подорвавшемся на mine.

¹³⁹ **Бьюкенен Джордж Уильям** (1854–1924). Британский дипломат. На дипломатической службе с 1876 г. В 1903–1908 гг. – генеральный консул, затем посланник в Болгарии; в 1908–1910 гг. – посланник в Нидерландах. В 1910–1918 гг. посол в Российской империи; одной из главных своих задач ставил нейтрализацию прогермански настроенных сил в России; находился в хороших отношениях с придерживавшимся проанглийской ориентации министром иностранных дел России С. Д. Сазоновым. В годы Первой мировой войны был тесно связан с думской оппозицией, стремившейся предотвратить революцию введением конституционной монархии. После февраля 1917 г. поддерживал Временное правительство. После Октябрьского переворота в декабре 1917 г. покинул Россию, первоначально высказывался за сохранение дипломатических отношений с Советской Россией, позднее стал активным сторонником иностранной военной интервенции в Россию с целью поддержки Белого движения. В 1919–1921 гг. – посол в Риме. Автор мемуаров «Моя миссия в России и другие дипломатические мемуары» (1923).

¹⁴⁰ «Всякий моряк, атакующий с моря береговые укрепления, должен почитаться сумасшедшим». – *Прим. автора.*

¹⁴¹ **Нельсон Горацио** (1758–1805). Английский флотоводец, вице-адмирал (1801). Служил на флоте с 12 лет, отличался большой личной храбростью. С 1798 г. в чине контр-адмирала командовал английской эскадрой в Средиземном море, призванной помешать французской Египетской экспедиции; разгромил французский флот при Абукире, отрезав армию Наполеона Бонапарта в Египте. В 1798–1800 гг. находился в Неаполе; в 1799 г. изгнал французов и восстановил на троне Королевства обеих Сицилии короля Фердинанда IV. В 1801 г. – 2-й флагман в эскадре адмирала Х. Паркера при действиях в Балтийском море и бомбардировке Копенгагена; позднее командовал эскадрой в Ла-Манше. В 1803–1805 гг. – командующий эскадрой Средиземного моря, действовавшей против Франции и Испании; в сентябре 1805 г. разгромил франко-

Скептицизм Великого князя оправдался в полной мере. Уже через несколько дней после начала операции в Ставке стали получаться тревожные сведения. «Операции английского флота в Дарданеллах встречают серьезные затруднения... Операция затягивается... Броненосец «Голуа» после повреждения, выбросился на берег» и т. д. Наконец, 12 апреля началась высадка англо-французского десанта. Задуманная таким образом операция союзников становилась на более серьезную базу, и поэтому с ее возможными результатами приходилось теперь считаться.

Дипломатическим путем министру иностранных дел удалось к этому времени обеспечить России достаточно благоприятное положение при разрешении вопроса о проливах. После некоторых переговоров 12 марта 1915 г. сэр Бьюкенен сообщил особым меморандумом русскому министру иностранных дел о том, что Великобритания, в лице своего министра иностранных дел, изъявляет свое полное и окончательное согласие на разрешение вопроса о проливах и Константинополе, согласно желаниям России. В свою очередь, и во Франции состоялось по данному вопросу столь же благоприятное решение. По крайней мере, А. П. Извольский телеграфировал 24 марта в Петроград, что французский министр иностранных дел Делькассе предписал французскому послу в Петрограде М. Палеологу сделать С. Д. Сазонову в письменной форме заявление о Константинополе и проливах идентичное с тем, которое было получено русским министром иностранных дел от Бьюкенена.

Так как Россия не имела возможности занять в операциях, непосредственно направленных для овладения проливами, соответствующую ее достоинству позицию, то Верховный главнокомандующий оказался вынужденным через министра иностранных дел напомнить о той бесспорной точке зрения, в силу которой во всякой коалиционной войне, какую по существу вела Россия, единственным мерилom для распределения приобретений, в результате победоносной войны, должна служить *совокупность* усилий, проявленных каждым из союзников в течение всей войны и на всех театрах таковой. Самое же распределение приобретений должно быть, конечно, соображено с теми интересами, которые являются для каждого государства жизненными. Операция в проливах, заявляла Ставка, относится, несомненно, к числу частных операций и потому относительная численность войск союзников, принимающих в ней участие, не может служить основанием для изменения этих решений, которые уже состоялись по данному вопросу.

Однако Верховному главнокомандующему, во избежание обвинений в излишнем безразличии, приходилось, скрепя сердце, все же подумать о тех мерах, которые гарантировали бы *прямое* участие русских вооруженных сил в операции против проливов. В этом случае Ставке пришлось даже несколько разойтись с министерством иностранных дел, которое находило желательным участие вооруженной России лишь в мере, соответствовавшей ее положению, как великой державы, предпочитая, в случае невозможности такого участия, полное уклонение от всяких действий. Мы уже видели, что выполнить пожелание министерства иностранных дел мы, военные, фактически не имели возможности. Полное же неучастие наше в организуемой попытке было бы, по мнению Ставки, «психологической» ошибкой, ибо давало бы повод, в виду того оптимизма и вообще огромного интереса, который проявлялся печатью и обществом к этой операции, к выражению упрека по адресу России в ее безучастности и даже в нарушении общего согласия.

По изложенным соображениям, русский Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич с присущим ему прямодушием, изложив всю обстановку в особом ответе великобританскому военному министру, лорду Китченеру, предписал в то же время командовавшему Черноморским флотом адмиралу [А. А.] Эбергарду¹⁴² вступить в

испанский флот в Трафальгарском сражении; смертельно ранен в ходе битвы.

¹⁴² Эбергард Андрей Августович (1856–1919). Военно-морской и государственный деятель, адмирал (1913). Участник

непосредственные сношения с английским адмиралом [Д.] де Робеком,¹⁴³ командовавшим англо-французским флотом в Средиземном море, по вопросу о возможном согласовании своих действий с действиями союзной эскадры. К составу сей последней к тому же успел присоединиться русский крейсер «Аскольд»,¹⁴⁴ прибывший с Дальнего Востока, которому и поручено было поддерживать по беспроволочному телеграфу связь с ручкой Черноморской эскадрой.

Затем командовавшему Кавказской армией [генералу И. И. Воронцову-Дашкову] было приказано, пользуясь бездействием турок, выделить для перевозки в северные порты Черного моря одного корпуса (5-го Кавказского). Конечно, не с одним корпусом надлежало бы приступить ко взятию проливов, почему истинной целью передвижения корпуса с Кавказа было в сущности стремление иметь под рукою новые войска для усиления галичского фронта, куда этот корпус и был в конечном счете направлен. Но попутно, находясь на северном побережье Черного моря, и усиленно симулируя подготовку к десанту, войска этого корпуса могли создать иллюзию направления их на Босфор и тем служить для целей демонстрации.

Приходится сказать откровенно, что под предлогом направления этого корпуса к Босфору было гораздо легче взять эти войска с обездоленного Кавказа и избегнуть нескончаемых упреков и бесплодных разговоров с теми, кто не желал понять или не понимал в действительности непререкаемых законов стратегии о необходимости крайнего сосредоточения войск на главном направлении (каковым в то время и являлся австро-венгерский фронт) и умения жертвовать второстепенным. В целях более полной демонстрации, для обучения десантным операциям, в район временного расположения этого корпуса был командирован даже особый генерал, барон [А. В.] Каульбарс,¹⁴⁵ который, по бывшей должности командующего войсками Одесского военного округа, им ранее занимавшейся, специализировался именно на этого рода операциях.

Кроме изложенной меры, во Владивостоке было приступлено к формированию особого отряда, в составе до 6000 человек, который должен был войти в состав союзного десанта, предназначенного для действий со стороны Дарданелл. Перевозка этого отряда, однако, не состоялась, вследствие заявления союзников об отсутствии у них свободного тоннажа. Не состоялась также намеченная одно время покупка двух бразильских броненосцев.

Русско-японской войны (1904–1905). В 1908–1911 гг. – начальник Морского генерального штаба; с 1911 г. – командующий Морскими силами Черного моря. Участник Первой мировой войны; в 1916 году снят с должности Верховным главнокомандующим Николаем II (сменен на посту командующего Черноморским флотом вице-адмиралом А. В. Колчаком). Член Государственного совета (с 1916). С декабря 1917 г. в отставке; в 1918 г. арестовывался ЧК; умер в Петрограде.

¹⁴³ **Робек Джон де** (1862–1928). Британский адмирал. Накануне Первой мировой войны командовал 9-й крейсерской эскадрой. В 1915 г. направлен в Галлиполи для участия в Дарданелльской операции; в марте возглавил союзные военноморские силы; под его командованием союзный флот неудачно атаковал турецкие укрепления. После Галлиполийского сражения назначен командующим Средиземноморским флотом; в 1917 г. – командующий 2-й эскадрой королевских ВМС. По окончании войны служил в Константинополе; в годы Гражданской войны в России оказывал посильную поддержку белым армиям на Юге России (английский флот участвовал в мартовской Новороссийской эвакуации ВСЮР). С 1922 г. командовал Атлантическим флотом.

¹⁴⁴ «Аскольд» – русский бронепалубный крейсер 1-го ранга. Спущен на воду в 1900 г. Во время Русско-японской войны (1904–1905) входил в состав 1-й Тихоокеанской эскадры (Порт-Артур). В начале Первой мировой войны «Аскольд» находился на Дальнем Востоке; включен в состав союзной англо-французской эскадры, действовавшей против германской крейсерской эскадры адмирала М. фон Шпее; в 1915 г. направлен на Средиземное море для ведения боевых действий против Турции и Австро-Венгрии; участвовал в Дарданелльской операции. После ремонта во Франции в июне 1917 г. прибыл в Мурманск, вошел в состав флотилии Северного Ледовитого океана. Во время Гражданской войны в России вошел в состав британского флота («Glorv IV»). В 1922 г. выкуплен Советской Россией; из-за плохого состояния продан на слом.

¹⁴⁵ **Каульбарс Александр Васильевич** (1844–1929). Барон, генерал от кавалерии (1901). Участник подавления Польского восстания (1863), Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. Командующий войсками Одесского ВО (27.08.1905–23.12.1909). Член Военного совета (с 1909). В годы Первой мировой войны в октябре 1914 – октябре 1915 г. – заведующий организацией авиационного дела в армиях Северо-Западного фронта (фактически руководил всей авиацией действующей армии).

И таким образом, в действительности, единственным представителем России и носителем русского военно-морского Андреевского флага в союзной эскадре у Дарданелл явился крейсер 1-го ранга «Аскольд».

Хотя Дарданелльская эпопея закончилась для Держав согласия, как это и должно было предполагать, полной тактической неудачей, все же необходимо заметить, что атака союзниками подступов к Константинополю со стороны Эгейского моря заставила турок начать стягивание в район столицы значительных сил, в общем, по-видимому, до 200 тысяч. Это сосредоточение естественно способствовало ослаблению турок в других районах и, таким образом, англичане и мы, русские, успели освободиться от возможности нового нападения на Египет и Кавказ. Впоследствии англичане сами стали подготавливаться ко вступлению в Палестину; в Месопотамии же они успели к ноябрю 1915 г. продвинуться почти до Багдада. В то же время отвлечение внимания турок от персидской границы содействовало в некоторой мере торжеству Держав согласия в Персии, примыкавшей своими восточными границами к Афганистану и Индии.

В декабре 1915 г. уволен с мундиром и пенсией. После Октябрьского переворота уехал на Юг России. Участник Белого движения; с октября 1918 г. в Одесском центре Добровольческой армии; с февраля 1919 г. – в резерве армии; с июля 1919 г. – в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. В эмиграции с 1920 г.

3. Взаимоотношения Сербии и Болгарии. Черногория

Положение Турции стало значительно ухудшаться уже с весны 1915 г., и Германия тогда же стала чувствовать необходимость перенесения военных действий на Балканский театр, с целью оживления Турции и обеспечения удобного сообщения с Константинополем. Однако этому походу должна была предшествовать политическая подготовка и необходимость временного обезсиления России, каковым целям и было посвящено все лето 1915 г.

Политическая подготовка Германии к походу на Балканы имела своей задачей привлечение к союзу Центральных держав Болгарии. Эта комбинация, которая справедливо в России полагалась противоестественной, стала, однако, возможной, вследствие австро-германских симпатий короля Фердинанда,¹⁴⁶ носившего звание царя болгар, и слепой вражды между Болгарией и Сербией, главным образом на почве влияния и владения Македонией. Все попытки дипломатов Держав согласия к образованию на Балканах блока из «христианских» государств с целью направления части сил этого блока против Австро-Венгрии (Румыния, Сербия и Черногория), части же против Турции (Болгария и Греция) не дали практических результатов. К концу 1914 г. французский министр иностранных дел пришел к твердому выводу, что Державы согласия должны изменить направление своей политики и попытаться использовать свой авторитет, приняв на свою ответственность решение вопросов, тормозивших соглашение.

Но как было разрешить македонскую проблему, являвшуюся для двух спорящих сторон – Сербии и Болгарии – неразрешимой?

¹⁴⁶ **Фердинанд I** (1861–1948). Из немецкой Саксен-Кобург-Готской династии. Великий князь Болгарии с августа 1887 по октябрь 1908 г.; царь Болгарии с октября 1908 по октябрь 1918 г.; германский генерал-фельдмаршал (1916), австрийский фельдмаршал, турецкий мушир (1896). Претендовал на гегемонию Болгарии на Балканах, опирался на поддержку Германской империи. В 1908 г. провозгласил полную независимость от Турции (вместо великокняжеского титула принял царский); Болгария из Великого княжества была переименована в Царство Болгарское. По итогам Первой Балканской войны в 1912–1913 гг. получил от Турции значительную часть Фракии и большую часть Македонии; потерпел поражение во Второй Балканской войне против бывших союзников (Сербии и Греции), вынужден был вернуть часть занятых ранее территорий вступившей в войну Турции. В годы Первой мировой войны выступил на стороне стран Четверного союза. После поражения Болгарии в войне в 1918 г. отрекся от престола в пользу сына Бориса III и покинул страну.

В начале февраля 1915 г. в Париже происходили важные финансовые совещания министров трех главнейших Держав согласия. Участвовавший в этих совещаниях английский министр [Д.] Ллойд-Джордж¹⁴⁷ на одном из заседаний сделал совершенно неожиданное для других членов совещания предложение об отправке на Сербский фронт объединенного корпуса из войск Англии, России и Франции. Мере этой инициатором предложения, который был поддержан британским военным министром лордом Китченером, придавалось большое значение в смысле побуждения Греции, Румынии и Болгарии немедленно примкнуть к Державам согласия. В связи с предстоявшими атаками англо-французского флота Дарданелльских укреплений, англичане усматривали возможность достигнуть этим путем полного крушения Турции; в наступлении же союзного корпуса на Балканах с юга, совместно с сербской армией, они готовы были видеть возможность не только облегчить действия русских армий в Карпатах против Австро-Венгрии, но и оттянуть часть германских войск с Западного и Англо-французского фронта.

Французское министерство иностранных дел, руководимое Делькассе, в этой мере усмотрело благоприятный фактор, могущий способствовать осуществлению той политики, которую данный министр рекомендовал, взамен бесплодного искания добровольного соглашения между собой Балканских государств.

Предложение Ллойд-Джорджа вследствие этого было немедленно передано русским министром финансов П. Л. Барком¹⁴⁸ в Петроград, в адрес председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. Однако оно не встретило сочувствия Великого князя Николая Николаевича. Последний находил, что состоявшееся в Париже совещание являлось некомпетентным для решения стратегических вопросов. При дальности расстояний и трудности сообщений войска союзников, отправленные на Балканский полуостров, могли бы там, в случае всегда возможной военной неудачи, оказаться в весьма тяжелом положении и только уронить авторитет Держав согласия, что было бы для них особенно опасно именно на Балканском полуострове. Лишь в целях некоторого нравственного содействия сербам и из-за нежелания нарушить согласие среди союзников, русский Верховный главнокомандующий изъявил согласие на отправку в состав сербской армии одного казачьего полка, который, вследствие дальнейших настояний союзников, Великий князь согласился еще усилить бригадой пехоты.

«По поводу ответа нашего Верховного главнокомандующего, – сообщал А. П. Извольский телеграммой от 11 февраля С. Д. Сазонову, – что он может уделить для операции лишь один казачий полк, в Лондоне было высказано предположение, что посылке более крупного отряда препятствует, видимо, недостаток в предметах вооружения, что может быть восполнено Англией и Францией». «Китченер убежден, – заключал русский посол в Париже, – что появление русских войск на Балканах тотчас увлечет болгар и окажет влияние на Румынию».

«Делькассе, – телеграфировал из Парижа дополнительно А. П. Извольский 15 февраля, – очень доволен полученным из Петрограда известием, что Верховный главнокомандующий сможет послать на Балканы пехотную бригаду и один казачий полк. В Лондоне ему удалось убедить Китченера послать дивизию, сверх четырех, обещанных Франции».

¹⁴⁷ **Ллойд Джордж Дэвид** (1863–1945). Граф (1945), британский государственный деятель, лидер Либеральной партии. В 1890 г. впервые избран в парламент. В 1905–1908 г. – министр торговли; в 1908–1915 гг. – министр финансов. Во время Первой мировой войны выступал за ведение борьбы с Германией до ее полного поражения. С конца 1916 по октябрь 1922 г. – глава коалиционного правительства Великобритании. Один из главных участников Парижской мирной конференции 1919–1920 г. и авторов Версальского мирного договора 1919 г.; выступал за умеренные размеры репараций от Германии, полагая требования Франции чрезмерными. С 1922 г. в отставке.

¹⁴⁸ **Барк Петр Львович** (1869–1937). Государственный деятель. В 1897–1906 гг. – директор, затем управляющий петербургской конторой Государственного банка; в 1899–1905 гг. – член правления Русско-китайского банка; в 1907–1911 гг. – директор-распорядитель и член правления Волжско-Камского коммерческого банка. С мая 1914 до февраля 1917 г. – министр финансов Российской империи. Член Государственного совета (с 1915). После Февральской революции арестовывался Временным правительством; после освобождения эмигрировал в Англию. В годы Гражданской войны в России содействовал финансированию Белого движения.

Отсюда также пошлют дивизию с горной артиллерией. Таким образом, Делькассе считает, что вопрос о посылке войск на Балканы решен окончательно».

Однако затянувшаяся операция у Дарданелл и отсутствие достаточного количества войск не только для посылки на Сербский фронт, но и для сухопутного десанта на Галлипольском полуострове, отодвинули эту новую отправку войск на Балканы на задний план, и на сей раз она не состоялась вовсе.

Явные стремления англичан захватывать новые районы действий, по-видимому, проистекали из существовавшего у них убеждения, что главный Англо-французский фронт (во Франции) уже насыщен вооруженными силами в достаточной степени и что поэтому дальнейшая подача английских войск на материк бесцельна. С этим мнением я встретился в личной беседе с английскими офицерами, прибывшими в Ставку в начале 1915 г. в свите генерала [А.] Пэджета.¹⁴⁹ Офицеры эти интересовались моей оценкой различных операционных направлений в пределах Балканского полуострова, и я указывал им, что, в случае активного привлечения на сторону Держав согласия Италии, приобретало бы особое значение действия англичан со стороны Далматинского побережья, в промежутке между итальянской и сербской армиями, в целях, во-первых, согласования наступления обеих названных армий и, во-вторых, направления общих усилий против Австро-Венгерской монархии, уже сильно поколебленной русскими победами над нею.

В конце мая неожиданно вновь оживила балканские переговоры новая позиция болгарского посланника в Париже Станчева.

– В то время, – говорил Станчев в беседе с А. П. Извольским, – когда до сих пор мне никогда не разрешалось говорить с французами о возможности выступления на их стороне Болгарии, ныне я получил предписание ознакомить Делькассе, неофициальным, правда, образом, с условиями, на которых Болгария готова тотчас присоединиться к союзникам. Условия эти: Македония, включая спорную полосу; Кавалла, Драма и Серес; возвращение Добруджи и линия Энос – Мидия.

Что могло послужить такой резкой перемены в политике болгарского правительства [В.] Радославова?¹⁵⁰ Дошел ли до последнего слух о предполагавшейся посылке на Балканы союзных войск? Произвело ли соответственное впечатление сведение о предстоящем присоединении Италии к Державам согласия, или действовало соображение о вероятной уступчивости этих держав, в виду неблагоприятно складывавшейся обстановки русских на Галичском фронте и англо-французов в Галлиполи. О тех или иных причинах можно было строить только догадки. Возможно, впрочем, еще одно предположение о недостаточной искренности заявления болгарского посланника в Париже, имевшего только целью пустить пробный шар для выяснения максимума возможных обещаний со стороны Держав согласия. По мнению бывшего русского посланника в Софии [А. А.] Савинского,¹⁵¹ упоминание о спорной зоне было, во всяком случае, лишь средством запроса.

Получив известие о неожиданных шагах Станчева, С. Д. Сазонов немедленно телеграфировал в Ниш о том, что, по условиям общей обстановки, является необходимым, привлечь на сторону Держав согласия Болгарию, которой вследствие сего надлежит обещать особенные выгоды при заключении мира. В виду жертв, принесенных на пользу Сербии,

¹⁴⁹ **Пэджет Артур**. Британский генерал-адъютант. В феврале 1915 и 1916 гг. приезжал в русскую Ставку Верховного главнокомандующего.

¹⁵⁰ **Радославов Васил Христов** (1854–1929). Болгарский государственный и политический деятель. В 1887–1918 гг. возглавлял Либеральную партию. Премьер-министр Болгарии в 1886–1887 и в 1913–1918 гг. В своей политике ориентировался на Австро-Венгрию и Германию. После заключения Солунского перемирия в сентябре 1918 г. уехал в Германию.

¹⁵¹ **Савинский Александр Александрович** (1879–1931). Дипломат. С 1891 г. на службе в МИДе; с 1892 г. – чиновник департамента личных и хозяйственных дел; с 1895 г. – сверхштатный чиновник; с 1900 г. – 1-й секретарь, затем вице-директор канцелярии МИД; с 1904 г. – чиновник особых поручений при министре; с 1905 г. – директор канцелярии МИД; с 1911 г. – посланник в Швеции, в 1913–1915 гг. – посланник Болгарии. Умер в эмиграции.

Державы согласия ожидают от Сербии предоставления им определения условий привлечения Болгарии к совместным действиям. Вместе с тем русский посланник был уполномочен сообщить [Н.] Пашичу,¹⁵² с целью облегчения положения последнего, о твердом решении Держав согласия взять в свои руки вопрос о болгаро-сербских отношениях. Жертва, падающая на долю Сербии, должна была заключаться в уступке в пользу Болгарии, после войны территории в пределах македонских земель до линии Эгри – Паланка – Охрида, признававшейся в 1912 г. принципиально допустимой с точки зрения сербских прав и интересов. Эту уступку имелось в виду обусловить: немедленным вступлением Болгарии в войну и приобретением Сербией, при заключении мира, новых обширных территорий, равно как выхода в Адриатическое море.

Параллельно с этим, Державами согласия задумано было общее выступление в Софии, в котором должна была принять участие и недавно присоединившаяся к Согласию Италия. Четыре державы приглашали Болгарию выступить против Турции, обещая ей за это македонскую границу в пределах договора 1912 г. и Фракию до линии Энос – Мидия. Кроме того Державы согласия готовы были дать обязательства – приложить все старания к получению Болгарией Каваллы от Греции и содействовать софийскому правительству в переговорах, которые Болгария и Румыния пожелали бы вести по вопросу о Добрудже. Таким образом, Болгарии предлагались, за исключением «спорной» полосы Македонии, почти все те компенсации, о которых упоминал Станчев в своих парижских беседах.

30 мая намеченное выступление четырех посланников состоялось. По словам русского посланника в Софии Савинского, первое впечатление Радославова было таково, будто он удивлен сделанным ему заявлением. Затем глава болгарского правительства выразил, что обращение четырех великих держав представляется для Болгарии большою честью. Обратив, наконец, особое внимание на уступку Болгарии Монастыря (Битоли), Радославов отметил, что владение Каваллой без Драмы и Сереса невозможно.

– Если бы решение зависело от меня лично, – заключил свою беседу первый министр Болгарии, – то я сейчас дал бы утвердительный ответ.

Однако официальный ответ Болгарии последовал только 15 июня. Указав на ряд неясностей в заявлении держав, болгарское правительство заявляло, что до выяснения последних оно не может дать окончательный ответ. Это было явным стремлением уклончивым ответом выиграть время.

В конце июля 15-го года лондонское правительство, в целях нейтрализации очага недоумений, предложило занять бесспорную часть Македонии небольшим союзным отрядом из состава, например, дарданелльских войск. Считалось, что этим будет облегчена для Сербии возможность передачи занятой союзниками территории Болгарии и что последняя усмотрит в данном обстоятельстве известную для себя гарантию в возможности фактического получения в будущем этой части Македонии. Таким образом, мысль о посылке на Балканы союзных войск окончательно не затухала и только видоизменяла свои формы в зависимости от обстановки.

Французский министр иностранных дел Делькассе, обсудив сделанное предложение, нашел его соответствующим сложившейся обстановке, но высказал на сей раз мнение о необходимости заручиться по содержанию его предварительным согласием Сербии. 4 августа утром председатель сербского совета министров Пашич поочередно принял четырех

¹⁵² **Пашич Никола** (1845–1926). Сербский (позднее югославский) политический и государственный деятель, дипломат, идеолог «Великой Сербии». В 1878 г. впервые был избран депутатом сербской Народной скупщины. В 1890–1891 и в 1897 гг. – мэр Белграда. В феврале 1891 – августе 1892 – премьер-министр и министр иностранных дел. В 1893–1894 гг. – посланник в России. В 1904–1905, 1906–1908, 1909–1911, 1912–1918 гг. – премьер-министр и министр иностранных дел. Возглавлял делегацию Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) на Парижской мирной конференции (1919–1920). В 1918, 1921 – июне 1924, августе 1924–1926 гг. – премьер-министр КСХС.

посланников Держав согласия, вручивших ему торжественный текст заявления по названному вопросу. Пашич, крайне взволнованный сообщением, ответил, что едва ли окажется возможным удовлетворить требование держав, связанное с союзной оккупацией Македонии. Требуемая державами жертва, по словам Пашича, превышала возможности Сербии. Вместе с тем Пашич отметил, что намечаемая отдача Болгарии Македонии создала бы для Сербии невозможную границу с враждебной Болгарией, якобы, проявляющей стремление к Адриатике. Стремление это, по мнению названного сербского министра, не может быть парировано узкой полосой земли, которая соединила бы в этом случае Сербию с Грецией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.